

Сахалинский государственный университет

П. А. ЮСОВ

СОДЕРЖАНИЕ И СМЫСЛ ПРАВА

Монография

Южно-Сахалинск
2011

УДК 340.12(035.3)
ББК 67в
Ю 91

*Серия «Монографии ученых
Сахалинского государственного университета»
основана в 2003 году.*

Ю 91 Юсов, П. А. Содержание и смысл права: монография /
П. А. Юсов. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. – 188 с.

ISBN 978-5-88811-377-6

Предлагаемая читателю работа представляет собой попытку автора взглянуть на правовую действительность и на совокупность теоретических учений о праве несколько с иной, противоположной точки зрения, в отличие от сложившихся и ставших вполне обыденными представлений о праве как гарантии равенства и свободы, как единственном источнике справедливости и добродетели. Автор рассматривает правовую жизнь общества как самостоятельную форму отражения общественных отношений и высказывает глубокие сомнения относительно истинности сложившихся утопических и романтических представлений о праве как панацее от всех бед, возникающих в системе общественного человеческого бытия.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Г. Д. Гриценко, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН, профессор кафедры социологии Ставропольского государственного университета;

С. Н. Медведев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Ставропольского государственного университета;

И. В. Сазанова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Юридического института Сахалинского государственного университета;

С. С. Простяков, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Сахалинского государственного университета.

9 785888 113776

© Сахалинский государственный университет, 2011
© Юсов П. А., 2011

*И что мне до споров,
до праздных упреков,
Что видел не так я,
как видели все.*

Даниил Андреев

ПРЕДИСЛОВИЕ

При исследовании того или иного феномена природного или общественного бытия бывает бесполезно по-декартовски отвлечься от всего уже существующего знания, к которому мы достаточно привыкли и которое принимается если и не как абсолютная истина, то, по крайней мере, как необходимый минимум информации для выработки собственных представлений о том, что представляет собой окружающая действительность, какова она есть, какой она должна быть и какой мы ее хотели бы видеть. Это отвлечение может быть достаточно разнообразным, и в данном случае предлагается встать если не на противоречащие, то, по крайней мере, на противоположные позиции в отношении существующего понимания феномена права, сложившегося, наверное, еще с античных времен и особенно развившегося в эпоху просвещения, которая к античным «аксиомам» и «догмам» добавила свои собственные.

Философ – не юрист, он не может и не должен смотреть на право только с положительной точки зрения, согласно которой правоведа всех времен и подавляющего большинства народов видели и видят в феномене права панацеею от всех общественных неурядиц и противоречий: вот сегодня мы примем хорошие законы, власть имущие и подданные поймут, что это всеобщее благо, начнут неукоснительно подчинять свое поведение этим нормам, и все коллизии в обществе растворятся и исчезнут сами собой в мгновение ока, как по маговению волшебной палочки. Со времени Томаса Мора это было названо утопизмом. Проходили столетия, менялись эпохи и формации, вместе с ними якобы совершенствовались юридические законы, а противоречия и различные способы их разрешений как были, так и оставались основным содержанием в жизнедеятельности народов. Идеи же так называемого гражданского общества и правового государства в их классово-гуманистической интерпретации как были

ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

утопией, так до сих пор остаются и надолго еще останутся областью социально-политической и правовой фантастики даже в намного большей степени, нежели оболганные, опошленные и отвергнутые нынешними демократами вроде Жириновского или Новодворской, идеи марксизма и коммунизма. Идея гражданского общества подразумевает в своей основе базирование на глубоко нравственном долге и совести, а право так или иначе в любом случае базируется на насилии со стороны государства. Таким образом, нравственное гражданское общество и правовое, но насильственное государство вряд ли совместимы. Они не являются антагонистами, но в достаточной степени друг другу противостоят, чтобы можно было их объединить, по крайней мере, в условиях современного уровня общественного развития. Еще К. Маркс в «Критике гегелевской философии права» подчеркивал, что гражданское общество в условиях сохранения частной собственности, а значит эксплуатации человека человеком, – это продолжение и обострение «войны всех против всех», где определяющим является римское присловье: «Homo homini lupus est»¹.

Право по-своему разрешает многие общественные конфликты и противоречия, и за это ему «честь и хвала». Но уповать на право как на священный источник или гарант свободы – это не просто фантастика, а прямое заблуждение. Позитивное право, исходящее из уст государя или буржуазного государства, является частнособственным, классовым правом, которое никогда не несло и по самой своей природе не может нести в себе принципов равенства и братства. Классовое право (рабовладельческое, феодальное, буржуазное, колониальное) и справедливость – несовместимы изначально, это то же самое, что принимать дьявольский иску за ангельскую благодать. Отвергнув устоявшиеся представления о праве как панацее, надо попытаться взглянуть на явление права с противоположной точки зрения и посмотреть, а изменится ли что в теории, в правосознании, в юридической практике, если изначально мы оттолкнемся от того, что право вовсе не является носителем свободы, а скорее, наоборот – несвободы; что право и равенство, право и справедливость несовместимы «по определению».

В анализе права с этих указанных позиций я и вижу свою задачу.

Автор

¹ См.: Маркс, К. Соч. – Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – С. 260–270.

Правовая жизнь человеческого общества представляет собой и исторически, и фактически необходимую, существенную и достаточно значащую составляющую всего общественного бытия. Возникнув в результате закономерного прогрессивного развития общественных отношений, право во всей его полноте стало объектом философского осмысления наряду с иными составляющими общественной жизнедеятельности, начиная, в сущности, еще с античных времен. С «легкой руки» Г. В. Ф. Гегеля этот раздел философского познания получил название философии права. Насколько логически и этимологически состоятельно такое словосочетание – это, наверное, еще вопрос, поскольку философия в данном определении выступает в качестве предиката права, а предикат по объему не может быть шире субъекта, нарушается правило распространенности терминов в суждении. Что в данном случае является субъектом, а что объектом познания – уже проблема. Иначе говоря, может ли право иметь свою философию? При отношении к последней как к совокупности учений, знаний «об универсалиях», т. е. о всеобщих закономерностях природного и общественного бытия, возникает сомнение: может ли быть философия (всеобщее знание) чего-либо конкретного? – религии, истории, как у Гегеля, или далее искусства, науки, как у нынешних позитивистов, а значит, в том числе и права? Философия как мировоззренческая система знаний может рассматривать в качестве объекта своих интересов что-либо конкретное, любое явление как природной, так и общественной действительности анализировать в системе философских категорий. Но может ли отдельное явление иметь свою философию? Можно говорить о философском подходе к исследованию чего-либо, о философском анализе политики, права, истории и т. п. У истории, науки, искусства нет и не может быть никакой философии, так же, как у истории, например, не может быть никакой логики. Логика – наука о мышлении, поэтому какое-либо рассуждение может быть логичным, т. е. подчиняться правилам логики, или наоборот. А какие-либо реальные события не могут быть логичными или нелогичными. Человеческие поступки можно рассматривать как логичные или нелогичные, и то в плане соответствия или несоответствия логичности замысла. Таким образом, философия может быть у исследователя: у физика, историка, теолога... у челове-

ка с его мыслящим разумом. Поэтому правильнее говорить не о философии права, а философском анализе права, где философия выступает в роли способа осмысления, специальной методологии познания, опирающейся на совокупность своего понятийного аппарата, на диалектические принципы познания.

В российском дореволюционном правоведении философия права изучалась студентами юридических факультетов университетов под названием «энциклопедия права», что для нашего уха еще более необычно. Энциклопедия как справочное издание может относиться к какой-либо отдельной отрасли знания либо к набору каких-то областей знания (например, литературная, математическая энциклопедия), даже к творчеству отдельного человека: пушкинская, лермонтовская энциклопедии. Не может быть энциклопедии как некоторой научной дисциплины. Энциклопедию нельзя изучать, ее статьи можно читать, с ними можно знакомиться, обсуждать, цитировать – но это будут научные сведения, а не предмет научного исследования или спора. Таким образом, термин «энциклопедия права» справедливо отошел в далекое прошлое конца XIX – начала XX столетия. Термин «философия права» пытается возродиться активными усилиями представителей как философского, так и правоведческого знания. Это название определенной части или отрасли философского знания наряду с философией науки и т. п. активно приживается на ниве нынешнего развития философии и правоведения. Философия права вот уже не первый год включена в программу подготовки юристов на соответствующих факультетах, хотя нет еще научно и методологически обоснованной программы этой дисциплины, что предоставляет широкие возможности как философам, так и юристам для индивидуального творчества, споров и дискуссий. Вышло из печати несколько так называемых учебников и учебных пособий по философии права, которые, однако, вряд ли можно отнести к таковым, так как излагаемый в них материал относится скорее к основам истории правовых и политических учений, а не к философским проблемам права².

² Среди имеющихся изданий, в частности, можно порекомендовать как учебное пособие только книгу Д. А. Керимова «Методология права». – М., 2008.

В наше время право как предмет специального высшего и среднего образования и как известное общественное явление исследуется и изучается в двух основных направлениях: в правоведческом – в виде теории и истории государства и права и конкретного анализа позитивного права по отраслям, и в виде социологии права, поднимающей проблемы преступности, правосознания, правового воспитания, эффективности функционирования права и т. п. Вторичное разделение труда привело к возникновению профессиональных юристов, правоведов и правоведения как прикладного специального научного знания, которое имеет своим объектом всю систему функционирования положительного права и в прошлом, и в настоящем, и даже в ближайшем будущем времени во всех аспектах: в правотворческом, правоприменительном, правоохранительном и в правозаставляющем. Основная задача правоведа практическая: улучшение, совершенствование всей правовой системы, включая как логико-теоретические разработки и правотворчество, так и непосредственное практическое функционирование права во всех его составляющих: государственных, общественных и частных отношениях, во взаимодействии всех его органов и учреждений, в деятельности юридических и частных физических лиц.

Задача теории государства и права в конечном итоге заключается в поисках и обосновании лучших правовых идей и идеалов, целей и моделей позитивного права, способов функционирования правовой системы как должного и необходимого, поисков наилучших возможностей и способов регулирования общественных отношений. Что она и пытается отразить в соответствующем понятийном аппарате и в соответствующих определениях и предложениях.

История права – это не столько история развития самих правоотношений, сколько история возникновения и развития самих правовых идей, установлений, норм, законодательства в те или иные эпохи исторического развития человеческого общества, в разных регионах мира, у разных народов, а также попыток их реализации в форме политических и правовых институтов и учреждений. История права, как она есть сейчас, – это история законодательств, государственных устройств, а также способов и форм различных проявлений политической жизни стран и народов.

Социологи видят в праве ценностно-нормативный механизм социальной регуляции в системе общественных отношений, где совокупность исходящих от имени государства обязательных предписаний выступает как система социального контроля и воз-

действия, осуществляемого в форме функционирования норм-правил и норм-ожиданий, норм-запретов и норм-требований, таковых, как они есть и какими они должны быть. Это, в сущности, практическое исследование эффективности, действенности всей государственно-правовой системы. При этом общественно полезная отдача функционирования всех составляющих ее механизмов рассматривается в двух основных формах: позитивной, т. е. в различных проявлениях законопослушания; и в негативной, или в самых различных вариантах правонарушений и преступности. Кроме того, социология обращает большое внимание на то, как сделать позитивное право максимально действенным и продуктивным, как свести к минимуму антиобщественные проявления.

Задачей философии права не является конкуренция с правоведческими дисциплинами, она не претендует на объемный или содержательный анализ законодательства конкретных отраслей права, ни на обобщение, ни на синтез, ни, тем более, на какое-либо участие в законотворчестве. Философия как система знаний о всеобщем не может претендовать на конкретный правоведческий анализ юриспруденции или на его подмену собственной методологией или собственными моделями. И, тем более, философия права не сводима к анализу правосознания во всех его проявлениях, как хочет нас в этом уверить, например, В. П. Малахов³.

Философия не может ограничиться ни конкретными задачами теории, истории или социологии права, ни их объединением в некую единую искусственную систему, ни обобщением их частных выводов и получением некоего синтетического представления о праве. Философия должна, во-первых, определить место права в общественной действительности как социальной форме движения материи. Во-вторых, философия обязана рассматривать право как необходимое явление, закономерно возникшее в процессе саморазвития человечества. В-третьих, философия может исследовать правовую жизнь людей только как сложную, многостороннюю, многофункциональную систему и идей, и реальных отношений, отражаемых и в политических, и в экономических, и в духовных проявлениях человеческого общежития. Философия обязана раскрыть право как порождение, прояв-

³ Малахов, В. П. *Философия права: учебное пособие* / В. П. Малахов. – М., 2002.

ление и разрешение диалектических противоречий, определяющих в этой части самодвижение общества в рамках достижения желаемых целей, с одной стороны, и в границах проявления закономерностей природной и общечеловеческой необходимости – с другой.

Как уже было сказано, буквально несколько лет назад в учебные стандарты подготовки юристов был введен курс философии права. И теперь юристы и философы в процессе «конкуренции» стараются определить, к какому же курсу дисциплин ее отнести: к юриспруденции или к философии, и, соответственно, кто должен читать и вести этот курс – философы или теоретики-юристы⁴. Необходимо сразу же оговориться в адрес О. В. Мартышкина в том, что философия права не может быть ни самостоятельной (как отдельная отрасль философии), ни тем более юридической дисциплиной (на том же самом основании). Философия права – это *философское* учение о праве, ни коим образом не сводимое к юридическим дисциплинам, даже к теории государства и права.

Курс философии права должен читать только философ и не иначе. Философы от юриспруденции заиклены на юридическом аспекте своего понятийного аппарата и, как показывает практика⁵, не могут выйти за пределы юридического содержания самого понимания сущности права и правовых отношений, сводимых к позитивному праву в его юридическом понимании, т. е. к правовой норме. Они превращают философию права в историю развития правовых идей и базирующихся на них учений и не более того. Философы не заиклены на нормативизме. Они смотрят на право как на общечеловеческое явление, с одной стороны, как на философско-идейное явление,

⁴ См., напр., *дискуссионные материалы на эту тему в журнале «Философия права»* и др. Жуков, В. Н. *Философия права (теоретико-методологический аспект)* / В. Н. Жуков // *Государство и право*. – 2009. – № 3. – С. 21–30; Мартышкин, О. В. *Нужна ли философия права как самостоятельная юридическая дисциплина?* / О. В. Мартышкин // *Государство и право*. – 2009. – № 11. – С. 18–28; Сырых, В. М. *О праве социализма на собственное право (по версии академика В. С. Нерсесянца)* / В. М. Сырых // *Ленинградский юридический журнал*. – 2009. – № 4. – С. 7–27 и др.

⁵ См. работы С. С. Алексеева, С. В. Моисеева, В. С. Нерсесянца, Ю. В. Сорокиной и др. *Даже читая те или иные материалы в этом направлении в журналах, по самому тексту практически легко определяется принадлежность автора или к юриспруденции, или к философии.*

с другой – как на объективно необходимый инструмент управления общественными процессами. Правовую жизнь общества философ анализирует с позиций философской методологии и философских категорий материалистической диалектики. Таким образом, можно попытаться сформулировать те правовые проблемы, которые должны стать объектом философского анализа и выступать в роли содержания философии права как отрасли философского знания.

Во-первых, требует осмысления и четкого определения само понятие «право», к единству понимания которого юристы и правоведы, в сущности, до сих пор еще не пришли. При этом мы должны учитывать, что право естественно-человеческое, живое, индивидуальное право как конкретное, «единичное» право на что-либо является далеко не тем же самым, что в юриспруденции называется позитивным или положительным правом.

Во-вторых, позитивное право теснейшим образом связано с понятием государственной власти и властвования. Право выступает в роли инструмента властвования, в роли способа, на который опирается государство, управляя общественными процессами в отдельных областях общественных отношений: политических, экономических, религиозно-нравственных, семейных, трудовых и т. д.

В-третьих, право является «преемником» всей суммы нравственных отношений, только на ином этапе развития общества и в иных формах реализации, поэтому еще представители античной философской мысли, а тем более эпохи просвещения, теснейшим образом связали право с такими понятиями, как свобода, справедливость, а также с добром и злом, ответственностью и воздаянием, преступлением и наказанием и т. д.

В-четвертых, теория права оперирует таким понятием, как «закон», подразумевая под этим норму высшей юридической силы. Но может ли человек выступать в роли творца законов, ведь он не Господь Бог. Таким образом, речь идет о самом понимании того, а что же такое это есть «закон»?⁶

⁶ – Бог не одному человеку не позволил составлять законы.

– В чем же тогда задача законодателя?

– В умении понять естественные законы.

– Вот как!

Из беседы Екатерины II с Тибо: Валишевский, К. Вокруг трона / К. Валишевский. – М.: СП «ИКПА» 1989. – С. 265.

В-пятых, право функционирует не только как упорядочивающие правила или запреты. Право воздействует на человека и как идея, как идея правды, понимание правоты. А идея – это отражение права и его бытия в сознании человека. Таким образом, право функционирует и как правосознание, предоставляя человеку возможность выработать свое отношение к правовой действительности, в границах которой ему приходится пребывать и поступать соответствующим образом или законопослушно, или нигилистически, а то и прямо противоположно.

И наконец, в-шестых, права человека рождались и рождаются вместе с ним и осмысливались и осмысливаются по мере его развития, позитивное же право имеет не столько историю, сколько причины своего происхождения и развития. Поэтому философия не может оставаться в стороне и от исследования этого вопроса. А при анализе этой проблемы нельзя становиться на сторону лишь одного какого-либо учения, будь то историческая школа или социологическая, марксистская или позитивистская и т. п. Философия, и это не только ее отличие от науки, но и ее преимущество: философия – это такая система знаний, где могут одновременно сосуществовать достаточно противоположные убеждения и взгляды, и при этом каждая сторона в чем-то будет по-своему права. Привести к истине при решении таких проблем может лишь синтетический подход, так как каждая исследовательская школа внесла свою позитивную лепту в теоретическое и тем более в философское осмысление феномена права. Здесь же наличествует и некая практическая цель: в какой степени и законодатель, и исполнитель, и просто законопослушный гражданин могут уповать на правовую систему общества как на средство в разрешении тех или иных социальных проблем? Таким, для начала, видится круг проблем и вопросов, который может и должен относиться к области философии права, и последняя обязана найти свои ответы на поставленные вопросы, ибо философы от юриспруденции, заикленные только на юриспруденции, на юстиции, благодаря этой односторонности, не могут да и не смогут разрешить перечисленные «апории».

В ЗАЩИТУ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

В наше время повального увлечения философским идеализмом, космостикой и астрологией, мистикой и эзотерикой, а также иными формами и школами религиозно-идеалистических учений даже гегелевская диалектика оказалась если не в полном забвении, то в основательном загоне, а в материалистической диалектике нынешние неолеминги пытаются увидеть чуть ли не заклятого врага общественного и научного прогресса⁷. Самое интересное состоит в том, что проповедуют и защищают «бывший буржуазный идеализм» бывшие «убежденные сторонники» марксизма и диалектического материализма, которые, как в свое время это пытался делать эмпириокритик А. Богданов в отношении Ф. Энгельса, так и эти наши неолеминги, пытаются, как максимум, объявить марксизм утопией и даже ненаучной фантастикой; в лучшем случае, как в начале XX века, вновь пытаются подправить и дополнить марксизм К. Попером, П. Сорокиным, Х. Ортегой-и-Гассетом и многими другими, главным образом, зарубежными авторскими идеями или учениями как постпозитивизм, феноменология, герменевтика и иными «парадигмами» и образчиками течений, так активно ими же критиковавшимися в таком недавнем прошлом. Увлечение историей философской мысли и западными философскими школами и течениями поставило под вопрос научно-философское отражение и осмысление нынешнего этапа развития как естественнонаучного и общественного знания, так и общественных отношений особенно применительно к новой буржуазной России⁸.

⁷ В подавляющем большинстве нынешних учебников по курсу философии для вузов от прежней диалектики осталось лишь упоминание термина «диалектика» и в лучшем случае краткое, схематичное изложение законов диалектики.

⁸ Практически половина, а то и более программного материала, изучаемого в курсе философии в вузах, посвящена истории философии. Это само по себе, может быть, и неплохо, но как это может помочь осмыслить нынешнее состояние российской действительности? Учебники и пособия по философии права напоминают учебники по истории правовых и политических учений, но не поднимают философских проблем права. Например, издания О. Г. Данильяна, И. И. Кального, С. В. Моисеева, Г. В. Стельмашука, С. Г. Чукина и др.

Таким образом, возникает необходимость в защите материалистической диалектики вообще и учения об отражении как видимом проявлении движения материи в частности. При этом необходимо обратить внимание на то, что вопрос об отражении в более чем 50 % учебников по философии последних изданий вообще не поднимается, а в остальных заслуживает более широкого изложения, не ограничиваясь одной привязкой к проблемам происхождения и сущности сознания. «Теория отражения... есть центр марксистской философии»⁹. Поэтому, прежде чем говорить о правовой действительности как реализации процесса отражения в системе общественных отношений, необходимо остановиться на анализе содержания и объема самой этой научно-философской категории.

При знакомстве с литературой, в которой представители философского знания пытаются определить, что же представляет собой отражение как явление действительности и как принцип теории, составляющей основу диалектико-материалистической гносеологии, создается впечатление о том, что это понятие рассматривается как некое второстепенное, вспомогательное и т. п. Об этом говорит небрежность в определении этого понятия и резкое сокращение его употребления в научно-философской литературе, с одной стороны; и очень незначительный по объему материал об отражении, прежде всего в учебных пособиях, посвященный рассмотрению гносеологических и, особенно, социальных проблем, – с другой. Проанализируем некоторое количество приводимых в литературе авторских определений понятия «отражение».

Как самое распространенное определение рассматриваемой категории можно привести следующее: «Отражение... представ-

Как писал К. Ясперс: «История философии хотя и показывает ее развитие, но, по сути, только или как последовательность появления тех или иных окончательных, в силу своей правильности, взглядов, или как окутанные туманом (особенно применительно к идеализму. – П. Ю.), постоянно нуждающиеся в преодолении и многократно преодоленные ошибки. Для того чтобы ее понять, изучают... суть дела (курсив мой. – П. Ю.), а не историю ее открытия». Ясперс, К. *Всемирная история философии. Введение* / К. Ясперс. – СПб., 2000. – С. 101–102.

⁹ Живкович, Л. *Теория социального отражения* / Л. Живкович. – М., 1969. – С. 7.

ляет собой *свойство* (здесь и далее курсив мой. – П. Ю.) вещей *воспроизводить* под воздействием других вещей такие следы, отпечатки, реакции, структура которых находится в соответствии с какими-либо сторонами взаимодействующих вещей»¹⁰, что в несколько упрощенном варианте выражается в следующем: «Отражение есть *свойство* материальных образований *воспроизводить* в ходе взаимодействия свойства и особенности других систем. В простейшем случае – это след на песке...»¹¹. Аналогичная картина: «Отражение представляет собой способность материальных объектов, воспринимая энергию внешнего воздействия, *воспроизводить* в изменениях своей структуры определенные особенности воздействующих тел и на этой основе изменять восприимчивость к последующим воздействиям»¹². Ну хотя бы один пример в подтверждение подобной наукообразности! Так и хочется уточнить у авторов подобных определений: какие же именно свойства человека или хотя бы его ноги *воспроизводит* след на песке? – Вес, объем, расу, пол?.. ибо воспроизводить означает произвести какое-либо нечто еще раз, повторно, как еще один экземпляр чего бы то ни было¹³. Подобная же мысль проводится и П. В. Алексеевым и А. В. Паниным применительно к характеристике мышления как отражения: «...В субъективном мире сознания осуществляется *воспроизведение* объективной реальности...»¹⁴. Это значит, что стол как предмет и мысль о столе обладают одинаковыми свойствами, предмет и его образ одно и то же? Достаточно мудреной выглядит мысль об «установлении некоей согласованности» между предметом и его образом у В. Н. Лавриненко и В. П. Ратникова¹⁵. Добавим еще два авторских определения, которые кажутся более соответствующими действительности. «Под

¹⁰ *Философский словарь* / Под ред И. Г. Фролова. – М., 1987. – С. 349.

¹¹ *Философия* / Под ред. Ю. А. Харина. – Минск, 2000. – С. 155; аналогично: *Философия. Курс лекций*. – М., 1997. – С. 106.

¹² Бучило, Н. Ф. *Философия* / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – М., 1998. – С. 57 и др.

¹³ *Словарь русского языка*. – Т. 1. – М.: изд-во Академии наук СССР. – 1981. – С. 216.

¹⁴ *Философия*. – М., 1996. – С. 157.

¹⁵ *Философия* / Под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. – М., 2007. – С. 354.

отражением понимается коренное *свойство* материальных объектов *реагировать* (уж это никак не свойство, а функция. – П. Ю.) на воздействия *внешних* (почему только внешних? – П. Ю.) условий определенными *внутренними* (почему только внутренними? – П. Ю.) изменениями»¹⁶. «Отражение... это способность материальных объектов оставлять в себе следы других материальных объектов при взаимодействии с ними»¹⁷. «Отражение есть всеобщий способ или процесс, какими вещи действуют друг на друга и отвечают на эти действия... Отражение основано на способности всех вещей отвечать (реагировать) на раздражение или влияние других вещей своими внутренними изменениями и внешними ответами... отражение можно было бы определить как *специфический способ внутреннего и внешнего реагирования одних предметов на действия других сообразно их специфической структуре и свойствам*»¹⁸.

Наконец, приведем образец особой «мудрости», перед которым бледнеет даже средневековая схоластика, изданный в Ростове-на-Дону: «Отражение – одно из центральных понятий материалистической *теории познания* (почему только теории познания? Это и онтологическая категория), трактуемое как представленность свойств одной системы в другой (неживой, живой, социальной), согласно принципу адекватности результатов познания своему источнику (какое познание в неживой природе?). Отражение понимается не как копирование вещей и явлений, а как сложный противоречивый процесс взаимодействия отражаемого и отражающего, чувственного и рационального, мыслительной и практической деятельности человека»¹⁹. Нужно особо отметить то, что это определение дано в «Словаре...», в справочном издании, т. е. для простых смертных, не искушенных в терминологической казуистике.

¹⁶ Крапивенский, С. В. *Общий курс философии* / С. В. Крапивенский. – Волгоград, 1999. – С. 206.

¹⁷ *Философия: конспект лекций* / Сост. В. Д. Якушев. – М., 1999. – С. 158.

¹⁸ Живкович, Л. *Теория социального отражения* / Л. Живкович. – М., 1969. – С. 14.

¹⁹ *Современная философия. Словарь и хрестоматия*. – Ростов н/Д., 1995. – С. 55.

Хочется обратить внимание на то, что не только журнальные и т. п. статьи и материалы, но, к глубокому сожалению, учебники и учебные пособия для высшей и средней школы, а равно и многие популярные издания излагаются таким языком, настолько насыщены иноязычными и иными наукообразными терминами и выражениями, что их невозможно читать, не взяв в руки соответствующих словарей²⁰, притом даже в самых последних изданиях не всегда найдешь определение того или иного термина. За ускоренным развитием и «обновлением» «творческой» мысли наших, особенно молодых, соискателей издатели словарей просто не успевают. Иногда приходит в голову простейшая мысль: неужели сами авторы понимают то, что, как и о чем они пишут? Остается только заметить: чтобы выражать свои идеи кратко и понятно, надо иметь талант или хотя бы способности к этому. Философы, и особенно от юриспруденции, достаточно легко и с большой долей произвола и субъективизма обращаются с научно-философскими категориями, особенно в той части, что касается переноса иноязычных терминов на русскую почву, преподнося последние как общеизвестные, давно устоявшиеся понятия, а фактически засоряя «великий и могучий» свой родной русский язык. От употребления сложной, достаточно неопределенной и малоизвестной терминологии (например, «правовая материя», «парадигма», «юридическая энергия» и т. п.) научное содержание абсолютно не расширяется и не углубляется²¹. Если философия в лице философов, в том числе и правоведов, хочет претендовать на сближение с наукой, то последние должны стремиться к максимальной ма-

²⁰ *Лейст О. Э., напр., пишет: «В некоторых исследованиях придумыванию новых терминов придается столь большое значение, что в связи с положениями, выносимыми на защиту, в диссертациях утверждается: «введена в научный оборот новая терминология... предложены новые формулировки понятий...». Однако эти новые термины и формулировки, носящие, как правило, вычурный характер, в науке не приживаются по той причине, что наука довольствуется привычной, общеизвестной терминологией, но ищет и высоко ценит новые идеи». – Сущность права. – М.: МГУ, 2000. – С. 248.*

²¹ *На это, правда, очень робко, обращает свое внимание И. И. Андриановская в монографии «Справедливость в современной правовой действительности в России». – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 12.*

тематической однозначности в понимании понятийного аппарата (терминологии), в определении тех категорий, на которые они опираются в процессе познания и философствования²². Это, наверное, не всегда возможно, но, чтобы быть правильно понятым, стремиться к этому необходимо. Четкость, строгость и однозначность – это, по справедливому замечанию Н. Винера, залог избежания многих противоречий и непонимания не только в мысли или в дискуссии, но и в самой жизненной действительности.

Но вернемся к нашим определениям понятия «отражение»:

Во-первых, отражение никак нельзя свести к свойству, даже коренному, поскольку свойство, как правило, пассивно, инертно, выражает собственное содержание объекта, содержание в самом себе. Отражение же функционально, это всегда взаимодействие, активно направленное. Отражение не является и просто способностью, поскольку последняя – это чаще всего возможность, а не действительность, готовность к чему-либо как будущему действию или состоянию, где наличие этой самой способности может обеспечить больший успех в достижении некоей цели, но может остаться и невостребованной.

Во-вторых, отражение – это функция, это деятельность, это процесс взаимодействия, взаимовлияния, обмена чем-либо между отражающим и отражаемым. Притом отражающее и отражаемое далеко не всегда можно определить или четко увидеть в чистом виде. Чаще всего и то и другое выступают в обеих ипостасях, и подразделение на активно отражающее и пассивно отражаемое очень условно можно определить, разграничить и даже противопоставить лишь в творческом процессе познания. Здесь воздействия и претерпевания одновременны и взаимобратны.

²² *Эту задачу поднимали ученые еще два века назад, напр., Эккартсгаузен, К. Ключ к таинствам природы / К. Эккартсгаузен. – Ташкент: Концерн «Шарк», 1993. – С. 182–183, который пишет: «Для понимания отвлеченных истин нужны логические знания и ясная терминология; но как мало имеющих логические знания! И где терминология, которая бы вообще принята была всеми? Чему же удивляться, что есть столько недоразумений, столько различных толков? Чему удивляться, что люди, читающие книги, судят о отвлеченных понятиях, как слепой о цветах? Чему удивляться, что многие, прочтя книгу, и половины ее не разумеют; многие ничего из нее не поняли?». Это написано в конце XVIII века.*

Можно сказать, что в процессе отражения происходит взаимообмен воздействиями и влияниями между «условно» отражающим и «условно» отражаемым.

В-третьих, что касается «воспроизведения» каких-либо особенностей, свойств и т. п. отражаемого в отражающем. Воспроизвести что-либо – это значит, в сущности, сделать то же самое, т. е. повторить, создать еще один экземпляр этого первого, т. е. отражаемого, или целиком, или какой-то отдельной его стороны²³. Так что же именно, исходя из трактовки отражения как воспроизведения, может действительно воспроизвести в себе отражающее под воздействием отражаемого? Что «воспроизводит» след на песке от оставившего его человека или животного? Что «воспроизводит» зеркало или лужа воды, когда в них смотрятся люди или животные? Из «принципа воспроизведения» следует, что рисунок морды собаки в зеркале лужи, когда последняя пила из нее воду, и настоящая морда собаки – это два экземпляра одного и того же предмета. При отражении происходят лишь определенные изменения, вызываемые как следствия этим взаимодействием. Притом происходящие изменения не всегда могут быть только внутренними – это заведомое сужение возможностей проявления различных форм и способов отражения в мире природы и человека.

Наконец, в-четвертых, сознание, отражая объективную действительность, абсолютно не *воспроизводит* последнюю ни в какой мере, ни в каком виде, а лишь создает в мозгу образ этой действительности, а на абстрактно-логическом, рациональном уровне создает понятие об этой действительности. Между образом, а тем более между понятием о предмете действительности и самим этим предметом подразумевать и тем более увидеть какое-то сходство на уровне воспроизведения этого предмета – выглядит как признак явно нездорового воображения. Между предметом и его отражением в форме информации нет никакого реального сходства. Первый – это реальный предмет в его физическом существовании или бытии, второй – мысленный рисунок-образ в голове, или слово, а говоря словами И. П. Павлова, результат работы «второй сигнальной системы». Учитывая приведенные замечания в адрес имеющихся и рассмотренных определений самого понятия «отра-

²³ *Словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1981. – С. 216.*

жение», можно предложить иное, максимально простое, строгое и однозначное, а также предельно широкое и общее определение: *Отражение – это научно-философская категория для обозначения взаимодействия двух или более материальных объектов или явлений, которое вызывает какие-либо изменения в одном или нескольких взаимодействующих объектах.* Больше в определении сказать нечего. Все остальное будет лишь конкретизацией или самого взаимодействия как процесса отражения, или произошедших изменений как его результатов. По своей значимости и объему эта категория равновелика самым общим философским понятиям: материи, движению материи, пространству.

Всеобщим способом бытия материи является движение, которое проявляется как любые и постоянно протекающие из него изменения окружающей действительности. Кроме того, материальный мир представляет собой не хаотичное нагромождение объектов, предметов, явлений и т. п., а пространственно упорядоченную систему, где, в сущности, составляющие совокупность всего мира объекты связаны между собой в соответствии с законами всемирного тяготения и сохранения массы и энергии. Отражение, таким образом, представляет собой один из способов самодвижения в мире материи в его всеобщности либо как одно из его проявлений. Отражение как одна из форм движения материи выступает в двух ипостасях: с одной стороны, как всеобщая функция взаимодействия в мире структурно и энергетически соседствующих и связанных между собой материальных тел и явлений, оно является всеобщим атрибутом движения материи; с другой стороны, отражение выступает в роли причинного основания последовавших в результате взаимодействия изменений, как основание для реакции на внутренние и внешние взаимовлияния в мире предметов и явлений природы.

Исходя из констатации факта отражения как взаимодействия и взаимовлияния предметов и явлений, каждая составляющая этого процесса по отношению к своей «визави» выступает вроде бы как представительница внешней действительности, откуда, в свою очередь, сложилось мнение, что отражение – это есть проявление чисто внешних отношений между объектами, что это взаимодействия сугубо внешнего характера. Однако эти связи далеко не так просты. Отражение – это вид диалектического противоречия, где оно может выступать одновременно и как внешнее, и как внутреннее, в зависимости от «точки отсчета», как, напри-

мер, противоречия в семье между ее членами можно рассматривать как внутреннее, если говорить об их значимости для семьи как ячейки общества, как самостоятельной формы человеческих отношений. В то же время эти противоречия будут выступать как внешние по отношению к каждому члену семьи как участнику этих конфликтов, поскольку и жена, и теща, и дети для супруга, например, выступают как объекты внешней реальности. Или расстройство желудка или рвота – это внутренняя реакция организма на пищу, поступившую извне. Таким образом, характеристика отражения как только внешних отношений явно несостоятельна, и разделение отражения на внешнее или внутреннее носит достаточно условный характер и во многом зависит от точки зрения субъекта, познающего объект с той или иной стороны.

В процессе познания окружающей действительности можно выделить три основных уровня материального бытия: бытие неживой природы, бытие живой природы, пусть только в известных границах земного существования, и человеческое бытие как особую историческую, социальную форму движения материи. В соответствии с этой классификацией, поскольку отражение есть проявление движения, можно констатировать и три уровня отражения: проявление этой функции на уровне неживой природы, в живой природе и в человеческом общественном развитии, где в дальнейшем мы выделим функционирование права и правовых отношений как один из видов социального отражения.

Не вдаваясь в естественнонаучные подробности процессов отражения в мире неживой природы (это прерогатива специальных естественных научных дисциплин), можно отметить, что отражение в мире неживой природы достаточно жестко причинно обусловлено теми закономерностями, которые открываются нам физиками, химиками, астрономами и иными представителями естествознания. Осуществляется же оно непосредственно в формах тех физических, химических, механических и т. п. процессов и взаимодействий, которые объективно присущи во всем их многообразии движущейся материи. Именно опираясь на достаточно устойчивые проявления закономерностей, человечество и имеет возможность, с одной стороны, достаточно близко к действительности прогнозировать какие-то события и их последствия, с другой – использовать полученные знания в своей практической человеческой жизнедеятельности.

Второй уровень отражения – это взаимодействия в мире жи-

вой природы. Нынешняя научная мысль утверждает, что и сама-то живая природа возникла в процессе развития, а значит, и всего множества протекавших когда-то процессов взаимоотражения в мире еще неживой движущейся земной материи, на которую влияли и события космического характера. Жизнь возникла на Земле в процессе изменений, порожденных всей массой отражательных взаимодействий, осуществляющихся в массе физических и химических реакций, что привело к возникновению так называемой живой клетки. Последняя, являясь результатом процессов отражения на предыдущей стадии неживой природы, сохраняет за собой все виды зависимости от природы в границах ее физического, химического, механического и всех иных форм бытия. Живой организм участвует во всех видах взаимодействия в границах общих законов движения материи, но он выработал и свои особые способы отражения и реакции на внешний мир. Бытие живой природы обрело относительно самостоятельный характер, приобретя свои специфические формы и способы бытия, которых нет в неживой природе. Это бытие мы и называем жизнедеятельностью. Микроорганизмы, растения, насекомые, животные наземные и водные обрели две основные функции, которые и отличают, в сущности, живое от неживого. Это две функции отражения, выражающиеся, с одной стороны, в способе собственного существования в виде обмена веществ, с другой – в виде функции продолжения рода, собственной смертности, но в воспроизводстве себе подобных и, таким образом, обеспечивая существование своего генотипа во времени, практически неограниченном. Организмы живой природы отражают неживую, а равно и другие организмы живой природы в границах так называемой биологической формы движения материи, которая отличается избирательностью, определенной целенаправленностью, хотя в целом и не осознаваемой. Обмен веществ – это односторонне направленный, избирательный процесс питания, т. е. потребления и усвоения определенных элементов внешней среды с целью превращения их в клетки собственного организма. Все отходы при этом за их ненужностью выбрасываются наружу. Но здесь мы имеем еще одну особенность живого вещества – его кругооборот: живые организмы питаются не только минеральными элементами неживой природы, но и «друг другом». Растения поедаются травоядными, травоядные – хищниками. И те и другие смертны и после гибели попадают опять в землю и поедаются микроорганизмами, червя-

ми и т. п., перегнивают и становятся пищей растений и т. д. Таким образом, мы имеем достаточно замкнутую цикличность. Живая природа породила мир конкуренции внутри своего бытия. Идет постоянная война «всех против всех» за выживание, где выживает сильнейший и более приспособленный. В процессе эволюции, отражая условия своего бытия, живые организмы менялись сами, обретая иные свойства и функции, способствующие самосохранению. В отличие от растений животные приобрели способность перемещения в пространстве. Последняя обеспечила появление специализированных средств для восприятия, обработки и сохранения информации – нервной системы, органов чувств и, в конечном итоге, центральной нервной системы и ее вершины – мозга. Появились когти, зубы, яды и весь арсенал самозащиты, особи соорганизовались в сообщества, появился симбиоз, как внутривидовой, так и межвидовой. Смертность породила функцию продолжения рода во времени от простого клеточного деления до сложной организации двуполой семьи, с разделением функций оплодотворения и вынашивания плода, с последующей заботой о подрастающем поколении в прайде, стае, стаде и т. п.

Так называемый высший из известных нам уровень развития, а значит, и отражения, мы обнаруживаем в области человеческого бытия. Это самое человеческое бытие породило три особых вида отражения, зачатки которых есть еще у высокоорганизованных млекопитающих. Общественное бытие, познание окружающего мира и преобразовательный, производительный труд – вот те три особые формы, которые принципиально отделяют человека от животных форм существования. Начав трудиться еще будучи приматом, т. е. уже не обезьяной, но еще не человеком, наш предок стал иначе отражать окружающий его мир вещей. Он начал создавать вещи, которых нет в природе, что, в свою очередь, заставило совершенствоваться и его тело, и его мозг, поскольку «катастрофически» стало увеличиваться количество информации о свойствах, признаках, функциях всей той массы предметов, с которыми он стал обращаться в процессе труда и для существования и закрепления которой понадобилась особая форма – слово, речь. Человек стал познавать этот мир целенаправленно и с интересом, что привело в конечном итоге к вторичному разделению труда, сделало научное познание самостоятельной составляющей человеческого бытия. Человек изначально стал формироваться как коллективное, общественное существо, и отражение в этом случае привело

к изменениям в сознании: общественное стало превалировать над личным, коллективное – над индивидуальным. Человечество пришло к осознанию Я, Мы и ОНИ. Наш предок сделал открытие: Я и ближайшие мои родичи – Они – не враги, мы не противостояем друг другу, а вместе составляем Мы. Тех Мы, которым стало под силу достичь современного уровня развития – от каменного рубила до космического корабля. Коллектив, общество – это не просто множество человеческих особей, это новое качественное образование. Это количественно-качественный скачок, который не смогли и не смогут совершить другие – животные. Человеческое общество само над собой вознесло библейское проклятие труда: «в поте лица добывать хлеб свой». Поэтому коллективный образ жизни и две функции человека: познание и труд и составляют все содержание его исторического развития.

Развитие социума, коллективного общежития привело к реализации двух противоположных тенденций: с одной стороны, общественный труд, производство и т. п. все более сплачивали людей, объединяли племена в народы, нации. С другой – эти же объединения: народы и нации все больше отдалялись друг от друга в границах своих территорий, отечеств, порождая соперничество и вражду. Несравнимый с животными рост населения вместе с человеческим образом жизни привел к становлению общественных отношений во всем их нынешнем разнообразии. Людям стало не хватать власти родовых патриархов, сложившиеся обычаи уже не выполняли своих функций, боги религиозных представлений оказались слабыми, а их заповеди неубедительными. Отражая, осознавая свое общественное бытие, люди пришли к необходимости создания специальных правил, в которых они выразили свое желание, потребность того, какими должны быть отношения между ними. Они пришли к мысли о том, что нужно заставлять людей соблюдать эти правила и тогда меньше будет вражды, беспорядка. Люди создали то, что в нашей жизни называется положительным или позитивным правом. Именно позитивное, сотворенное людьми, право закрепило имущественное и классовое неравенство, разделение людей на властвующих и подданных, на правителей и управляемых и т. д. и т. п. Появление права привело с необходимостью и к правовым отношениям в сфере отражения этого права как в головах людей, в правосознании, так и непосредственно в их поведении на разных уровнях законопослушания.

Таким образом, классификация видов и уровней отражения

достаточно обширна, многообразна и зависит, что называется, от «точки отсчета», т. е. основания, которое может выступить как пространственное начало: земное или космическое, в неживой природе или в живой и т. п. По способам и интенсивности можно выделить двустороннее отражение или многостороннее, активное или пассивное, обоюдоактивное или обоюдопассивное; на уровне механических, энергетических химических и т. д. процессов; применительно к человеку на уровне созидательной деятельности или разрушительной, так правопослушание можно отнести к созиданию, охватываемому понятием добра, а преступность – к разрушению, характеризуемому как зло. Можно выделить информационное отражение, например, право и идею права; психическое и рефлекторное или духовное; познавательное, эмоциональное и рациональное или творческое.

ПРАВО КАК ОТРАЖЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

Для философии права вопрос об определении того, что есть *право*, является, как и для теории государства и права, основным, так как речь идет об отражении сущности той части общественного бытия, которое правоведа называют правовым. Иначе говоря, речь идет об объекте философского исследования, которое не может ограничиться представлением о праве ни как об априорной идее права, что характерно для представителей «естественников»²⁴ или гегельянцев, а наряду с ними и религиозных мыслителей; ни как совокупности норм или «правил общежития, поддерживаемых государственной властью»²⁵, как определяют его правоведа-позитивисты, а точнее, нормативисты, исследующие, в сущности, не столько право как общественное явление, сколько нормы права в их пригодности и функциональности, а эти категории не равнозначны. Правовед смотрит на право изнутри, будучи сам элементом правовой системы. Правоведческий взгляд на право ограничивается, с одной стороны, совокупностью всего имеющего место законодательного и иного нормативного материала как идейно-понятийного выражения должного применительно к поведенческой деятельности людей; с другой – государством, или правообеспечивающей, т. е. правоохранительной и правоприменительной совокупностью органов, учреждений и иных структур, в той или иной мере заставляющих людей соблюдать эти нормы-правила во всей совокупности своих отношений; государство выступает и как правотворческая система, обеспечивающая совершенствование и развитие имеющейся нормативной базы и творящая – принимающая, издающая и вводящая в действие новые нормы-правила по мере появления в них реальной или видимой общественной необходимости. Для правоведа в самом общем виде является априорным постулат: нет закона (нормы), нет и права. Таким образом, прежде

²⁴ Радбрух, Г. *Философия права* / Г. Радбрух. – М., 2004. – С. 48.

²⁵ Шершеневич, Г. Ф. *Общая теория права* / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1910. – С. 368. Цит. по: Кузнецов, Э. В. *Философия права в России* / Э. В. Кузнецов. – М., 1989. – С. 119, а наряду с ними различные материалы и учебники по теории государства и права.

чем раскрывать содержание права как отражение межчеловеческих отношений, необходимо определиться с содержанием и объемом данного понятия, по отношению к определению которого правоведа не пришли еще к единому мнению. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что понятие «право» далеко не однозначное. Еще А. П. Куницын, у которого учились А. С. Пушкин и первые лицеисты, различал «право чистое» и «право прикладное»²⁶.

Философский подход к исследованию права как к одной из форм человеческого бытия не может ограничиться «узостью» правоведческого подхода. Философия как мировоззренческое, мироосмыслительное знание всеобщего характера обязана выйти за пределы нормативизма. Философия рассматривает как объект своего исследования и право реальное, или естественное, и право волеизъявленное, или позитивное, т. е. разработанное и вмененное государством, и способы его функционирования, и процесс правотворчества. Возникнув, право позволило государству вторгаться практически в любую область человеческих отношений далеко неправового характера: семейно-родовые, экономические, межнациональные, политические и так далее. Право в философском осмыслении – это не только иметь права, санкционированные государством, но быть правым, иметь правдивость, нести правоту – правду. Быть правым – это значит прежде всего думать и поступать по совести, справедливо, это значит быть честным перед собой и людьми, это значит обладать некой истиной. Наверное, не зря Ярослав Мудрый, и П. Пестель назвали свои проекты законов для Руси «Правдой».

Определяя понятие «право», можно дать несколько самостоятельных определений этой категории, которые, с одной стороны, достаточно связаны между собой, а с другой – достаточно противоположны, чтобы говорить о смысловой самостоятельности содержания каждого определения. Употребляя понятие «право», мы негласно вкладываем в эту категорию два содержания: во-первых, право как общее понятие, отражающее определенный пласт социальной действительности, и во-вторых, совокупность отдельных прав, которыми мы наделены в силу естества или государственной воли, равно и единичное отдельное право на что-

²⁶ Кузнецов, Э. В. *Философия права в России* / Э. В. Кузнецов. – М., 1989. – С. 40.

либо. Последнее трудно определить однозначно и конкретно, ибо по принадлежности оно субъективно. Индивид обладает правами как потенциальными возможностями поступать должным для него способом в силу необходимости удовлетворения своих потребностей в целях своего собственного жизнеобеспечения, самосохранения. Это то право, которое, по выражению Г. В. Ф. Гегеля, предшествует закону.

Право как общественное явление – это понятие, в некотором смысле равносильное безличному предложению. Это существительное среднего рода, не имеющее формы множественного числа. В пределе – это чистая абстракция, оторванная от носителя прав – человека, совокупность норм, изобретенных людьми, и в чем-то направленная против людей, и чем дольше во времени развивалась человеческая история, тем дальше от субъекта отрывались его права, заменяясь обязанностями и запретами. Право – это нормативная форма выражения отчужденных прав индивида. Вторая составляющая общего понятия «право» – это сама действительность человеческих отношений, правовая жизнь, выраженная в соответствующем поведении людей, в реальных взаимодействиях человека с человеком, человека с миром вещей, человека с природной окружающей средой. В реальном поведении сталкиваются и естественные права индивида, идущие от самой природы человека, и права волеустановленные, предписанные индивиду со стороны государства. Столкновение естественных и законоустановленных прав – это всегда конфликт, и судя по статистике преступности, далеко не всегда разрешаемый в пользу законодателя.

Употребляя понятие «право», мы относим его непосредственно к себе или к какому-то вполне конкретному индивиду. И именно этим термином то конкретное право, о котором идет речь в данный момент, или совокупность таковых, если речь идет о более широких каких-то возможностях. Таким образом, мы имеем в виду всю сумму конкретных прав, которыми обладает индивид в его индивидуальности, в его единичности. Мы вполне справедливо считаем, что обладаем значительной суммой прав, поскольку рождены на свет и живем в данное время и в данном месте. Какой же смысл мы вкладываем в это понятие «право» (права), чем же мы владеем, что же нам принадлежит? Это не какой-то предмет или вещь, которую можно вынуть из кармана или из ящика стола, кому-то, хвастаясь, дать посмотреть, одолжить или подарить. Это нечто беспредметное, но всецело нам принадлежащее. И, самое

главное, мы прекрасно знаем, что значительная часть людей, а в некоторых случаях и все люди, обладают точно такими же правами наряду с тобой. Это живое, природой данное право, которое характеризует индивида не столько с позиций возможных, нередко ожидаемых форм поведения, сколько с позиций готовности индивида действовать определенным образом для удовлетворения своих потребностей. Это своего рода природой данная «установка» к практическому действию. Это то, что правоведы называют субъективными правами или естественным правом; это то, что составляет сущность правоспособности индивида.

Конкретное, естественное право – это, наверное, прежде всего определенное психическое состояние субъекта, чувство уверенности, сопряженное с осознанием того, как он должен, как он может поступать сам по себе в тех или иных обстоятельствах, чтобы удовлетворить свои самые разнообразные потребности. Естественные права человека – это реальные возможности субъекта приводить себя в действие, когда речь идет о необходимости сохранения самого естества, о сохранении жизни как единичной, видовой, так и родовой – если речь идет о сохранении и продолжении рода. Возможно, проявлением именно этого последнего инстинкта следует объяснить поведение победителей в завоеванном поселении, когда они без разбора и практически поголовно насильствовали всех женщин и девок. Это инстинктивное проявление необходимости продолжить и расширить свой род в пространстве и во времени как наследие биологически сильных особей. Одногосударственного «голода» явно недостаточно. Наличие таких естественных прав и их проявление в поведении можно назвать, в противовес общественному, животным или живым правом. Термин «животное» здесь очень хорошо отражает естественно-биологическую направленность этих прав, которых, в сущности, всего несколько и которые все суть проявления одного первичного права: права на жизнеобеспечение, если уж природе понадобилось произвести меня на свет. Все остальное или варианты и конкретные способы реализации основного, или порождения культуры как формы очеловечивания способов реализации этих первичных прав. Животное право – это тот минимум прав, который обеспечивает человеку реализацию его жизненной программы. Перефразируя Т. Гоббса, можно сказать, что естественные права – это право, когда господства человека над человеком еще не создано. Естественные права по своей принадлежности инди-

видуальны, субъективны. Они отражают потребности индивида реализовать свои права через самого себя и для самого себя. Без прав естественных, животных не может быть никакого и иного права вообще. Животные права – это неотчуждаемые права, это право самого себя на самого себя, проявляющееся в деятельности самого себя и для самого себя. Здесь сливаются субъект и объект в одно единое целое. Ибо уже с рождением, например, ребенка и с возникновением, пускай и примитивной, но семьи начинается правовое отчуждение в пользу другого лица, члена семьи, рода, превращающееся в массу обязанностей с их внешней направленностью и приводящее в будущем к волеустанавливаемому праву.

Живое (животное) право – это вполне конкретное понятие, характеризующее индивида не только и не столько с позиций возможных форм его поведения, сколько с позиций природной, естественно обусловленной необходимости, а значит, готовности индивида действовать определенным образом для удовлетворения своих первичных потребностей. Это своего рода природой данная «установка» к действию. Это то, что правоведы называют субъективным правом, это то, что составляет, как было уже отмечено, сущность юридического понимания «правоспособности». Эти права, объективные с точки зрения генетического источника, человек получает от природы вместе с фактом своего рождения на свет как некую программу, некую сумму возможностей, которые являются способом реализации биологически заложенной программы жизнедеятельности индивида. Цель и задачи этой программы заключаются в необходимости обеспечения самосохранения индивида на весь срок отпущенной ему природой продолжительности его жизни как родового существа. Эти права суть выражение природы человека в сумме его физических сил, способностей, таких как двигаться, питаться, размножаться, чувствовать, думать, познавать и т. д. Эти права суть природная составляющая индивида как его способности и возможности, заложенные в него самой природой, с одной стороны; и как осознанное поведение, деятельность по осуществлению этой программы – с другой. Эти права нельзя ни отнять, ни даровать, они вне пределов каких бы то ни было внешних влияний и зависимостей, от кого бы они ни исходили. Эти права исключительно субъективны как по своей принадлежности, так и по их реализации. Последнее обусловлено исключительно только волей самого обладателя, ими может воспользоваться только сам субъект-об-

ладатель, который не может ни передать их, ни отказаться от них. Он может ими не воспользоваться, но с ними он родился и унесет их вместе с собой в «в тот ящик, где ни стать, ни сесть». Это говорит о иной стороне этих прав – они объективны генетически, по своему источнику (источник здесь понимается не в теоретико-правовом смысле и к формам права никакого отношения не имеет). Эти права не связаны с общественным бытием, с другими людьми или какими бы то ни было зависимостями от других людей. Эти «права в себе» нельзя запретить, отобрать и т. п. Единственное, как можно на них повлиять, – это помешать индивиду в процессе их реализации, отнять у него пищу, выгнать из жилища, заткнуть рот, заключить под стражу. Но его права все равно останутся при нем. Эти права вне компетенции самого Господа Бога, их можно, при некоторых оговорках, соотнести с инстинктами. Живые права – это программа минимум, которая не может быть не выполнена под угрозой смерти. Это такое состояние субъекта, при котором он не только имеет права, но и выступает в своей жизненной правоте, т. е. он имеет некоторую «биологическую правду» в себе, когда он может и должен поступать справедливо и по совести не перед кем-либо внешним, а перед самим собой, во имя самого себя. Это некая внутренняя истина, которой человек обладает исключительно в себе и для самого себя. Перефразируя И. Канта, можно сказать, что живое право – это биологический, природный категорический императив.

Природные, естественные права находятся за пределами нравственности или справедливости, здесь проявляются закономерности естественного отбора. Минимум этих прав можно свести к трем-четырем основным, жизнеобеспечивающим, как сумме вполне конкретных прав, необходимых для самосохранения, из которых вытекают все остальные как их поведенческие варианты, как воплощение некоего правового минимума. Эти права проявляются в отношениях человека к внешнему миру природы, точнее, к ее вещам и существам, в отношениях к другим людям в той мере, в какой сам индивид нуждается в них, равно и в какой мере они нуждаются в нем. Можно сказать, что это суть «права в себе» и «для себя» некоего человека-одиночки. Во-первых, это право (права) на добычу пищи *любыми* доступными для индивида средствами; во-вторых, это право на самозащиту также всеми доступными для индивида способами; в-третьих, право на продолжение рода в форме сожительства с человеческой осо-

бью противоположного пола и выращивания родившегося у них потомства; и наконец, право природопользования или право на пользование жизненным пространством, занимать в нем место со своим жилищем, на присвоение тех или иных предметов природы по праву «первообладателя», вплоть до убийства как иных живых существ, т. е. животных, так и человека при враждебных проявлениях, что в некоторых случаях не исключало даже каннибализм. В сущности, если посмотреть на эти права чисто с естественно-природной стороны, то этими правами обладают и пользуются и животные, особенно высокоразвитые, хотя и не осознают своей деятельности как правовой. Правда, животные пользуются только внешней природой, при том, что сами эти пользователи для других пользователей тоже выступают в качестве сугубо внешней природы: отношения охотник – добыча становятся нередко достаточно относительными. Человек же осознает не только свое «Я», но и коллективное «Мы», и внешне постороннее «Они», поэтому он соотносит права своего «Я» с такими же правами других людей, особенно в «Мы», то есть с «Нашими» и «Ихними» (нанашими). Мы, естественно, не забываем о том, что проявления естественного права в человеческом общественном бытии носят несколько иной, нежели чисто природно-биологический характер. Однако с полной уверенностью можно заявить, что в своем достаточно продолжительном диком бытии человек также достаточно долго не называл эти свои возможности и претензии правом, о чем животные вообще не имеют понятия. Наш далекий предок на уровне стадности просто жил, точно так же, как и звери просто живут, а растения произрастают.

Поскольку естественные права предстают в виде возможности, способности, готовности и т. п. индивида к определенному виду действиям, то эти права вырабатывались у человека в длительном процессе отражения внешней действительности в субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношениях. Сами права и представления о них возникают из отношений субъекта к вещам (присвоения, владения, пользования и т. д.) как предметам внешней природы, которые отличаются пассивностью своего бытия по сравнению с активно действующим человеком. Предметопользование, особенно успешное, порождает у людей уверенность в правоте своих действий, ибо сказано «...да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на

земле»²⁷. В субъектно-объектных отношениях у человека формируется, как результат отражения, представление о его правах, долге, обязанностях добывать пищу, пользоваться пространством и предметами природы, как живыми, так и неживыми. Эти взаимодействия как многообразное отражение носят постоянный характер, вытекая из естественных потребностей индивида и, прежде всего, необходимости самосохранения. Человек, действуя в этом мире внешних предметов, не только живет, но и самоутверждается в нем.

Отношения субъект-субъект складываются несколько иначе. Кроме естественных, отмеченных выше прав у человека есть нужда в других людях. Эта необходимость вытекает из общественной сущности самого человека. Отношения субъект-субъект не могут не отражаться во взаимопомощи, совместных действиях и иных самых различных проявлениях коллективизма. Отношения при этом могут развиваться в двух направлениях: с одной стороны, это выработка коллективных форм и способов поведения, а значит, и отражения их в различных видах долговременных взаимосвязей, направленных на достижения общего блага. С другой стороны, эти отношения могут носить враждебный характер соперничества, порождать чувства ревности и т. п., что ведет к возникновению у индивида естественного права на самозащиту, когда кто-то или что-то угрожает самому факту его существования. Защищаясь от природных сил, человек может не заботиться о последствиях, порождаемых при его самозащите. Защищаясь же от другого человека, индивид сталкивается с дилеммой, когда надо разрешить противоречие: максимально защитить, обезопасить себя и при этом минимально навредить своему визави. Наверное, именно эта сторона нашла отражение в будущем уголовном праве, выразившись в положении о превышении мер необходимой обороны. В живом праве право и долг совпадают, образуют единое целое, ибо эти живые права являются следствием долга жизнедеятельности, долга выживания, налагаемого на человека самой природой как на родовое существо. За его неисполнением стоит смерть, прекращение самого бытия, а с ним и исчезновение каких бы то ни было прав.

²⁷ Библия: Бытие. – Гл. 1. – Ст. 26.

Человек в его родовой сущности имеет еще одно необходимое естественное право – право на продолжение рода. С одной стороны, природа позаботилась о механизме, обеспечивающем эту функцию, создав людей двуполовыми и снабдив их гормональной системой, включающей механизм притяжения разнополых особей для осуществления этой задачи. С другой стороны, у этих разнополых представителей рода человеческого при исполнении функции продолжения рода возникают права и претензии особого порядка по отношению друг к другу, проявляющиеся в последующих заботах друг о друге, особенно о появившемся потомстве, – возникает семья. В сфере субъектно-субъектных отношений возникает необходимость сопротивления насилию, в чем бы оно ни проявлялось, проявлениям эгоизма и, наоборот, настоятельная потребность в согласованности действий, во взаимопомощи, обоюдных уступках, компромиссах. Складываются те формы отношений, которые позднее назовут проявлением коллективизма. Таким образом, естественное право (права) в процессе отражения действительности проявляются на трех уровнях:

1. Как заложенная самой природой программа минимум поведения человека в целях его самосохранения как в бытии отдельно индивида, так и в границах родовой сущности *homo sapiens*.

2. Как само жизненно-практическое поведение индивида по отношению к вещам и предметам окружающей действительности и соответствующее накопление знаний и опыта в процессе реализации программы в системе отношений субъект-объект.

3. Как заложенная от природы, так и дополняемая и корректируемая в индивидуальных и коллективных проявлениях программа, обеспечивающая отношения в сфере субъект-субъект, или иначе, в сфере общественных отношений между людьми, что в дальнейшем привело с необходимостью к переходу от естественного права к общественно-рожденному или волеизъявленному.

Рассмотренные четыре естественных права образуют в совокупности то, что в «Декларации прав человека» называется правом на жизнь. С этимологической, лексической и логической точек зрения провозглашение права на жизнь абсолютно несостоятельно. У человека нет права на приобретение собственной жизни, т. е. права на создание самого себя, этот факт находится вне его воли. Он может дать жизнь другому человеческому существу в границах продолжения рода, притом не спрашивая последнего – хочет он появиться на свет или нет, т. е. минуя его волю. Права же, и особенно их реализация, свя-

заны не только с обладанием ими, но и с проявлениями воли самого обладателя: права могут быть использованы или не использованы – на все воля их владельца. А если следовать логике «Декларации...», у человека должно быть право на жизнь до его появления на свет, которым он может воспользоваться и, соответственно, родиться; или не воспользоваться и остаться в утробе мамы, а то и вообще не зачатся²⁸. Возражая представителям школы естественного права и той же «Декларации прав человека», никак нельзя согласиться и с утверждением о том, что человек от природы обладает правом собственности, и особенно частной собственности. Это право возникает исторически вместе с развитием экономической жизни общества, вместе с имущественным и классовым расслоением и неравенством, вместе с эксплуатацией человека человеком. У человека есть естественное, живое право на жизнедеятельность во всех ее проявлениях, которое он получает вместе с рождением как правоспособность, на присвоение и пользование предметами природы по праву первообладателя, но у человека нет естественного права на эксплуатацию другого человека и присвоение произведенного им продукта в форме прибавочной стоимости – а на этом основаны все частнособственнические формации. Собственность, частная собственность – это не правовые, а экономические категории. Классовое право, позитивное право, а вместе с ним и «право собственности» создается фактическими собственниками и владельцами средств производства, и прежде всего земли, для создания видимости справедливости при распределении земли и ее захвате как источника их благополучия и богатства.

Представители школы естественного права представляют себе это «естественное право» как некую аналогию установлений, норм, законов, регулирующих человеческие отношения, но исходящих от самой природы человека²⁹. Эти заявления, в сущности, абсолютно

²⁸ Именно то, что дети рождаются по воле родителей и т. п., послужило, например, для римлян основанием для того, чтобы считать детей своей собственностью и полностью распоряжаться их судьбой.

²⁹ Естественное право... представлялось как система общих юридических (курсив мой. – П. Ю.) норм, вытекающих из человеческого разума и долженствующих служить мериллом и руководством для положительного законодательства. Ивашевский, С. Л. Проблема сущности права в истории отечественной философской мысли / С. Л. Ивашевский // Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 65.

абсурдны. Скорее можно поверить в божественное право, где создателем законов, в соответствии с принципами антропоморфизма и по аналогии с государем, является господь Бог, существование которого для верующего человека априорно. Но чтобы матушка-природа создавала для нас какие-либо предписания, устанавливала правила, нормы как собственные волеизъявления, которым мы, ее «подданные», должны следовать, – это лишено всякой разумности³⁰. Поэтому можно говорить о естественных правах, данных природой человеку, как о заложенной в каждого человека программе поведения, но не о праве как о какой-либо структурно организованной системе целенаправленных, вечных и неизменных предписаний и установлений. Понятие «естественное право» в его общественном, всеобщем юридическом понимании – это понятие с нулевым объемом, т. е. пустое. Таким образом, употребляя в дальнейшем это понятие, мы будем вкладывать в его содержание тот узкий смысл совокупности прав, о которых сказано выше³¹.

Человек изначально по самой его сущности есть существо общественное (животное политическое – Аристотель), где коллектив как элемент общества, в отличие от стада, не есть арифметическая сумма отдельных особей, связанных определенной биологически заложенной программой бытия и выживания, а новое качественное образование, сущностью которого выступают отношения между людьми (совокупность общественных отношений – К. Маркс). Применительно к нашей теме это означает, что, реализуя свои живые права, индивид с необходимостью сталкивается с другими людьми, реализующими точно такие же природой данные права, но принадлежащие не только мне, но и ему, и его соседу, родственнику, соседу соседа и вообще любому живому человеку. Таким образом, людям, чтобы реализовать свои права, но избежать при этом «войны всех против всех» (Т. Гоббс), чтобы сохранить свою общественно-родовую сущность, приходится примирять и согласовывать между собой любые проявления

³⁰ Разве что Платон с его идейным априоризмом может с этим согласиться, и то с определенными оговорками.

³¹ Достаточно подробный анализ различных вариантов понимания естественного права предлагает А. С. Яценко: Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева / А. С. Яценко. – СПб.: АЛТЕЙЯ, 1999. – С. 30–50.

своих живых прав, приводя их в целом к чему-то «среднеарифметическому», общественно функциональному. Иначе говоря, люди пытаются установить такие определенные правила жизненной игры, чтобы, по возможности, каждый мог реализовать свои права, не мешая другому и не покушаясь на права этого другого. В конечном итоге общество и государство приходят к созданию того, что называется позитивным, положительным правом, которое в самом общем виде представляет собой совокупность нормативных актов, выражающих волю законодателя, государства и отражающих в той или иной степени общественные потребности и чаяния, направленные на достижение общественного благополучия. Таким образом, от права естественного общество с необходимостью переходит к господству права сотворенного, государством установленного. Иначе говоря, сущность позитивного права заключается в присвоении законодателем (государством) исключительного права ограничивать и устанавливать права других. Как говаривал Наполеон, в таком случае у народа есть только одно право: быть подданным. По меньшей мере, эта мысль ему приписывается.

В процессе своего исторического развития люди с необходимостью пришли к созданию вторичного, искусственного права (права для нас), которое представители юриспруденции в большинстве своем и считают единственно возможным и реально существующим правом. То есть создается парадоксальная ситуация: естественные права индивида, не санкционированные государством или его властью и нормами, вроде бы правами и не являются. С другой стороны, здесь возникает казуистическая ситуация, подобная проблеме «яйца и курицы»: чтобы издать норму, надо иметь на это право, право на ее создание и внедрение; а чтобы иметь на это право, надо иметь норму, которая предоставит законодателю это право. Получается то, что в логике именуется кругом в определении и доказательстве, или тавтологией. В сущности люди, согласно своим представлениям о «хорошем государстве», о «справедливом порядке», о том, что может служить образцом добродетели и т. п., строили свои отношения и в результате создали нормативное право как регулирующую систему. Порождения их головы, воли, потребностей стали господствовать над ними. Они, творцы, склонились перед своим творением, они придали ему божественный, объективный, природно-императивный характер и поставили над собой. Государство в процес-

се своего развития, изобретя нормативное право как средство, поставило это изобретение не столько над собой (см., например, законодательство о депутатском иммунитете), сколько над людьми, сделав их рабами результатов своего творчества. Сугубо субъективные процессы как изъявления воли законодателя, хотя и отражающие общественные потребности, превратились в надчеловеческие, якобы объективные, а с точки зрения сторонников естественного права – даже в природно-божественные. Это право представляет собой некую искусственно созданную самими людьми систему, как право, волеизъявленное со стороны государя (государства), властвующего над народом якобы от имени самого народа и для блага народа, это право для подданных. Это так называемое позитивное или положительное нормативное право, существующее как совокупность или система всех нормативно-правовых актов, представляет, в сущности, не право (права), так как права могут принадлежать только субъектам, человекам, а текстуальное описание и закрепление прав в форме запретов, предписаний, обязанностей, полномочий и разрешений, предлагающих и санкционирующих индивиду формы или модели его поведения. Значительная масса прав, предлагаемых законодателем, предписывается не столько людям, сколько тем или иным должностям и постам, которые должны и будут занимать какие-то люди. Эти права анонимны и абсолютно «беспристрастны» к тем людям, которые будут наделены указанными правами в силу назначения их на те или иные должности. Это волеизъявление «правотворца» может наделить отдельного индивида, особенно из государственных служащих, какими-либо правами, которые не являются естественными и всеобщими, а такими, которых нет и не может быть у других, например, наделить начальника правом приказывать какому-то кругу своих подчиненных, а последних, соответственно, – обязанностями эти приказы исполнять. Но будет ли это волеизъявление власть имущего, выраженное в форме указа или приказа, правом? Это изъявление воли или согласия на что-либо, но не право, право же этого начальника состоит в том, чтобы издавать такие приказы. Сам же приказ не является правом. Однако он наделяет своего адресата правами в соответствии с занимаемой теперь должностью, ибо он теперь не просто какой-то имярек, а начальник, директор, заведующий и т. п., получивший свои права от занимаемой и исполняемой должности, а не по приказу уполномочившего его на это лица. Приказ

лишь закрепил эти права, подтвердил полномочия. В сущности, если рассматривать право как меру свободы (Гегель), то живое естественное право есть в определенной мере свобода действия или бездействия, выражаемая в реализации своих прав или отказа от таковой в зависимости от воли самого субъекта. Положительное же право, наоборот, будучи правом обязывающим, несущим полномочия, ограничения, запреты и иные подобные требования, выступает как ограничитель свободы или, скорее, как учредитель несвободы.

Право позитивное (волеизъявленное) генетически является правом вторичным, субъективным. Его источником является законодатель, выражающий в той или иной степени свою волю: отдельный деятель государь или группа уполномоченных – орган государства (Дума, Рада, Собрание и т. п.). По направленности оно общественное, но не объективное, внешнее, т. е. обращено вовне к другим людям, обществу как исполнителям. В понимании категорий «объективности», «источника права» и ряда иных обобщающих понятий правоведение и философия явно не совпадают. Сам процесс нормотворчества, во-первых, субъективен по своей форме и источнику, хотя это может быть и коллектив, группа, а не только отдельный субъект: президент, премьер-министр и т. п. Пример – нынешний процесс нормотворчества в России: законодатель отменил всю систему предшествующего права, а точнее законодательства, в угоду спровоцированным властью же общественным процессами и навязывает нам новую систему права, а точнее законодательства, опять же в угоду самим субъектам, догнавшим до власти совокупно со сложившейся и узаконенной, если еще и не промышленной, но уже финансовой олигархией. Во-вторых, процесс правотворчества, а точнее нормотворчества, максимально отчужден от тех, на кого он направлен, – от правоисполнителя. «Узок круг этих законодателей, слишком далеки они от народа». Эта перефразировка В. И. Ленина очень удачно раскрывает сущность не только нынешнего, но и любого законотворчества. Это отчуждение проявляется не только пространственно: законодатель трудится не столько для себя, сколько для кого-то вовне – для исполнителя, напрямую нарушая им же объявленный, как основополагающий, принцип равноправия, что достаточно отражено, например, в законах о депутатских правах и возможностях. Законодатель, правовед, как правило, отождествляет право и норму права, а эти последние не только не тождественны или

равнозначны, но, скорее, противоположны. Нормы, в сущности, не являются правом, они являются предписаниями, требованиями, рекомендациями о том, как человеку пользоваться своими правами. Таким образом, позитивное, нормативное право есть не цель, а средство, широко охватывающий инструмент для регуляции и сохранения общественных отношений и сложившегося правопорядка. Через ограничения прав и свободы других – к сохранению государства и общественной системы как целого. Механизмом, непосредственной движущей силой этого самосохранения является вся государственно-правовая система.

Позитивное (созданное) право как целостное явление в общественном бытии обнаруживает себя как отражение общественных отношений в трех относительно самостоятельных своих составляющих: в правотворчестве (а точнее, нормотворчестве), правоисполнении и правоприменении. В нормотворчестве четко обозначаются со своими достаточно противоположными функциями две стороны: субъект нормотворчества – государство (государь у Гегеля) в лице монарха или иного специализированного законодательного органа (парламент, сенат, дума и т. п.); и объект – население страны (подданные), на предполагаемое, прогнозируемое и требуемое поведение которых и направлены создаваемые нормы. Государство имеет право и возможности «навязывать» предлагаемые правила населению страны и применять открытое насилие в случае их нарушения или прямого неисполнения. Субъект нормотворчества, отражая, осозная в большей или меньшей степени те или иные отрицательные стороны реальных поведенческих отношений между людьми, строит в своей голове модель, представляет образец «идеальных», с его точки зрения, общественных отношений. Он надеется, что что-то запрещая, разрешая, предоставляя людям в виде прав, в издаваемой им норме, опираясь на силу того же государственного аппарата (т. е. на самого себя), он сможет регулировать или заставить «подданных» устраивать свои отношения строго в соответствии с предлагаемыми им «артикулами». Со стороны государства задается, включается «идеальная» программа желаемого, законосообразного, якобы справедливого и т. п. правопорядка. Качество предлагаемой «программы» зависит от того, насколько полно законодатель отражает в ней объективное положение вещей, насколько глубоко и верно он понял и осознал противоречия и причинно-следственные связи в той части общественного бытия населения, в которое он

вмешивается со своим нормотворчеством, насколько глубоко почувствовал он необходимость его нововведений, насколько полно предвидит все последствия, что далеко не от одного его зависит, и реальные возможности претворения в жизнь того, что он предлагает, т. е. реальную исполнимость его предложений теми, на кого они распространяются. Применительно к нынешнему развитию нашей страны мы можем констатировать далеко не всегда удачные варианты нормотворческих предложений и инициатив наших законодателей.

Люди, для которых создаются и издаются правовые нормы, выступают в качестве объекта нормотворческой деятельности. В сущности, лишенные какой бы то ни было возможности участия в нормотворческом процессе, они должны принять к реализации государственно-правовую программу как готовую, которая не обсуждается, а должна исполняться. Подданные, народ со своей стороны принимают и отражают эту ситуацию иначе, чем законодатель. В этом, надо сказать, суть демократии как режима и формы правления. Во-первых, в сознании народа совсем на ином уровне отражается степень и содержание возникших и разрешаемых противоречий, нужность или ненужность вмешательства со стороны законодателя: «можно потерпеть. Переживем, авось все само собой уладится и т. п.». Во-вторых, далеко не в полном согласии с законодателем, что составляет ядро правосознания, осознается изданная им норма, и тем более существенно иначе может осознаваться воля законодателя, которая может вовсе не совпадать с общественной потребностью. Ее осмысление в конечном итоге находит выражение или в признании ее нужности, а значит, в принятии и готовности к ее исполнению, особенно если последнее исполнение сулит какие-либо блага или выгоды, желательно материального порядка. В последнем случае народ даже требует ее исполнения. Либо реакция выражается в признании ее бесполезности, никчемности, а то и прямого вреда и т. п., а это порождает либо нежелание, либо прямой саботаж и отторжение ее всеми доступными способами, что находит выражение в соответствующих последствиях как практического характера, так и в разных проявлениях правового нигилизма.

Принятие изданной нормы к исполнению превращает «объект нормотворчества» в субъект правоисполнения и нормоприменения. Законоисполнение – это целый самостоятельный мир, сложная, далеко несовершенная система отражения результатов пред-

шествующей деятельности законодателя. Задача последнего – издание нормы, закона для другого, находящегося вне его, что на практике выражается иногда в известном присловье: «главное прокукарекать, а утро хоть не наступай». Депутат, принявший закон, например о госбюджете, сам не будет его исполнять, не будет ни получать, ни распределять, ни расходовать денежные средства, которые на бумаге он разнес по соответствующим статьям. Исполнять будут другие. Отражение же в сфере законоисполнения или нормоприменения имеет свои особенности, которые можно сравнить с различиями между теорией и практикой в научных изысканиях. Условно весь объем системы исполнения по субъектам можно разделить на три ступени, уровня или вида:

Первая ступень, первый субъект самый массовый. Это – непосредственный, прямой, предельно конечный исполнитель, отдельный индивид или группа индивидов, поведение, деятельность которых вполне соответствует требованиям нормы. Это так называемые законопослушные граждане: шоферы, добросовестно останавливающиеся на красный свет светофора, поскольку еще и трезвые; граждане, своевременно оплачивающие счета за воду, тепло, электричество и иные коммунальные услуги; это рабочие, своими руками создающие качественную промышленную продукцию и не допускающие нарушений трудовой дисциплины; это учителя, заботливо и доступно объясняющие детям, почему не надо писать «корова» через «ять» и не делать в слове «еще» четыре ошибки, иначе говоря, это основная масса населения той или иной страны. Ей противостоит вся масса правонарушителей, начиная от переходящей не по правилам улицу старушки и кончая закоренелым рецидивистом или погрязшим в своей коррупционной чиновником.

Вторая ступень – это субъект особого рода, или специальный субъект, это представитель государственного аппарата, не только в форме обязанности принимающий к исполнению то или иное постановление, указ или закон, но это человек-чиновник, облеченный различным уровнем властных прав и полномочий. На этой ступени можно выделить две относительно самостоятельные стадии или вида исполнительского отражения. Во-первых, это высшее бюрократическое звено, которое выполняет некую посредническую, промежуточную, исполнительно-распорядительную функцию. Это чиновники высшего ранга, которые издаются свои подзаконные акты, директивы, инструкции, регулирующие

и направляющие в нужное русло деятельность непосредственных исполнителей. Они организуют исполнение, управляют этим процессом, распределяют денежные и иные материальные средства и ресурсы, ценности и блага, создают непосредственный исполнительский аппарат или низшее звено. От этого высшего звена очень многое зависит в том, как будет исполняться «воля» законодателя. Ведь большинство принимаемых законодательных актов не являются нормами прямого действия, поэтому, например, министерство и его аппарат могут «спустить вниз» к исполнению такие директивы, инструкции и иные «ценные указания», которые могут оказать стимулирующее и иное положительное влияние на непосредственное исполнение; а могут и наоборот, не только притормозить его, но и вообще дезорганизовать и остановить процесс исполнения, что может выразиться в прямом саботаже исполнения. В сфере правосознания такой «высокий» указ может оказать на практического исполнителя двойное влияние: породить исполнительский энтузиазм или, наоборот, правовой нигилизм в самых различных вариантах. В какой-то мере, к глубочайшему сожалению, аналогичную ситуацию мы имеем и в судебной практике: судья выносит приговор, и на этом его функции заканчиваются. Исполнять его будут другие. Службы исполнения наказаний – это совсем иное ведомство, которое даже в рамках закона может исполнить решение суда в каждом конкретном случае далеко не одинаково.

Наряду с указанным высоким «промежуточным» звеном существует и третье – низшее. Это звено, с одной стороны, непосредственно выполняет определенные функции в направлении исполнения требований закона; с другой – стоит над прямым исполнителем. Например, постовой милиционер на улице: с одной стороны, он является «надзирателем», одним своим присутствием останавливающим мелкого воришку или склонного к хулиганству субъекта, а с другой – непосредственно вмешивающимся, если необходимо задержать нарушителя, оказать кому-то помощь и т. п. Это может быть инспектор ГИБДД, заставляющий водителей более строго соблюдать правила движения, но в других условиях непосредственно догоняющий и задерживающий возможного нарушителя, если это необходимо. От того, как полно, насколько ответственно и добросовестно будет выполнять свои функции это звено, будет во многом зависеть фактический уровень отражения права в режиме его исполнения: в законопослушании и подчинении себя и других требованиям

законодателя либо в пренебрежении и пассивном сопротивлении в форме простого неисполнения требований закона, либо в его полном неприятии, отрицании, а значит, и в сознательном правонарушении или преступлении. Мотивироваться и оправдываться и то и другое может достаточно многообразно и многовариантно.

Если первое представление о праве связано с пониманием наших естественных прав, а представление о волеизъявленном, дарованном государем праве связано с понятием власти воли государства, выраженного в нормотворчестве, то представители философско-идеалистических направлений и школ пытаются представить нам право в форме некой объективной идеи (идеи права) как надприродной, надобщественной, в чем-то схожей с божественной волей, или как систему общественного сознания, правосознания, которое рассматривается почему-то в отрыве от реальной правовой действительности, отражением которой и должно быть правосознание. Правосознание может выступать в роли помощника в процессе нормотворчества, но как форме сознания ему должна предшествовать отражаемая в нем реальность отношений между самими людьми. Это характерно не только для Г. В. Ф. Гегеля и гегельянцев или для И. Канта и кантианцев, но и многих представителей так называемой школы «естественного права», где естественность, т. е. природность, выступает в форме идеи, исходящей от природы. К сожалению, к идеализму начали склоняться и некоторые философы и правоведы, воспитанные еще в прежнем духе марксизма, не говоря уже о философском поколении конца прошлого и начала нынешнего столетий³².

В объективном идеализме идея права – это чистая мысль, идея, порождаемая неизвестно каким образом объективным или абсолютным духом (трансцендентным разумом у И. Канта) из самого себя, при помощи самого себя и, в сущности, для самого себя, представляющая собой меру свободы, которая тоже рассматривается как идея,

³² См., напр.: Нерсесянц, В. С. *Философия права* / В. С. Нерсесянц. – М., 1997 или М., 2000, где «легизм» покойного академика насквозь пропитан гегельянством; Алексеев, С. С. *Философия права* / С. С. Алексеев. – М., 1998, где бывший теоретик советского права искренне проникся кантианством; Малахов, В. П. *Философия права* / В. П. Малахов. – М., 2002, где автор все понимание философии права сводит к анализу правосознания, что далеко не одно и то же.

а не как реальное отношение человека к вещам или к другому человеку³³. Основное заблуждение всякого идеализма состоит в том, что последний рассматривает, формулирует идею чего бы то ни было по-платоновски, то есть в отрыве от этого «чего бы то ни было» или от действительности, которая и составляет реальное содержание любой идеи. В идеализме все наоборот: идея – не отражение действительности в голове человека, но некий надприродный, внечеловеческий феномен, выскочивший как чертик из табакерки и неизвестно откуда и каким образом проникший в голову философа. В нем все, как в диалектике Гегеля, поставлено с ног на голову (Ф. Энгельс): идея права впереди самого права бесправна, так как существует вне права и до права, что равносильно существованию идеи человека без самого человека. Идея права и естественного в том числе – это идея некоего высшего мирового порядка, опять же предшествующая этому самому мировому порядку, придающая ему упорядоченность, системность, возникает в голове человека как снисхождение духа Божия или что-то подобное, как некий идеал, которому человек незримо следует как долгу высшего порядка, сам того не осознавая. Идея летит, бежит впереди реальности не как отражение реальности, а как ее «трансцендентный» проект: идея идеального государства, идеального правопорядка, основанного на принципах индивидуальной свободы и справедливости; идея идеально законопослушного гражданина и основанного им гражданского общества с его миром классовых, сословных, имущественных, религиозных и иных различий и противоречий, с его преступностью, войнами и всеми иными видами зла, которые можно наблюдать в межчеловеческих отношениях с самых отдаленных времен. Это даже не идеал, к которому можно, а может, и нужно стремиться, в сторону которого должно стремиться развитие общественного бытия в своем поступательном самодвижении. Это – идея в себе, о себе и для себя, сплошной мир наукообразных, глубоких философических категорий, якобы существующих вполне самостоятельно и независимо от бытия природы и человека³⁴.

³³ В России этому направлению в правопознании большое место уделено в своем творчестве В. Соловьев, И. С. Булгаков, П. Новгородцев и многие другие.

³⁴ «Сведение права к «идее», нравственности также ошибочно, как и отождествление его с законом». См.: Кузнецов, Э. В. Философия права в России / Э. В. Кузнецов. – М., 1989. – С. 146.

Вся философия нравственности у И. Канта и вся философия права у Г. Гегеля указывают на идею как на объективную самоцель некоего высшего порядка, которая сама собой проникает в человеческое общежитие или в виде теоретического и практического разума, или в виде абсолютного духа и объективной идеи, которая, пребывая в голове субъекта, сама себе должна послужить основой и сама собой и для себя самой должна реализоваться в человеческих отношениях. Но ни тот, ни другой, по существу, не затрагивают вопроса о том, почему же она, эта идея-идеал, а тем более, если она объективна, не реализуется сама собой в форме всеобщего должностования³⁵. А вопрос о том, каким же образом из этого идеала всеобщей идеи права вырастает преступность, вообще становится лишенным всякого смысла. Эти абстрактные рассуждения о должном как самостоятельном и объективном, божественном или опирающемся на посредство идеи государства, остаются пустыми разговорами, хотя и в очень философичной и даже наукообразной форме. Не будучи отражением самой действительности человеческих поведенческих отношений как между самими людьми, так и в отношении к вещам и явлениям окружающего мира, эти голые категории превращаются в понятия с нулевым объемом, т. е. в философообразные фантазии или, как любил говаривать В. И. Ленин, «в поповщину, лишенную всякого реального содержания». В отличие от И. Канта и Г. Гегеля никак нельзя согласиться с тем, что «идея права» выступает «первоосновой» действительного права. Скорее все наоборот: идея вторична как чувственное и логическое (абстрактное) отражение действительного права, реальных отношений между людьми.

Идея есть результат процесса мышления в наших головах. Последнее же есть высшая и, по мнению многих, особая информационно-языковая форма отражения действительности. Как бы ни была склонна к фантазированию, изобретательству и иным рассудочным проявлениям голова человека, она останется «пустой», если на нее через органы чувств не будет воздействовать вся полнота окружаю-

³⁵ Как писал еще Н. А. Добролюбов: «...Указывается право, а оставляется... без внимания реальная возможность, люди, лишенные материального обеспечения, мало ценят отвлеченные права и даже теряют ясное сознание о них...». Избранные статьи. – М., 1978. – С. 252.

щего мира природы и исторического общественного бытия. Чтобы идея возникла в голове, для этого должны быть основания в виде предшествующей или наличествующей информации, которая по мере обработки и переработки и даст конечный результат в виде содержательно наполненной идеи. Поэтому идея права, или правовая идея, могла возникнуть и может существовать в голове субъекта лишь как результат отражения реального, действительного правопорядка и которая, в свою очередь, может выражать желаемый правопорядок как его предвидение, планирование, прогнозирование и, в конечном итоге, созидание. Поэтому представление об «идее права» как о какой-то самостоятельной объективной природной, трансцендентной, божественной, космической и любой иной чистой идее, самой в себе и для самой себя самостоятельно пребывающей сущности, есть чистейший философский идеализм или проявление религиозности, к которым вряд ли можно относиться с тем или иным критерием научности.

Положительное право, возникнув как надстроечное явление, генетически вторичное по отношению к общественному бытию, выступает как результат, целостная система отражения общественного бытия. Но оно же и приобретает относительную самостоятельность по отношению к бытию, выражающуюся не только в том, что оно как целостная система в своем механизме функционирует самостоятельно, автономно. Право обладает значительным потенциалом прямого воздействия на жизнедеятельность общества. Это воздействие еще более значительно и существенно, если господствующее право действует в том же направлении, в каком идет и сам объективный процесс общественного развития, т. е., говоря математическим языком, их векторы совпадают в их направленности. Тогда, с одной стороны, оно способно значительно ускорить ход общественного процесса, и с другой – помогает людям избежать множества ошибок и тупиковых направлений в их общественном развитии. Таким образом, правовая жизнь общества – это одна из форм отражения в сфере всего многообразия общественных отношений. Право выступает как явление, как юридическая категория, отражающая поведенческие стороны в жизнедеятельности человеческого общества в виде запретов и ограничений, предписаний и разрешений, имеющих целью регулирование и охрану всего того положительного и созидательного, что сложилось в системе общественных отношений как в их настоящем бытии, так и в поступательном движении к будущему.

Положительное право, как систематизирование множества принятых нормативных актов, само по себе функционировать не может, поэтому говорить о том, что закон кого-то или что-то охраняет, защищает и т. п., – это, естественно, метафора, равносильная заявлению о том, что совесть или молитва может вытащить меня из проруби или из болота. Право проявляется через практическую деятельность человека в системе общественных отношений. Право как явление, априорно регулирующее общественные отношения, дает возможность государству в лице его конкретных представителей вторгаться практически во все сферы человеческих отношений, которые можно подразделить на два вида. Во-первых, отношения специфически правовые, которые самостоятельно, без соответствующих уложений ни возникнуть, ни существовать просто не могут. Такими могут быть отношения внутри системы власти, государственного устройства и функционирования всех государственных органов и учреждений. Во-вторых, общественные отношения, которые, по существу, самостоятельны и не нуждаются по самой своей природе в правовом и т. п. вмешательстве, и тем не менее в отдельные стороны бытия которых государство при помощи права вторгается достаточно существенно, – это различные формы экономической, религиозной, семейной, творческой и даже политической жизнедеятельности.

Правовые отношения можно обозначить как отношения между субъектами в процессе функционирования правовой системы. Это отношения между людьми, возникающие по необходимости, так как являются проявлением коллективистской сущности человеческого бытия. Это ситуации, когда один человек вынужден по отношению к другому человеку непосредственно или опосредованно применять специальные юридически установленные санкции или требования. Это и отношения субординации в различного рода службах, основанных на подчинении и исполнении каких-либо функций руководящего, государственно властного и иного характера; это и отношения, обеспечивающие исполнение различного рода договоров, обязательств, обещаний и т. п.; это и отношения в сфере судопроизводства или дознания, в службах исполнения наказаний и вообще везде, где необходимо проявление чьих-либо властных функций; это, наконец, отношения, возникающие при несоблюдении норм, предписаний, запретов и т. п., т. е. во всей сфере существования прямых правонарушений. Ког-

да нормативное предписание соблюдается и жизнь идет своим порядком, тогда мы вообще не задумываемся над тем, что мы являемся участниками каких-то особых отношений, регулируемых правом. Но стоит праву быть нарушенным, возникнуть конфликту, противоречию, сразу же обнаруживается их правовая специфика, так как при разрешении подобных конфликтов и противоречий их участники обращаются к нормам права и соответствующим институтам, обеспечивающим их разрешение. В определенном смысле можно сказать, что право ощутимо включается и проявляется лишь при его отрицании, при проявлении пренебрежения к нему, прямых нарушениях и иных нигилистических проявлениях. Именно в таких случаях право открыто и с необходимостью обнаруживает свое бытие. Право, возникнув исторически, на нынешнем этапе развития общества выступает проявлением объективной необходимости своего существования во всей совокупности тех правил, которые от имени государства позволяют последнему господствовать над людьми.

Говоря о возникновении, происхождении, создании права, мы можем говорить лишь только о так называемом позитивном или положительном праве, ибо естественные права человека в волеустановлении не нуждаются. Право волеизъявленное, государем (государством) установленное появляется лишь тогда, когда люди дошли до осознания общественной необходимости его создания как отражения назидательной потребности в ином, нежели основанном на совокупности обычаев и табу родоплеменном регулировании их общественных отношений. Положительное право суть изначально общественное явление, и возникает оно не в любом обществе и не в любое время, а только на определенном уровне или этапе общественного развития, когда возникшие противоречия между индивидуальными интересами и общественными потребностями при реализации субъективно-естественных прав индивидов начинают угрожать самосохранению целого: коллектива, общины, полиса, т. е. всей системы сложившегося общественного бытия человека. Возникновение права является следствием не какой-то внешней, божественной и т. п. идеи, ни чьей-либо воли и, тем более, не свободы как какой-то абстрактной категории, а практической, повседневной жизнеобеспечивающей деятельности самих людей. Корни у права общественные, а не про-

сто групповые и тем более не индивидуальные³⁶. Право и тем более идеи права не нужны отдельно живущему человеку и не могут даже зародиться в его голове, они, в общем, не нужны и небольшой группе дикарей, где в основном господствует или право силы как проявление животного начала отношений между человеческими особями, или так называемые патриархальные отношения.

Положительное право создается людьми для того, чтобы ограничить и упорядочить проявления индивидуальных и групповых естественных претензий в отношениях человека с человеком как результат осознания необходимости таких ограничений, без которых общественная структура может быть разрушена, так как индивидуалистический эгоизм с его проявлениями разрушает единство существующего общественного организма как целого. Положительное право возникает как диалектическое отрицание индивидуалистических и субъективных естественных прав в форме ограничения их проявлений, в форме строгого подчинения индивидуальных интересов интересам коллективным, общественным. Иначе говоря, искусственно создаваемое положительное право представляет собой инобытие естественных прав индивидов, перенаправленных от индивида как их носителя вовне на других людей. Волеустановленное право с его, прежде всего, ограничениями, запретами, институтами общественного воздействия возникает тогда, когда чья-то индивидуальная или групповая жизнедеятельность в процессе реализации своих субъективных естественных прав начинает в чем-либо мешать другим людям осуществлять их такие же права, в чем-то им противоречить и т. п. Последние начинают этому противодействовать, ибо они обладают таким же набором прав, как и наш индивид, возникает конфликт. Появляется объективная общественная потребность в противодействии зарождающейся «войны всех против всех» способом ограничения, ущемления индивидуальных правовых, а соответственно, и поведенческих претензий в пользу общественного блага. Индивидуальные естественные права далеко не всегда

³⁶ *Хотя государь и волен принимать, в сущности, собственные решения, но вспомним Бориса Годунова у А. С. Пушкина, который называет царствование державным трудом.*

требуют внешнего вмешательства нового нормативного права в чью-либо деятельность, но лишь тогда, когда чье-то индивидуальное поведение начинает угрожать самосохранению общественного организма, приобретает те черты, которые позднее будут отражены в понятии общественной опасности.

Специальное, общественно направленное право возникает как попытка со стороны одних людей (совета вождей, класса, касты, сословия, а затем и государства) ограничить права других людей в том, чтобы реализация их прав не противостояла реализации таких же прав окружающих их индивидов. В идеале создаваемое позитивное право оборачивается попыткой согласовать права всех и каждого в направлении превосходства общественной целостности над индивидуальным бытием. Так или иначе, но положительное право превращает отдельного индивида в средство самосохранения общества. Положительное право возникает там и тогда, где и когда у индивида или группы индивидов при реализации их претензий и потребностей появляется возможность не считаться с такими же потребностями других, с потребностями общественными, когда отдельные индивиды или их группы начинают манкировать общественными интересами. Появляются необходимые интересы. Появляется необходимость в том, чтобы поставить этих зарвавшихся «манкировщиков» на место: или вернуть их в лоно общественного блага, или освободиться от них как общественно угрожающего зла. Право создается как средство защиты человека от человека из необходимости противостоять злу, бессовестности, бесчестию, насилию, лживости, обману и иным общественно опасным проявлениям, которые возникают в отношениях между людьми. Право становится необходимым инструментом (достаточным основанием), чтобы ограничить претензии глупца, вообразившего себя гением, на занятие определенного места на общественной лестнице; претензии наглеца на роль порядочного человека; претензии лжеца и мошенника на роль честного человека или на выполнение обязанностей, связанных с охраной и защитой общественного имущества и т. п. Если посмотреть на это с психологической точки зрения, то два умных и достаточно *честных* человека, в сущности, не нуждаются во внешнем праве, так как всегда могут договориться между собой и, в случае возникновения конфликта или недоразумения, найти компромиссное решение. Умный и глупец не договорятся, но умный сумеет глупость противника обернуть против него же самого. Два глупца не смогут договориться, так

как глупости несовместимы между собой – между ними антагонизм. В их взаимной борьбе одна из сторон обязательно избавится от другой, а затем и от самой себя через саморазрушение.

Законодатель, издавая норму (закон, правило), ограничивает чьи-то права по своему усмотрению, хотя и с учетом некоторой объективной необходимости. Таким образом, возникает право как общественное явление, как функционирование совокупности норм или общеобязательных правил, подчиняющих поведение индивидов коллективным задачам и прежде всего сохранению сложившейся общественной структуры, упорядочению общественных отношений с основной целью – сохранения единства общества. Задачей права является ограничение индивидуальных прав субъектов, право как общественное явление – это всегда покушение на индивидуальную свободу. Положительное право возникает как найденный людьми способ самосохранения целостности общественных отношений, где общественное бытие выступает как *самоцель*. Потребности, вытекающие из условий и возможностей общественного бытия, порождают и формируют соответствующие формы права и их проявления. Несмотря на множественность методологических подходов и теоретических оснований, в самом общем виде создание позитивного права и его развитие вместе с развитием общественной структуры можно представить в следующей схеме: человек изначально суть существо общественное, поэтому всю жизнь он проводит среди людей, вступая с ними в самые разнообразные отношения в зависимости от структуры общественной организации. В конце концов, индивид приходит к тому, что у него оказывается минимум реальных прав, но на него сваливается колоссальное количество обязанностей и запретов. Он становится «винтиком», «деталькой», элементом того громадного механизма, который называется человеческим обществом. Последнее же выступает и в роли самоцели в его саморазвитии.

Человечество всегда представляло собой достаточно целостное и самоуправляемое образование, а не простую арифметическую сумму особей, составляющих человеческую общину. В условиях семейных, родовых отношений, представляющих так называемую патриархальную структуру, вполне хватало авторитета старших членов семьи или рода для сохранения определенного и довольно строгого порядка в организации общины. Подрастающее поколение *de facto* признает право старшего руково-

дять собой молодым, совсем не называя это правом и абсолютно не думая об этом ни *de jure*, ни тем более *de theoriae*, а исходя из реального превосходства над собой знаний и опыта старшего, который, возможно, далеко не всегда четко и однозначно способен подсказать, «как надо» что-либо сделать, но зато он прекрасно знает, «как не надо» что-либо делать, поскольку это уже испробовано. И именно эта сторона функциональной действительности отражается в системе «табу» запретов. Когда семейно-родовые сообщества перерастают в межродовые, племенные и даже межплеменные, то простого авторитета старших и некоторых форм запрета начинает просто не хватать для обеспечения «житийского спокойствия», ибо эти объединения уже гораздо многочисленнее в количественном отношении и намного менее однородны качественно в процессуально-поведенческом отношении. В межродовых, а тем более в межплеменных отношениях возникает масса противоречий межродового, семейного и т. п. характера. Ведь до объединения эти родовые организации выработали свои правила поведения и обычаи, и в племенной организации сошлись, таким образом, и стали стремиться к единству достаточно отличающиеся друг от друга структуры. Появляется и все более ощущается нужда в таком устройстве, которое бы максимально снимало, сглаживало, рассасывало возникающие противоречия и просто недоразумения. Возникает необходимость в таком устройстве, которое находит отражение в обычном праве, а для управления племенными и межплеменными общественными отношениями создаются иные действенные властные образования: советы старейшин, вождей и т. п. как зачаток будущих представительных органов власти и монархических структур. Их решения приобретают императивный характер для всех членов объединения, независимо от родовой или семейной принадлежности. Далее с необходимостью возникает то, что впоследствии будет названо санкциями, чтобы обеспечить господство общеплеменного или межплеменного решения над семейно-родовым и тем более над просто групповым или индивидуальным.

По мере дальнейшего развития общественных отношений все более возрастает необходимость подчинения групповых, а тем более индивидуальных интересов общественным, как единичного и отдельного общему и целому. С возникновением межплеменных объединений, с возникновением достаточно уже многочисленных народов и достаточно могущественных стран все более

ощутимыми становятся противоречия межродового, межплеменного и межнационального и межрасового характера. Обычного права все более и более не хватает, чтобы удержать в единстве противоположности центробежных и центростремительных международных конфликтов и стремлений. Начинается эпоха открытой межнациональной вражды с ее завоевательными и грабительскими столкновениями, войнами, разорениями, захватом ценностей и людей, превращаемых в дешевую рабочую силу. Таким образом, положительное право и государство возникают там и тогда, где и когда у отдельного индивида или группы появляется возможность не выполнять предписания и требования общества, противопоставляя свои узкие интересы и цели общественным, коллективным, и тогда возникает общественная потребность в их подчинении и снятии всяких конфликтов разрушающего характера. Создаваемые нормы-законы становятся императивно подчиняющимися, общеобязательными для исполнения независимо от семейной, родовой и иной принадлежности индивида или группы. Государство становится тем властвующим аппаратом, опираясь на который властвующие лидеры или группировки сохраняют общественное целое, державу в противовес групповому и тем более индивидуальному интересу. Отдельный индивид, группа, семья становятся элементами большого и единого целого: страны, народа, империи и т. п.

Дальнейшее развитие материального производства, возникновение разделения труда, появление товарообмена привели к возникновению частной собственности, классов, сословий и иных элементов общественной структуры, к нарушению единства общественных отношений. Частная собственность породила отчуждение в сфере экономики, возникновение государства – отчуждение между подданными и правителями, между которыми пролегла тень власти и властвования. Возникли межгосударственные и межнациональные отношения, межрелигиозные и межэтнические конфликты и противоречия. Защита собственности, охрана и передача прав собственности другим лицам, регулирование отношений классов, сословий и т. д. с необходимостью потребовали создания норм положительного права, опирающегося на силу государства. Развитие всевозможных форм общественных и групповых отношений, вторгающихся с необходимостью в общественное бытие людей и народов нашего времени, порождает с такой же необходимостью и новые формы регулирования возникающих

отношений, что в свою очередь порождает задачи совершенствования положительного права. Развитие всех форм общественных отношений с необходимостью сопровождается развитием и всех форм регулирования этих отношений, что и вылилось, в конечном итоге, во все множество отраслей положительного права.

В последние годы в теоретической юриспруденции, особенно в связи с муссированием идей правового государства и гражданского общества, опирающегося на более чем активную критику, а вернее, полное отрицание каких-либо достижений теоретического характера в период существования в нашей стране социалистического права, все более употребительным стало понятие «отрицательного права» как противоположности «положительного», или «неправа» – заимствованного, как правило, у Г. В. Ф. Гегеля³⁷. Вряд ли в наше время можно в научной мысли сослаться на Гегеля. Еще Л. Фейербах говорил о том, что «...сущность логики Гегеля – *трансцендентное* мышление, мышление человека, *положенное вне человека*... Гегель умножает и расщепляет простую, тождественную себе сущность природы и человека, чтобы затем насильственно разделенные опять насильственно примирить»³⁸. Или, следуя выражению Ф. Энгельса, у Гегеля его объективно-идеалистическая диалектика стоит на голове.

Насколько вообще применимо в теории права понятие «неправо»? Как научное понятие оно само по себе несостоятельно, во-первых, с логической точки зрения, так как научная категория не может обозначаться в форме отрицательного понятия. Научное или правовое понятие должно отражать нечто реально существующее, а его определение, в соответствии с законами логики,

³⁷ Эту «неправовую идею» мы можем встретить у С. С. Алексеева и Н. С. Нерсесянца в их работах по философии права или в статьях В. А. Бачинина, напр.: *Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 14 и далее. Его поддерживает И. И. Андриановская в своей монографии «Справедливость в современной правовой действительности России». – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 10; Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб., 1999. – С. 61–62.*

³⁸ Фейербах, Л. *Основы философии будущего / Л. Фейербах. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – С. 108–109.*

не может быть выражено в отрицательной форме. Определение не может быть отрицательным понятием, так как оно должно указывать не на то, чем объект не является, а раскрывать его содержание в направлении того, чем этот предмет является в самой действительности, а не только в представлении определяющего. «Неправо» же является абсолютно всем тем, что не имеет никакого отношения к праву, т. е. неправо может означать речного рака, любое животное, любовь и ненависть, наличие жилья и его отсутствие, предмет мебели или техническое устройство и еще бесконечно многое из того, что не является правом и не имеет к нему никакого отношения. Те, кто пытается каким-либо образом представить себе неправо как что-то реальное или тем более конкретное, должны его представить как что-то определенное, а любая определенность не может быть не этим или не тем. У таких господ явно что-то не в ладах с элементарной логикой. Что такое «неправо» – этого принципиально никто знать и узнать не в силах³⁹. Обратимся к В. А. Бачинину (указанная работа, стр. 14): «Совершенно очевидно (курсив мой. – П. Ю.), что поскольку существует позитивное (положительное) право, то может существовать и негативное (отрицательное) право как неправо». Если для В. А. Бачинина это «очевидно», а это далеко не научный аргумент, то для основной массы, особенно юристов-практиков, это абсолютно не очевидно. Какой смысл вкладывает автор в это понятие? Положительное право, о котором здесь говорится, право, созданное, изданное государством (государем) как реальная совокупность запретов и дозволений, полномочий и обязанностей. Речь здесь не может идти о характеристике права в аксиологиче-

³⁹ Еще один вид или способ понимания содержания категории «неправо» можно отметить в статье А. В. Малько и В. В. Трофимова «Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни», которые со ссылкой на Г. Д. Гурвича пишут: «...это так называемое «социальное право», которое «регламентирует все формы общественной жизни... (и которое) представляет собой право общества, отличное от права государства» // *Государство и право. – 2001. – № 3. – С. 11. Положительное право формируется только государством, а это значит, по всей вероятности, что право, не санкционированное государством, таковым считаться не может.*

ском или тем более в нравственном аспекте, т. е. с точки зрения «плохого и хорошего» или «добра и зла». Ибо у защитника отрицательного права мы должны иметь в виду негативное право, плохое, вредное и т. п., но это не неправо, это тоже положительное право, только плохое, нехорошее, вредное, тираническое и т. п. Поэтому в этом смысле понятие «неправо» неприменимо.

Если посмотреть на «положительное право» как на право утверждающее, дарующее какие-то права, свободы и т. п., то под отрицательным правом мы в лучшем случае можем иметь в виду нормы запрещающие. Практически все уголовное право и значительную часть административного права мы можем отнести к области отрицательного права, поскольку уголовное право, в сущности, нам не представляет никаких прав. На тебя нападают, но ты не можешь защищаться всеми тебе доступными способами, чтобы не превысить допустимую меру обороны, а где эта допустимость – практически никто не знает. Таким образом, понятие, употребляемое или мыслимое в литературно-этическом, метафорическом и т. п. смысле, далеко не всегда уместно в научно-теоретическом мышлении.

Противоположные понятия и противоречащие – это не одно и то же. Надеясь неправо как отрицательное понятие какими-то реальными, действительными признаками, кроме непринадлежности к праву мы подменяем противоречие противоположностью, а оно не может, будучи положительным, быть с приставкой «НЕ». Здесь ошибка не только логическая, как нарушение законов непротиворечия или исключенного третьего. С точки зрения диалектики тоже далеко не очевидно, что существование положительного права требует и отрицательного – единство противоположностей – это не единство противоречий.

Поэтому понятие «отрицательное» право если и применимо, то только в указанном, несколько метафоричном смысле, как право запрещающее, как право «отменяющее» использование субъектом каких-либо своих прав: «НЕЛЬЗЯ» – хотя победителей и вроде бы не судят, а цель может оправдывать средства, но есть презумпция невиновности, и она должна быть «священна».

ПРАВО И ВЛАСТЬ

Правящая верхушка в любых, подобных нашему, обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области.

Эрик Фрэнк Рассел

Философский подход к анализу понятийного аппарата, отражающего те или иные стороны и явления общественного бытия, не может, в силу своего всеобщего характера, ограничиваться узкоспециальными определениями тех или иных категорий. Философский подход опирается на диалектическую методологию, которая заключается во всестороннем анализе: в субъективном и объективном; в исторически-генетическом и реально-временном, сегодняшнем; в социально-психологическом и функционально-практическом; в рационально-логическом, чувственно-эмоциональном и т. д.

Власть, государство, положительное право – это три основных столпа того, что называется цивилизацией, и без которых она просто немыслима. Вопрос только в том, что же из этой «троицы» выступает в роли Бога-отца, или первоначала? Это не схоластический вопрос в стиле «первичности яйца или курицы». Это один из основополагающих моментов отражения и понимания самой сути общественного бытия в его, говоря по-марксистски, надстроечных отношениях, где право выступает в роли юридической надстройки. Право как элемент общественного бытия существует не одну тысячу лет. И в каждую эпоху, точно так же, как и в наше время, человечество ощущает несовершенство и структуры, и функционирования той общественно-правовой системы, участниками которой мы являлись и являемся. Человечество постоянно реформирует, реконструирует, совершенствует и т. д. этот свой основной инструмент, обеспечивающий относительно мирное сосуществование всего многообразия стран и народов, но конца этому процессу приспособления системы права к реальному бытию даже в его отдаленном приближении еще не видно.

Кто издает, создает нормативистски-позитивное право? – Государь (государство)!? А откуда берется государь с его правом управлять своими подданными или «хозяин земли русской», как называл свою «должность» последний российский самодержец? От имеющейся у него власти. Он облечен властью, обладает ею, и эти его полномочия признаются как его исключительное право теми, над кем его господство осуществляется. Сюзерен и вассал, слуга и господин – это достаточно древние отношения. И государь, и подданный вполне уверены в необходимости и справедливости такого устройства в их царстве-государстве. «А как же без царя-то?» – это квинтэссенция «смутного времени» в России, вознесшая Григория Отрепьева на царский престол; это разгул пугачевщины от имени Петра третьего; это исходное начало культа личности И. Сталина. Это, наконец, основа для продления сроков президентства и тех идей о возможности «реставрации» в России монархии, которые витают в головах некоторых деятелей и интеллигентов наряду с дифирамбами в адрес нашей необуржуазной демократии. При анализе феномена власти философ не может ограничиться только правоведческим подходом или только политической стороной этого основополагающего явления человеческого общественного бытия. Понимание того, что есть власть, должно опираться на всестороннее и максимально полное раскрытие содержания этого понятия, ибо сам феномен власти проявляется в самых разных формах и на самых разных уровнях отношений в сфере человеческой жизнедеятельности: индивидуальных и групповых; семейных и национальных, государственно-политических и классовых, дружественных и враждебных, материальных и идеологических.

В самом общем понимании власть – это социально-политическое и нравственно-правовое понятие, отражающее возможность, факт и степень господства одного (одних) человека и только человека, над другим (другими) человеком и только человеком, при котором этот другой (другие) полностью подчиняется этому господству в силу своей прямой или косвенной зависимости, добровольной или через принуждение. Раскрывая объем и содержание понятия «власть», надо иметь в виду, конечно, не терминологический аспект, а тот феномен человеческих отношений, ту реальную действительность общественного, политического и правового бытия, которая, проявляясь в тех или иных формах человеческого поведения, отражается в этой категории.

Властные отношения как отношения господства и подчинения возможны только между людьми. По отношению к вещам, животным, силам природы могут быть отношения владения, пользования и т. п., но не власти; т. е. там, где понятие «власть» на обыденном уровне распространяется за пределы межчеловеческих отношений или господства человека над человеком, там это все суть литературные метафоры, и употребление таковых в качестве аргументации в научном тексте вполне допустимо, но явно недостаточно.

Что касается объема общего понятия «власть», то необходимо выделить несколько его составляющих, которые как элементы целого имеют собственную сущность. Во-первых, *власть* как некую реальную возможность, а точнее, как право или полномочия субъекта, позволяющие последнему осуществлять по мере необходимости свое господство над другими. Это сама фактическая действительность властно-подданнических отношений, независимо от каких бы то ни было способов их оформления и закрепления в реальности: устных, документальных, юридических, договорных, насильственных и т. п. Наличие этого нечто и позволяет сказать, что такой-то индивид обладает властью, является властью имущим, властителем, владыкой, властелином.

Во-вторых, *властность* как некую степень подготовленности субъекта к господству, как психическую способность, как черту характера, установку, идущую не от госаппарата и не от чего или кого-либо иного как внешнего источника, а от самой личности властителя, как харизматическую силу, внушающую другим ее величие, значимость, оправданность претензий на верховенство и т. п. Вспомним А. С. Пушкина: «Но человека человек послал к анчару властным взглядом, и тот послушно в путь потек...». Эта субъективная способность может проявляться в речи, взгляде, в жестах и манерах поведения, оказывающих на подвластного подчиняющее воздействие. Наличие таких личностных характеристик может породить властолюбие, при котором только само обладание властью, осознание своего права, самой возможности господствовать уже будет составлять самостоятельную ценность для индивида с соответствующим характером. Литературная иллюстрация: старуха из известной сказки того же А. С. Пушкина или исторические фигуры Калигулы, Муссолини и др. Для такого человека, особенно стоящего у кормила управления обществом, обладание властью переходит в жажду власти, и сохранение власти становится для него самоцелью, при которой управление об-

ществом отходит как бы на второй план: функция, возможность управления становится для него средством сохранения власти; субъект и предикат, основание и следствие меняются местами. Наверное, этот синдром занимал немалое место в жизни Ивана Грозного. Со стороны подчиненных и окружающих это может породить лесть, угодничество, низкопоклонство и т. п., хотя, как правило, с камнем за пазухой.

В-третьих, *властвование* как приведение в действие феномена власти, как реальное использование субъектом своего права в системе отношений между людьми при строгом разграничении исполняемых ролей. Властвование может выражаться в самых различных конкретных формах, вариантах и режимах от самодурства и прямой деспотии до широчайшей демократии, от открытой диктатуры до безволия и всевозможного попустительства всем и каждому, выражающееся в юридически засвидетельствованном факте наличия власти, но при полном ее фактическом отсутствии.

В-четвертых, *направленность власти* на достижение определенных целей со стороны субъекта, которых в самом общем приближении можно отметить две: во-первых, достижение личного благополучия в любом его выражении – материальном, духовном, психическом, где само обладание властью выступает самоцелью, хотя в чистом виде редко встречающейся. «Достиг я высшей власти!» – восклицает Борис Годунов, но тут же, во-вторых, приходит и отрезвление: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» – т. е. понимание того, что власть – это тяжелейшая обуза, где цель – это развитие общественного бытия, величия державы, благосостояния народа, всех подданных во всех их состояниях: семейном, классовом, сословном, индивидуальном и групповом. Власть в этом применении выступает как основание, база для проявления «заботы о ближнем».

Власть как вид реальных межлических отношений может существовать, а значит, и рассматриваться на двух уровнях ее проявления. Во-первых, на обыденном, бытовом уровне в различных формально не закрепленных, в случайно и временно образующихся человеческих общностях: в семье или в дружеской, приятельской группе, в каком-либо ином коллективе: детском, подростковом, взрослом; существующем достаточно долгое время или только что возникшем по какому-либо конкретному случаю – митинг, демонстрация, какое-то бедствие и т. п. В таких группировках лидеры, за которыми идут, которых в силу неких причин слушают, которым фактически подчиняются, создают фе-

номен властвования как бы «снизу» и сразу, из самой ситуации, когда кто-то в преддверии паники берет на себя руководство группой и направляет ее поведение, это выражается в может быть и кратковременном, но факте добровольного господства и подчинения, складывающемся, как правило, стихийно и, что может быть самое главное, принимаемом без особых споров и конфликтов, возражений и обсуждений, выборов и голосований. Это пример проявления не формализованной юридически, но фактической реальности власти. Можно назвать это эффектом толпы, охлократией, но тем не менее, несмотря на внешнюю видимость анархии, толпа очень редко выступает как неорганизованная, как чистая стихия, а имеет вполне реально направленный чьей-то властной волей внешний толчок к действию. Для успокоения толпы, подавления такого бунта бывает достаточно вывести из строя лидера, бунтаря, за кличем которого пошла толпа, ибо он приобрел власть над нею. Этот уровень можно проиллюстрировать на десятках и сотнях конкретных примеров и вариантов, но за всеми ими стоит феномен добровольности подчинения лидеру и, как правило, на подсознательном психическом уровне. Что это? – коллективный психоз, некое авторитарное начало или что-то иное, вряд ли кто сможет объяснить достаточно вразумительно. Возможно, это результат сначала стадности, а затем и принципа коллективизма общественного бытия человечества. Лишь в каких-то самых общих началах мы способны понять, точнее, констатировать, что такой эффект приобретения власти над людьми существует, но мы, в сущности, практически не знаем механизма этого явления, хотя и пользуемся им в самых различных вариантах либо направляя чью-то деятельность в определенное русло, либо обрабатывая в чьих-то интересах общественное мнение, либо сами подчиняемся чьей-либо воле.

Второй уровень власти – это власть присваиваемая или обретаемая сознательно, в соответствии с определенными правилами или законом: государственная, политическая, классово-партийная, начальственная и т. п. На этом уровне мы имеем дело с людьми, сознательно облеченными властными полномочиями. Это уровень формализованной власти, сознательно создаваемый феномен господства и подчинения с целью если и не постоянно, то достаточно длительного управления поведением какой-то группы людей. Такое властвование имеет четкую субординационную структуру от высшей инстанции (монарха, президента, пре-

мьера, законодателя, тирана, диктатора...) через ряд промежуточных звеньев – исполнителей, инициаторов и т. п., подчиненных вышестоящему, но господствующим над нижестоящими – до прямого конечного исполнителя этой «господней» и господствующей воли. Это рациональный, специально создаваемый порядок государственно-политической, классово-сословной и т. п. власти, имеющей свои объективно-исторические корни, причины, условия. Это, в сущности, всеобщая форма, хотя и проявляющаяся в разных вариантах происхождения и генезиса государственно организованных цивилизаций.

Есть еще один, особый вид власти (не в политико-правовом смысле, ибо это власть не человека над человеком) – это власть творца, создателя над некими стихиями внешнего мира, при которой замысел, как идея, как элемент воли человека, превращается, чаще всего через его же труд, как средство, в создаваемую вещь. Это воплощение воли, желания, это преобразование, творение: не было... и... стало! В некотором смысле это человеческое воплощение известного начала: вначале было слово... и вот оно стало вещью. Это как у А. К. Толстого мечтает Дж. Калиостро: «...Я проведу эту девочку по всему лабиринту, и если в конце вспыхнет огонь чувств, то, значит, не Бог его зажег, а человек, и, стало быть, мы равны!» Нужно заметить, что эта власть может привести в своих следствиях к достаточно противоположным результатам, ибо за актом творчества «в себе» стоит результат воплощения этого творчества в продукции «для нас», а это может быть, например, пенициллин, который помог спасти миллионы жизней, а может быть и гильотина или атомная бомба. Но в чувствах самих творцов эти результаты равнозначны, ибо речь идет о субъекте творчества, о его чувстве власти над превращаемыми его трудом стихиями, речь идет о счастье творчества. Это вид власти в себе, власти знаний, умений, могущества разума, что через вещи создает возможности господства и над людьми, хотя самого творца, как правило, занимает первая половина процесса – творчество, а не вторая – использование его результатов. Он может быть даже искренне огорчен, когда узнает, что его изобретение принесло людям не благо, а, наоборот, было использовано для причинения зла. Хотя возможны и иные случаи: вспомним различные литературные варианты «Властелина мира» у А. Толстого, у А. Беляева и многих других. Аналогична названной власти мудреца, святого, к мнению которого не просто прислушиваются, но добиваются в

форме совета, благословения или чего-либо подобного. Вспомним, например, влияние Сергия Радонежского на князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского, перед Куликовской битвой. Этот вид власти может выступить и в роли организатора, вдохновителя других людей на свершение подвигов, каких-либо деяний, геройства или подлости. Организатор этой человеческой деятельности вполне искренне может считать себя творцом тех результатов, которые были фактически достигнуты не им, но по его воле и замыслу. Г. Жуков не сам ходил в атаки с автоматом, но вполне заслуженно считается творцом, автором величайшей победы в величайшей войне. То же самое можно отнести, например, к архитектору, который не положил ни одного кирпича в свой архитектурный шедевр, но вполне справедливо называется творцом этого сооружения.

В феномене власти и властвования задействовано всегда две стороны: субъект и объект, будь то власть имущие и подвластные, государство и народ. Это суть две противоположности, единство которых обусловлено законами общественного бытия, из которых следует, что власть без народа, без объекта, без «паствы» – это пустое понятие, так как без объекта она просто не может возникнуть. Люди без власти, народ без государства тоже превратится в животное стадо, основанное на звериной войне всех против всех. Анархия в ее обыденном понимании ведет, в сущности, и к гибели человеческого общества как социума, и к деградации человека как высшего разумного существа. Субъект и объект власти – это люди, стоящие «на разных ступенях общественной лестницы», выполняющие противоположные функции: властитель и подданный, законодатель и исполнитель, командир и рядовой, начальник и подчиненный. Каким образом люди подразделяются на повелевающих власть имущих и осуществляющих их повеления исполнителей, что выступает движущей силой такого деления? На обыденном житейском уровне эти отношения возникают стихийно. В них вызывает интерес основное звено: на каком основании, почему и т. п. отдельный индивид или группа приобретают авторитет над окружающими его людьми, и последние вполне добровольно ему подчиняются, считая, что так и должно быть. С внешней поведенческой стороны, применяя специальную терминологию, психологи описывают этот феномен. Однако никакие их объяснения не могут раскрыть сущности действия этого неизвестного механизма, обеспечивающего сам процесс зарождения факта подчинения одно-

го власти другого. Сила или слабость воли, характера и т. п. – это лишь названия неких состояний человеческой психики, играющих роль в появлении факта господства и подчинения, но не раскрытие его механизма. Мы даже можем констатировать тот факт, что в личностном складе новоиспеченного лидера есть что-то такое, что выделяет его из других. В его голосе, взгляде, манере держаться и т. п. это нечто улавливают, чувствуют идущие за ним, подчиняются силе его воли, как правило, добровольно и даже охотно, не испытывая никакого насилия со стороны этого лидера. Этот феномен известен с патриархальных времен, когда достаточно многое зависело от вождя, лидера, патриарха. Этот феномен художественно красиво выражен в одной из песен советского времени: «... Уверен вождь с таким народом; могуч народ с таким вождем». Эта зависимость может позднее быть осознана, что может вызвать отток «подвластных» от лидера, сопротивление его власти, особенно когда последний начинает в чем-то выходить за границы «добровольности», когда, осознав свое высшее положение, он пытается открыто навязывать свое господство, прибегая к угрозам, шантажу и иным способам прямого и скрытого насилия.

Этот способ условного деления человеческих личностей на ведущих и ведомых, лидеров и исполнителей, исходя из психических особенностей индивида, известен достаточно давно, однако вряд ли с такой же легкостью можно констатировать тот факт, что мы достаточно глубоко знаем механизм этого феномена. Мы можем лишь согласиться с наличием самого факта: личностные особенности ведущего, это иногда называют харизмой, отличаются от таковых подопечных и ведомых. В конечном итоге эта проблема для исследования со стороны психологов, психиатров и иных специалистов. С точки же зрения философии личности и философии права для нас вполне достаточно, что это явление существует, что такого основания для выделения этих двух типов личности вполне достаточно, а само фактическое разделение на власть имущих и подданных жизненно реально. Поэтому при исследовании межличностных и общественных отношений и феномена *власти*, в частности, необходимо не только принимать этот факт во внимание, но рассматривать его как один из причинных, детерминирующих возникновение властных отношений между людьми, особенно на обыденном уровне.

Принципиально иной способ обретения (присвоения) власти над людьми открыто рациональный, специально изобретаемый, применяемый и непрерывно совершенствуемый. Этот способ рас-

крывает стремление индивида или группы добиться власти как реализации определенной цели. Это характерно для власти государственно-политической, экономической, производственной, военной, чиновничьей и т. п. Все названные виды политической власти суть присвоения возможности властвования по праву, обретаемому в соответствии с законом. Такая власть обретается субъектом вполне осознанно, являясь следствием его согласия возглавить какую-то группу людей или результатом прямых стремлений индивида к власти, где последняя является самостоятельной целью. Такая власть даруется или обретается вполне сознательно через прямое назначение, выборы, прямое наследование или через открытое насилие, узурпацию, когда подвластные становятся вынужденными подчиниться власти тирана, диктатора, государя, президента, директора и т. п. независимо от их субъективной воли, но под угрозой возможных соответствующих санкций.

Вторая сторона властных отношений – это объект власти: подчиненный, подданный и т. п. Он представляет собой вторую, диалектически противостоящую субъекту, необходимую противоположность в этом общественном явлении, выступая в единстве и противоречивости их бытия: если власть имущий имеет всю полноту прав приказывать, командовать и т. п., то вторая сторона несет по отношению к первой всю полноту обязанностей к исполнению волеизъявления властвующего. Особенно это касается прямых или конечных исполнителей чьей-то внешней властной воли. Однако между волеизъявляющей и конечной результирующей инстанцией в политической структуре власти мы видим многочисленное, массовое промежуточное звено «властвующих исполнителей», сочетающих в себе обе функции: и властно-распорядительную, и исполнительскую. Это чиновничий аппарат самых различных рангов, который выступает и объектом власти по отношению к вышестоящему и которому отдается команда к исполнению чего-либо, и субъектом власти по отношению к тому прямому исполнителю, которого этот субъект должен найти и обязать непосредственно выполнить волю верховного правителя⁴⁰.

⁴⁰ «Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары». – Рассел, Э. Ф. Дьяво-Логика / Э. Ф. Рассел // Искатель. – М.: Российский Рaritet, 1992. – С. 417.

Этот последний и является, в сущности, конечным звеном в процессе властвования. Таким образом, в системе власти мы имеем три составляющих: верховного властителя, номинально обладающего всей полнотой власти; прямого исполнителя, в сущности обладающего только обязанностями; и посредника – чиновника, обладающего властью по отношению к нижестоящему и обязанностями по отношению к вышестоящему, их еще часто называют аппаратчиками. В сущности на этих людях держится вся реальная практика внутригосударственной деятельности, именно на них ложится ответственность за качество результатов политической и экономической жизни страны⁴¹.

Само наличие властных (господства и подчинения) отношений между людьми – это естественный феномен, вытекающий из самой сущности (устройства) человеческого общежития. Возможно, своими корнями эти отношения уходят в отношения между особями еще на животном уровне (хотя это и нельзя назвать властью, а только некоторым аналогом), когда, например, вожак первым заходит на незнакомую территорию, а все стадо, следующее за ним, приостанавливается. В данном случае нет прямой команды со стороны вожака к стаду быть осторожным, это проявляется как на безусловном, так и на условно рефлекторном уровне. Вожак прошел: значит, все благополучно, и все стадо следует за ним. Люди унаследовали такое поведение от своих животных предков. Осознав его значимость, осмыслив его полезность, они сознательно приняли такие правила игры, что в дальнейшем, уже на уровне развитых человеческих отношений, привело к тому, что вождь приобрел право приказывать, руководить и требовать подчинения его воле, т. е. власть. Окружающие же признали за ним это право распоряжаться и согласились выступать в роли ведомых. Это то, что называется родительской или патриархальной властью, вытекающей из самого положения людей, когда взрослый властвует над детьми, глава рода – над рядовыми членами своего клана. Это патриархальный авторитаризм, порожденный самой сущностью человеческого

⁴¹ Еще Г. В. Ф. Гегель подчеркивал, что «нет ничего труднее, чем добиться наказания чиновника». *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1990. – С. 448, а также: Ромашов, Р. А. *Закон, правило, норма, должностное поведение* / Р. А. Ромашов // *Правоведение*. – 2001. – № 6. – С. 18–19.

общежития, или первичная форма власти, объективно, с необходимостью порождаемая, вытекающая из саморазвития человеческого рода. Дальнейшее развитие этой коллективно-природной необходимости вместе с изменениями в общественных отношениях от рода к племени и народности, к разделению труда и классам, к собственническому неравенству и эксплуатации привело к изменениям и в институте власти и властвования, к отчуждению власти от родственных связей, а затем через формы обычного права с возникновением имущественного неравенства – к классовому господству, государству и политической власти.

Отдельного человека или группу людей подчиненные наделяют полномочиями или *правом* командовать собой сначала в жизненно необходимых ситуациях, а затем и во всей полноте проблем, касающихся общественного самосохранения и саморазвития. Это право для своих обладателей оборачивается *обязанностями*, от исполнения которых властвующие в силу объективных и субъективных причин не могут отказаться, они осознают и несут возложенную на них ответственность. Их влияние на общественные отношения и на бытие в целом обнаруживает свою результативность в зависимости от тех знаний, опыта, уровня авторитета и умений направить этот авторитет на общественно-полезную, созидательную деятельность. Этот так называемый субъективный фактор играет значительную, а в некоторых случаях и решающую роль в общественном развитии: от талантов и способностей лидера нередко зависит очень многое в перспективах дальнейшего развития общественного бытия и его организационных и управленческих властных структур. Эти структуры: лидеры, советы, сенаты и т. п. становятся самостоятельными и профессиональными руководителями – государственным аппаратом. Власть аппарата отчуждается от общества, противостоит обществу, представляя самостоятельный вид жизнедеятельности властвующей верхушки, материально обеспечиваемой за счет подвластного населения как в форме специальных расходов в виде дани, налогов и иных поборов, так и в виде собственных доходов лиц, достигших высшей политической власти, поскольку они, во-первых, используют свое положение и в целях личного обогащения, на Руси это выражалось, например, в институте «кормления» воевод, различного рода местных управителей и т. п., а во-вторых, основная масса особенно крупных чиновников была, как правило, экономически достаточно состоятельна. Вспомним В. И. Ленина «Великий почин», где он однозначно ука-

зывает на то, что экономическое господство классов приводит их с необходимостью и к господству политическому. С возникновением частной собственности, классового экономического господства господство и в сфере организационно-управленческих отношений переходит к имущим классам. Отчуждение в сфере управления и власти делает институт власти все более самостоятельной сферой общественных отношений и деятельности. Появляется и развивается государство как самостоятельная сфера властвования, как громадный и мощнейший организм, орган на общественном теле населения той или иной страны. По мере необходимости встают и разрешаются проблемы с присвоением, обретением, сохранением и преемственностью власти, с ее функционированием в структуре системы складывающихся государственных органов и учреждений в их собственной сущности, в самостоятельности их бытия, в их самости, говоря гегелевским языком.

Складываются различные формы и способы присвоения и преемственности власти от патриархального авторитета и последующей выборности к наследственности и назначению в самых различных способах и режимах правления и властвования от начальной первобытной демократии к прямому и неограниченному властвованию отдельных семей, родов (княжеских, боярских, аристократических, патрицианских и т. п.). Это ведет к созданию все более сложной, многоступенчатой и многоуровневой организации властвования, что, в конечном итоге, находит отражение в становлении государства как общечеловеческой цивилизационной формы организации управления общественным бытием. Складываются основные способы обретения права на власть: демократические методы, которые так или иначе связаны с волеизъявлением достаточно широких слоев населения, так называемые «договорные» и т. п., когда субъект власти получает право на властвование по молчаливому доверию самого народа или какой-то части подданных с их тоже чаще всего молчаливого согласия⁴². Способы наследования власти, когда последняя переходила пре-

⁴² Не всегда это согласие было уж таким молчаливым. Например, в Афинской демократии или в Новгородской республике на Руси процесс установления рода с князем носил довольно гласный характер, и нередко новгородцы громкогласно «указывали путь», т. е. выгоняли «зарвавшегося» князя.

емнику по праву наследования после смерти родителя или иного родственника на основе ранее сложившегося обычая либо по праву, устанавливаемому властью имущим в форме изъявления своей воли в завещании, либо в форме, сформулированной в специальном законе о престолонаследии. Это крайняя форма отчуждения власти, при которой получающий власть, а точнее право на власть, субъект, в сущности, не зависит от тех людей, на которых его власть распространяется. Идея о том, что высшей властью обладает народ, – это такая же абстрактная и предельно-конечная идея, как принцип в марксизме о том, что политика есть концентрированное выражение экономики или экономический базис определяет все формы жизнедеятельности человечества. Право на власть (имеется в виду верховную), поскольку власть административная, чиновничья, как правило, определяется верховной властью, становится сферой относительно самостоятельного бытия той части общества, которую принято называть элитой, но которая, являясь фактическим меньшинством, в значительной мере определяет жизнедеятельность не только и не столько самой себя, сколько подавляющего большинства подвластного населения в форме подданства или гражданства. Обретенная лидером (у Г. Гегеля государем), верховная власть представляет ему возможность, и даже не столько возможность, сколько обязанность, творить право – то живое, действенное, положительное право, которое существует в форме законов и других нормативных предписаний, выражающих волю верховного законодателя. Возникает ситуация «яйца или курицы»: с одной стороны, государь властвует на основании закона, с другой – он сам создает законы, касающиеся его власти и властвования в том числе. Например, закон о престолонаследии Павла I или документы Государственной Думы, касающиеся иммунитета депутатов, их льгот и т. п. Применительно к этому Людовик XIV был в определенной мере прав, если верить приписываемым ему словам: «Государство – это Я!» Это «рукотворное» позитивное право является правом для других или правом для нас, где сам «творец» находится как бы за его границами, за пределами его подчиняющей силы. Эти нормы в большинстве своем предназначены регулировать отношения между подданными, гражданами, подвластными, где структура, функции и т. п. верховной власти остаются неприкосновенными. Говоря словами Г. Гегеля, государь становится выше творимого им закона, он над законом, он вне закона. Однако эта как бы «об-

ратная» зависимость вовсе не означает, что причина и следствие поменялись местами⁴³.

Таким образом, в самом общем приближении верховная власть, будучи отчужденной от своего источника – народа, класса, становится независимой от последнего⁴⁴, несмотря на демократическую видимость участия народа в управлении государством в виде выборов, референдумов и т. п. Даже в процессе выборов народ как целое не определяет формы господства над собой: во-первых, участвует в этой акции не весь народ, а, как показывает практика, меньшая его часть, процентное соотношение которой ко всему числу избирателей делает решение законным⁴⁵. Во-вторых, обработка общественного сознания во времена предвыборных кампаний, которая существовала всегда, даже в древнем мире, а тем более на нынешнем этапе развития возможностей средств массовой информации, пропаганды, психологического и иного воздействия, превращает демократический режим в достаточно управляемый процесс со стороны тех же власть имущих. Отчуждение власти от народа выражено очень художественно у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове»: «Народ безмолвствует...» Отчуждение власти от народа как от основного ее источника проявляется и в том, что государство как власть имущая система в процессе своего функционирования в законотворчестве и исполнительных функциях превратилось в самостоятельную составляющую общественной жизнедеятельности, явившуюся результатом вторичного разделения труда, без которого уже люди не могут и не смогут существовать. Принадлежность к миру властвующих обеспечила его участников дополнительным «искусом» в виде различных, прежде всего материальных благ, которые они сами себе имеют возможность предоставить, и как правило, за счет подвластных. Никто им

⁴³ Мы знаем и другой принцип, по которому народ имеет право свергнуть правителя-тирана, хотя остается открытым вопрос о том, а выиграет ли от этой акции народ что-либо или нет.

⁴⁴ Уже в этом мы можем усмотреть сущность принципа внутреннего суверенитета государства.

⁴⁵ Для избирательного права России этот процент явно необходимо считать неоправданно заниженным.

здесь не указ, ибо своя рука – владыка. Поэтому от того, как структурно организовано государство, какая система функционирования власти сложилась, какие люди встали во главе верховной и исполнительной власти, зависит в жизни страны и ее народов очень многое. Вряд ли можно продуктивно обсуждать вопрос о том, какой режим как способ организации власти лучше? – монархический, демократический, теократический или какой-либо иной. И тот и другой, и иной люди в своей человеческой истории не единожды использовали с одинаковым успехом периодической сменяемости: падают и возрождаются и те и другие, и любые иные. Режимы всякие важны, режимы всякие нужны – перефразируем слова детского поэта. В данном случае речь идет о самой сущности: государственное устройство, режим власти лучше всего тот, который максимально в данное время и в данной стране соответствует закономерностям и возможностям ее этапа развития как в экономической жизни, так и в надстройке, и максимально обеспечивает поступательное развитие страны (не государства, а именно страны) как целого. О критериях этого соответствия необходимо думать, разрабатывать их, максимально избегая субъективистских оценок. В качестве иллюстрации можно указать на одну особенность, а может быть, и закономерность: чем многочисленнее и многонациональнее население страны, тем менее для управления ею пригодна демократия, по крайней мере, в том виде, в котором она понимается и существует в наше время, поскольку народ реально в большинстве своем не участвует и принципиально не может участвовать в государственном управлении. Даже участие в выборах главы государства или представительных органов власти абсолютно не обеспечивает реального демократизма, а только создает его видимость. Объявление участия в выборах для граждан только правом, а не гражданской обязанностью заранее предполагает неучастие значительной массы людей в этой кампании, так как это всего лишь право, которым можно воспользоваться, а можно и нет. Ибо и логически, и юридически пассивное и активное использование права признается равнозначным, но фактически это далеко не так. Поэтому, как правило, результаты голосования не отражают реальной картины отношений к тем людям, которым участвующее меньшинство (в среднем явки 30 % избирателей достаточно для признания акции состоявшейся) от имени всего народа вручает политическую власть. Однако такое положение

вполне устраивает самих правителей и их чиновничий аппарат. На уровне реального меньшинства система становится более управляемой в целях не только прогнозирования, но и получения заранее желаемых и планируемых результатов.

Наделяя своего представителя определенными полномочиями, избравший его народ или часть населения надеется, что избранный будет представлять и отстаивать их интересы в том или ином органе. Однако депутат, достигнув цели, встав практически над избравшим его народом, вполне естественно отрывается, отчуждается от последнего. Сама структура государственного устройства, организация власти в нем такова, что этого отрыва, отчуждения не может не быть. Основная задача во все времена в данном случае была, есть и будет одна: максимально возможно снизить степень отчуждения, противостояния государственной власти по отношению к своему, в сущности, единственному источнику – народу. Нужны такие формы отношений между властью имущими и подвластными, чтобы первые постоянно ощущали свою зависимость от тех, кто предоставил им право собой управлять. Нужен механизм не только контроля, но и реальной осуществимости отстранения от должности (от власти) депутата, президента, не говоря уже о более «скромных» чиновниках, в случае несоответствия этих лиц или их неспособности осуществлять возложенные на них функции. Но здесь мы вступаем в логически и фактически порочный круг: кто должен разработать и принять такие законы? – представители верховной власти, иначе говоря, они должны принять меры к созданию реальных возможностей для своего собственного отстранения от власти. А им самим это нужно?! Сами они, поднявшись выше своего благодетеля-народа как источника своего благополучия, хотят ли от него зависеть? Оставим этот вопрос открытым, так как ответ на него очевиден. Римляне еще на заре становления и развития своего государства обнародовали более чем справедливую мысль: власть нужно доверять тому, кто ее не хочет.

Властвование – это всегда выражение превосходства человека над человеком, что практически выражается в насилии человека над человеком. Иначе говоря, насилие есть способ осуществления власти, неотъемлемый от последней, или насилие есть практический способ властвования как инобытия действительности власти. В самом общем представлении насилие – это открытая форма господства (властвования) человека над человеком, осу-

ществляемая через прямое физическое или психическое воздействие для достижения со стороны последнего необходимого поведения. Само по себе любое властвование уже есть насилие, даже если подвластного ожидает большое вознаграждение или он действует в согласии с собственными потребностями, ибо он не замечает основного: он лишился собственной свободы воли, обретая от власти имущего множество обязанностей.

Насильственный способ разрешения конфликтов унаследован человеком еще от своих животных предков как естественно присущий живому существу. Живая природа как целое существует в процессе круговорота и воспроизводства живого вещества материи, при котором одни виды питаются другими: травоядные – растениями, хищники – травоядными, сильный поедает слабого, но последний, в свою очередь, после физической смерти возвращает природе то, что взял от нее для себя. Поэтому человечество в своей животной родовой сущности вряд ли сможет освободиться от насилия в своих внутренних отношениях. Максимально чего оно сможет достичь – это свести к минимуму подобные животные проявления. Человеческое насилие обрело качественно особое оружие – разум, а вместе с ним целенаправленность, изощренность, изобретательность и даже техническую оснащенность. Насилие сделалось за долгие тысячелетия общественного бытия само собой разумеющимся средством для достижения самых различных целей и удовлетворения самых различных потребностей и прихотей. Это и наказание ребенка за какую-либо провинность, и изъятие ценностей, пищи, одежды и т. п. у чужака, это и расправа с соперником, это и война как высшая форма насилия при разрешении тех или иных споров, противоречий, вражды и т. д.

Создав государство и политическую власть, человечество в их лице признало единственного правосубъекта, который по закону обладает практически неограниченным правом применять насилие как правовое средство для охраны целостности общественных отношений, общественного порядка, для борьбы с преступностью как с насилием не узаконенным. За отдельным человеком государство сохранило лишь право ответа насилием на насилие при самообороне. Государство превратило насилие в открытый источник дохода, благополучия: войны, набеги становятся законным средством обогащения. Захват пленных и превращение их в невольников – это начало человеческих цивилизаций. Начав с насилия над иноплеменником, чужаком, государство распространи-

ло насилие и на соплеменников в форме кабального или долгового рабства, насилия сословного, классового и даже госаппаратного; экономического, физического, психического, в открытом виде и в форме угроз со стороны санкций, предусматриваемых законом.

Насилие стало самым распространенным способом классового и национально-государственного господства, утверждения власти, сохранения общественных отношений: имущественных, политических, сословных, национальных и даже религиозных. Оно стало для государства основным средством разрешения очень многих проблем, связанных с обеспечением общественного порядка в его самом общем и собственном смысле – как сохранение сложившейся системы общественных отношений. Государство, осознав необходимость применения насилия как самого действенного средства, обеспечивает его соответствующими учреждениями и службами, правовой базой, где правовая норма в своих санкциях выступает формой прямой угрозы возможного применения насилия. Позитивное право, исходящее от власти имущих, сопровождается открытым фактическим правом творить насилие над правонепослушным подвластным населением. Народ, вручив властные бразды правления государству, создав парламент, получил и каторгу, вложив в руки государства карающий меч и право творить насилие в случае неподчинения его требованиям. Деятельность государства не только может, но и фактически нередко противоречит желаниям и потребностям народа – единственного источника всякой власти. Но этот источник сам в конечном итоге осознает и признает необходимость власти и насилия над собой, соглашается с их существованием и считает это в целом нужным, необходимым и даже справедливым.

Особое место среди ветвей государственной власти принадлежит власти судебной. Стало уже традиционным считать последнюю не только отраслью власти, а это значит, обладающей всеми признаками власти, но и властью независимой, самостоятельной, автономной. Однако эта власть настолько своеобразна и специфична, что есть достаточно оснований для того, чтобы судебную деятельность не наделять признаками властной деятельности или властвования. Судебная деятельность ограничена такой массой специальных предписаний, обязанностей, запретов или ограничений процессуального и иного характера, особенно в романо-германской системе права, что вряд ли можно утверждать с полной уверенностью, что судья обладает какой-либо реальной

властью, если при этом ссылаться на определение самого понятия власти. Наверное, единственное реальное властвование судьи заключается в том, что выносимое им решение или приговор, при отсутствии их отмены или приостановлении вышестоящими инстанциями, должны быть обязательно исполнены соответствующими службами, но при этом последние никак не подконтрольны судье, поэтому он, в сущности, может вовсе не знать о дальнейшей «судьбе» своего решения в отношении осужденного им человека. В остальной своей деятельности судебная власть представляет в своем функционировании исполнение массы обязанностей, в меньшей мере прав никак не властного характера, что делает ее более специфическим видом исполнительной власти, ибо власть есть в значительной мере исполнение *воли* власть имущего, а воля судьи как посредника между двумя «враждебными» сторонами должна быть спрятана за семью печатями⁴⁶, таким образом, собственное «внутреннее убеждение» судьи становится очень относительным понятием и достаточно неопределенным, чтобы можно было говорить о каких-либо критериях его использования⁴⁷.

Можно с полным основанием предположить, что появление положительного права вообще началось с судебной практики. Люди в силу их общественного положения и индивидуальной психической структуры не могут не вступать в конфликты как друг с другом, так и с общиной в самых различных жизненных ситуациях. Нередко разрешение таких конфликтов носило несправедливый, общественно опасный характер. Наверное, нередко случались такие ситуации, при которых соперники не могли «поделить» что-либо, прибегнув к некому компромиссу. Тогда с необходимостью возникала потребность в третьей стороне, внешней, нейтральной, кото-

⁴⁶ «Судья не является мстителем... Судья должен быть холоден: его сердце и душа должны молчать, его интерес должен заключаться только в том, чтобы был соблюден закон». Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 445.

⁴⁷ В данном случае мы и у Гегеля находим определенное противоречие, когда читаем: «...Судья должен быть беспристрастным и все-таки выступить в своем решении во вред одной из сторон». И далее: «Так же, как полицейский чиновник не может быть беспристрастен в применении закона, не может быть в данном отношении таковым и судья». Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель. – С. 449–450.

рая поможет разрешить возникшее недоразумение. То есть люди прибегали к такому способу, который позднее назвали третейским судом, а именно к третьему незаинтересованному лицу, достаточно авторитетному для обоих соперников, чтобы он и разрешил их спор. Этот посредник мог выступить в роли судьи действительно абсолютно беспристрастно и, соответственно, «безвозмездно», просто ради укрепления своего авторитета или влияния. Но мог и иметь свой определенный, прежде всего материальный интерес, когда за свою «работу» он взимал соответствующую пеню в виде уплаты калыма, магарыча, штрафа в пользу не столько потерпевшего, сколько государя или самого себя. Таким образом, можно выделить несколько видов, категорий или форм зарождающегося процесса судопроизводства.

Во-первых, это мог быть и, наверное, чаще всего и бывал глава семьи или рода, патриарх, чье решение носило не только авторитетный, но и властно-авторитарный характер. Поскольку он был главой, он не нуждался в каком-либо вознаграждении за свое решение, он и сам был напрямую заинтересован в сохранении спокойствия и порядка в подчиненном ему коллективе. Этот патриархальный порядок мы можем и в наше время наблюдать у народов, а вернее, племен, живущих вне активного влияния цивилизации.

Во-вторых, это мог быть нейтральный, посторонний субъект, но которому доверяют оба участника конфликта, т. е. в достаточной мере все-таки авторитетное и известное лицо. И этот «третейский судья» мог участвовать в разрешении конфликта как на безвозмездной основе, чисто ради любви к справедливости, так и блюсти некоторый свой интерес. Вспомним известную сказку-басню о «двух жадных медвежатах», которым лиса делила сыр... «но зато поровну». Сами участники, равно как и при посредстве третьего, могли дополнительно прибегнуть к жребию: пусть судьба (Бог) определит участь и счастье каждого из участников конфликта.

В-третьих, это мог быть и человек, обладающий определенными властными полномочиями по отношению к участникам конфликта, но или не могущий, или просто не желающий ограничиться приказанием, встав на сторону того или иного участника. Он ссылается на какие-либо дополнительные основания доказательно логического характера: на сложившиеся обычаи, существующие табу, если это вождь или член совета старейшин;

на волю богов и религиозные заповеди, если это глава церкви: шаман, первосвященник и т. п. У этих лиц появляется еще одна возможность: наказать каким-либо образом виновную сторону либо материально, либо физически, либо духовно (церковная епитимья). В этом уже прямо просматривается профилактический «уклон», назидание на будущее и не только для данного виновника, но и для других возможных нарушителей спокойствия.

В-четвертых, постепенно «центр тяжести» функции судопроизводства смещается в сторону власть имущих. Лидеры, стоящие во главе общины, обладающие фактической властью, стали сами периодически вершить и правосудие. Будь то царь Соломон или русский князь, или западный король, или азиатский эмир и т. п. Власть и судопроизводство сливаются. Решение таких судей носит открыто властный характер. Появляются специальные санкции, появляется специальный институт, осуществляющий дознание и наказание. Суд государя начинает носить открыто возмездный характер. Проигравшая сторона не только несет наказание, но и оплачивает судебные издержки, несет штрафные санкции не только и не столько в пользу победившего участника, сколько в пользу судьи-правителя (княжеская вира), в казну государя. Государь, регулярно выступая в роли судьи, создает соответствующие правила, сначала на базе прецедента, затем в виде специализированных нормативных документов. Заранее определяются и распределяются санкции в зависимости от вины и опасности деяния. Судейская деятельность становится «второй профессией», обязанностью государя.

Наконец, развитие общества в самых различных направлениях с необходимостью приводит к созданию государственного аппарата, когда понятия страны и государства все более «отчуждаются», отдаляются друг от друга. Страна остается родиной с ее территорией, населением, экономикой, производством и культурой; государство все более сужается до понимания специального аппарата управления, обладающего властными полномочиями. В этих условиях государь уже фактически не может сам вершить и правосудие. Он передоверяет эту функцию специальным людям. Так возникает государственное специальное чиновное судопроизводство, верша которое судьи действуют не столько от своего имени, сколько от имени государя или страны: по указу или воле его Величества или именем Российской Федерации. Эта специализация с необходимостью ведет к созданию соответствующего

специализированного законодательства, т. е. в сущности к установлению всех тех правил, на основании которых судья и будет вести свое производство и выносить соответствующие решения. Эти правила, и в этом их достоинство, становятся постоянными, публично известными как участникам какого-либо конфликта, так и населению в целом. Суд начинает носить открыто классовый и сословный характер. И лишь с пришествием к власти буржуазии и с установлением республиканских режимов правления эти стороны судопроизводства стали скрываться за лозунгами свободы, равенства и братства. Судопроизводство, сосредоточивающееся в руках государя (государства), усиливает и укрепляет саму государственную власть. Уже в средневековье, а фактически еще в древних государствах Египта, Месопотамии и др., появляются специальные законы и установления, охраняющие власть и государственное устройство стран, появляются специальные суды, разбирающие дела о государевой (государственной) измене, покушениях на существующий режим, на особу государя и т. п. За вину против государя существовали самые жестокие виды наказаний. Появляется вид государственных преступников⁴⁸.

Таким образом, в системе судопроизводства складываются три основные ветви или направления: государственно-административное, стоящее на охране политического режима, когда государство охраняет себя; частное или гражданское, разбирающее конфликты между частными лицами или частными лицами и корпорациями и государством экономического, финансового и т. п. характера; и уголовное или публичное судопроизводство, рассматривающее дела уголовно-преступного характера, т. е. преступления значительной общественной опасности, грозящие значительными нарушениями в системе общественного порядка⁴⁹.

⁴⁸ *Вспомним опричнину Ивана Грозного, «дело царевича Алексея», сына Петра I, бунт декабристов, период сталинских репрессий или германского и итальянского фашизма.*

⁴⁹ *В значительной части зарубежных стран (Франции, Германии, Австрии и др.) судопроизводство разбито на три соответствующие отмеченному делению отрасли: государственно-административное, гражданское и уголовное.*

Судебная деятельность государства провозглашена как самостоятельная ветвь власти наряду с законодательной и исполнительной. Если у судьи нет подчиненных, если он никому не отдает приказов, а любая власть – это, в конечном счете, превосходство, господство одного человека над другим, то в чем же именно судебная деятельность выступает как властная функция, как третья ветвь государственной власти?

Судья является субъектом власти, т. е. лицом, обладающим этой самой властью, вернее, служителем государственного аппарата, наделенным этим самым государством правом от имени этого же государства осуществлять правосудие, т. е., проще говоря, определять правого и виноватого в какой-либо конфликтной ситуации и первому воздать добром, а злоумышленника наказать в соответствии с мерой опасности и величиной причиненного им зла, которые уже определены в норме права. Но кто же является объектом судебной власти? Обвиняемый или потерпевший, истец или ответчик? И тот и другой не являются подчиненными, подвластными, подданными и т. п. судьи. Мало того, пока не принято решение, не объявлен приговор, обе стороны конфликта должны быть равновелики для судьи – он должен быть беспристрастен, объективен и т. п., руководствоваться только законом и максимальной степенью истинности полученной в судебном заседании информации. Право осуществлять правосудие, наверное, является исключительным правом, но не является непосредственно властью содержащим правом. Хотя, с другой стороны, по отношению к обвиняемому уже могут быть проявлены властные полномочия судьи при определении меры пресечения или содержания до суда.

Заключительное решение по делу, вынесенное судьей, несет ли в себе властный характер? С одной стороны, это решение (приговор) исходит от судьи как от деятельной личности, но с другой, судья лишь наделен от государства этим правом, он лишь исполнитель воли государства, выраженной в соответствующих статьях административного, гражданского или уголовного законодательства. Судья не может, как Соломон, решить вопрос, руководствуясь только своей волей, совестью и т. п., что особенно характерно для романо-германской системы правосудия. В законе дана судье как право возможность руководствоваться при вынесении решения и собственными убеждениями, понятием справедливости, совестью и т. п. Но все это настолько неопределенно, и этому на самом деле невозможно подобрать какого-либо одномерного критерия,

что все эти возможности фактически отступают на задний план перед буквой закона и волей законодателя, выраженной в норме права. На первом месте, и это более чем правильно, стоит убедительность и истинность доказательств, а интуиция, естественно, плетется где-то позади. Таким образом, право осуществлять правосудие, хотя и особое, исключительное право, но оно лишь в минимальной степени несет в себе некоторые полномочия, которые с полным правом мы могли бы назвать властными.

Наверное, актом, содержащим некоторые властные характеристики, можно назвать выносимое судьей решение (приговор, постановление) и т. п. В этом итоговом судебном документе можно подчеркнуть два момента властного характера: во-первых, это решение определяет дальнейшую судьбу обвиняемого либо в направлении наказания – и это один вариант, либо в направлении оправдания и освобождения из-под стражи – это второй вариант. И на то, и на другое не требуется согласия подсудимого субъекта. Во-вторых, судебное решение затрагивает деятельность тех людей, которые будут его исполнять. Последние могут быть обязаны освободить оправданного в зале суда, и после этого они, что называется, свободны, либо, при ином содержании приговора, отправить его «по этапу» для испития всей той чаши наказания, которая уже определена в вынесенном данном приговоре. В данном случае необходимо отметить еще одну особенность этого в сущности властного действия. Оно осуществится при условии согласия со стороны иных «высших» инстанций, в адрес которых осужденный будет апеллировать, надеясь на иное решение. То есть в этом отношении судебная власть имеет собственную вертикальную конструкцию с разной степенью собственных внутренних властных полномочий.

Кроме выполнения чисто судебных функций, суд в лице судебных приставов (исполнителей) обладает и прямой исполнительной властью. Они не только имеют право, но и обязаны (и на это им даются определенные полномочия) принять меры к исполнению решения судьи: взыскать алименты, выселить кого-то из квартиры и т. п. В целом же власть судьи заканчивается вынесением решения, ибо исполнять его или приговор будут другие специальные службы исполнения наказаний, функционирование которых не зависит ни от судьи, ни от суда вообще. Таким образом, дальнейшая судьба осужденного уходит из-под влияния, контроля или власти судьи.

Во всех видах своей деятельности судья, естественно, проявляет так или иначе и элементы своей собственной воли, что говорит в пользу властного характера доверенных ему прав. Однако основная его задача заключается в исполнении этой «посреднической» роли между законом или нормой права и фактическим поведением, поступком и его результатами обвиняемого лица. В отличие, например, от присяжных заседателей, которые практически опираясь на собственное, в том числе и волевое, основание, могут вынести вотум виновности или невиновности, которым как основой должен руководствоваться судья при вынесении приговора. В западных странах, в старом судопроизводстве России присяжные даже не были обязаны мотивировать свое решение, просто объявляя виновность или невиновность подсудимого. В сущности этот факт можно тоже рассматривать как один из вариантов властных полномочий судебной деятельности.

В заключение вышесказанного необходимо обратить внимание на то, что конституционное определение судебной деятельности как самостоятельной, независимой и властной требует специальных не только теоретически основополагающих исследований, но и глубокого анализа практической деятельности судебных органов, именно рассмотрения этой деятельности как ветви власти, т. е. властвующей.

ЗАКОН ИЛИ ПРАВИЛО?

*Законы пишутся для подчиненных,
а не для начальства.*

А. Х. Бенкендорф

Представители так называемой юридической науки практически монополизировали такую категорию, как «закон», ибо кого ни спроси, а что такое закон, почти каждый скажет, что это норма права, установленная государством и т. п., но редко кто вспомнит при этом, что есть законы природы, которые не нуждаются в санкционировании со стороны государства. Таким образом, вопрос об определении понятия «закон» равноценен или равновелик определению самого понятия «материя». В свое время в понятии «материя» стремились отразить структурное первоначало бытия всех вещей. В этой роли и выступил атом как исходная вечная, неуничтожимая первочастица, из которых все сущее составляется и на которые оно же распадается после гибели, прекращая свое бытие в качестве целостного объекта. В первоначальном понятии материи-атома заключалось предвосхищение закона сохранения: из ничего что-то не может возникнуть; что-то существующее не может превратиться в ничто, но лишь во что-то иное. Это ли не начало представлений о круговороте вещества в природе, о законе сохранения вещества!

Вместе с понятием «материя» складывается и понятие «закон» – категория, опираясь на которую философ ищет возможность раскрыть процесс самодвижения материи (атомов) в его упорядоченности, т. е. ответить на вопрос: почему атомы в своем, в общем-то, хаотичном движении соединения и разъединения, группируясь, складываются в предметы определенной формы и структуры? Это были попытки разобраться и объяснить, почему у кошки рождается котенок, у коровы теленок, у человека дитя; что заставляет атомы в материнской утробе складываться в существа, аналогичные по природе материнской особи. Таков закон, или, иначе говоря, в мире есть определенный порядок, бытие – это не хаос, а упорядоченное множество, и, осознав это, мыслители того времени и назвали законом это упорядочивающее *нечто*.

Оно – божественное и сверхприродное, космическое и естественно-природное, общественно человеческое и индивидуальное. Это то, что обеспечивает постоянный ход пространственно-временного бытия, общественного исторического процесса, раз и навсегда установленный ход событий. Закон – это то, что управляет миром и существует как что-то самостоятельное, некая воля, но не божественная, ибо тоже пребывает в границах собственного природного бытия, это – предписание или иная внутрприродная сущность, в целом – установленный порядок, который ни коим образом не может быть нарушен. У Демокрита и Гераклита это логос, у Платона – идея, у Аристотеля – форма, это мог быть также номос, лекс, карма, правда, воля божья... в любом случае это самостоятельное нечто (закон), существующее наряду с материальным миром вещей и явлений, без которого мир был бы хаосом и которое заставляет мир быть таковым, каков он есть в действительности, а потому иным он быть не может. Он независим от всех потуг человечества внести в него свои «поправки».

Две тысячи лет спустя научное естествознание пришло к выводу, что материи как таковой: несотворимой, неуничтожимой, неизменной, из которой, как из первоэлементов, все сущее составлялось бы и на которые распадалось бы по прошествии какого-то промежутка времени, просто нет и быть не может. Такое состояние явно противоречит самодвижению как всеобщему способу бытия той же материи и представляющему собой постоянство целого в его непрекращающемся изменении и развитии. Материя – вещь, вещество, масса, атом, понимаемый как абсолют, превратилась в философскую категорию самого всеобщего характера, отражающую мир как целое, сама сущность материальности которого заключается в существовании независимо от духа (разума), ее отражающего, познающего, описывающего.

Аналогично сказанному давно настало время «разобраться» и с понятием или категорией «закон». Закон, как и материя, не существует как что-то конкретное, как какое-то определенное и самостоятельное предметное нечто. Закон – это научно-философская категория, в которой мы отображаем (отражаем) объективную реальность в ее сущностном бытии, в ее функционировании как самодвижении и саморазвитии, опирающемся на всю массу причинно-следственных отношений и зависимостей. Попробуем свести к некоему общему «среднеарифметическому» знаменателю ряд широко известных определений понятия «закон»:

1. Самое распространенное: закон – необходимое, внутреннее, существенное, устойчиво повторяющееся отношение, связь между явлениями в природе и обществе, обуславливающее их развитие (упорядоченное изменение).

Закон – устойчивая связь между элементами и свойствами единой системы. Эти связи подразделяются на законы **сущего** и законы **должного**.

Закон **выражает** определенный порядок причинной, необходимой и устойчивой связи между явлениями... (выражает или сам таковым является, как сказано выше? – П. Ю.)

Закон – необходимая внутренняя, присущая природе явлений реального мира **тенденция** изменения, движения, развития... (тенденция – это не связь и не отношения, это направленность хода развития чего-либо, вытекающая из закономерности. – П. Ю.)

2. Закон – это знание, формулируемое людьми в понятиях, которое, однако, имеет свое основание в природе; это – положение (научная мысль. – П. Ю.), выражающее всеобщий ход вещей в какой-либо области природного и общественного бытия; высказывание относительно того, каким образом что-либо является необходимым или происходит с необходимостью.

Итак, во-первых, закон – это определенные реальные связи и отношения между предметами и явлениями в природе и обществе... Можно ли согласиться с таким определением? Отношения между предметами и явлениями достаточно многообразны: тяготение (Ньютон), выталкивание (Архимед), превращаемость и самосохранение вещества (Ломоносов), теплообмен (термодинамика), взаимодействие производительных сил и производственных отношений (К. Маркс), борьба классов (В. Ленин) и т. д.⁵⁰

⁵⁰ См.: Бачинин, В. А. *Философия права: краткий словарь* / В. А. Бачинин, В. П. Сальников. – СПб., 2000. – С. 112; *Философский словарь*. – М., 1987. – С. 147–148; *Философский словарь*. – М., 1975. – С. 133–134; *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1988. – С. 162; *Краткий политический словарь*. – М., 1983. – С. 107; *Современный философский словарь и хрестоматия*. – Ростов н/Д., 1995. – С. 26; *Философская энциклопедия*. – Т. 2. – М., 1962. – С. 149; *Российская юридическая энциклопедия*. – М., 1999. – С. 988–994; *Юридический энциклопедический словарь*. – М., 1984. – С. 100; *Философия* / Под ред. Ю. А. Харина. – Минск,

Являются ли названные отношения законами? Все это суть реальные события, процессы и т. п., но не законы, точно так же, как горы, деревья животные, люди и т. п. – это предметы и устойчивые отношения между ними, называемые закономерностями, но они не суть законы. Под закономерностью же надо понимать некое соответствие между реальным событием и законом, описывающим его. Наблюдая, исследуя явления природы и общества, мы обнаруживаем некоторые закономерности, т. е. некоторую упорядоченность событий, связей, причин и следствий, что дает нам возможность говорить о причинно-следственных отношениях, действующих как в рамках строгой необходимости, так и случайности, хотя последняя, как правило, имеет разовый характер. Раскрыв эти причинно-следственные связи, мы формулируем их функционирование в форме закона, говоря, что некие **A** и **B** связаны между собой таким образом, что действие **A** как причины породит как следствие **B**, только **B** и ничего, кроме **B**. Закон – это знание или общий логический вывод, получаемый в процессе исследования как необходимых, так и случайных причинно-следственных отношений и связей между явлениями и предметами действительности. Этот вывод в виде описания или строгой формулировки дает возможность человеку безошибочно или, по крайней мере, с большой долей вероятности прогнозировать тот или иной ход событий применительно к будущему в той или иной области природного или человеческого бытия. В понятии закона при его применении знание и явление как противоположности как бы меняются местами. Закон как формулировка – вторичен, но, говоря о «подчиненности» ему тех или иных событий, явлений действительности, мы закон-идею мысленно ставим на первое место, априори самого факта действительности.

Этот феномен относится к познавательной деятельности, когда человек в каком-либо споре оперирует понятиями в логической их последовательности и связях, как предметами в их са-

2000. – С. 88; Крапивенский, С. Э. *Общий курс философии* / С. Э. Крапивенский. – Волгоград, 1999. – С. 367–368 и др. В значительном количестве учебников по философии последних изданий вообще не раскрывается понятие закона. В своем увлечении современным антимарксизмом авторы заодно выбросили и законы диалектики.

мостоятельной и реальной действительности, забывая, что за понятиями, если они не нулевые по объему, стоит реальная, отражаемая и познаваемая предметная действительность, где сама логика мысли является лишь отражением родо-видовых, причинно-следственных и иных связей и отношений между самими объектами природы и субъектами общества. Как у И. Канта или у В. Гегеля: категории становятся не только независимыми от бытия, но и господствуют над ним. Формулируя закон, мы описываем, познаем (открываем) необходимость, при которой даже случайность может выступать как проявление необходимости, особенно причинно-следственной. Таким образом, закон – это знание, формулируемое людьми в понятиях, содержанием которых является отражаемая в них объективная реальность (природное и общественное бытие)⁵¹. Этот феномен относится и к общественно-правовой действительности, когда мы закон как волю государства, законодателя ставим выше самой действительности: *pereat mundus et fiat justitia* – пусть рухнет мир, но торжествует закон (правосудие), как говорили еще римляне.

Перефразируя Ф. Энгельса и В. И. Ленина, можно подвести итог: закон – это форма познания всеобщности, отражение существенного в движении универсума⁵². Закон – это логическая, мыслительная, познавательная конструкция, высшая форма отражения действительности, высший уровень познания сущности причинно-следственных связей предметов и явлений природной и общественной действительности, по форме представляющая собой понятийную, строгую абстрактную (математически-знаковую, если это возможно) формулировку общего (всеобщего) характера, описывающую, раскрывающую необходимые причинно-следственные зависимости. Закон нам говорит о том, что события должны следовать строго определенным образом, а потому и результат может быть таким, только таким и никаким иным. В этой формулировке выражена объективная истина, отражающая и раскрывающая причинно-следственные зависимости в самодвижении и саморазвитии природы и человека.

⁵¹ См.: *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1998. – С. 162.

⁵² См.: *Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин*. – Т. 29. – С. 137.

Какими же свойствами характеризуются связи и отношения, которые мы называем закономерными (измеряемыми законом, отражаемыми в законе) и которые, как элементы действительного бытия, представляют собой явления внешнего мира? Во-первых, это объективная действительность, не зависящая от познающего ее человека и человечества, иначе говоря, мы не можем изменить естественно-закономерный ход событий; во-вторых, это сущностные отношения и связи, определяющие сам характер строго определенного хода бытия в его развитии; следовательно, в-третьих, это связи и отношения, где господствует необходимость; в-четвертых, эти связи и отношения, отличающиеся постоянством, устойчивостью, а значит, повторяемостью; в-пятых, эти связи носят общий и всеобщий характер. Изучая мир в его самодвижении и саморазвитии, мы познаем его как целое, как систему, где закон как итог познания раскрывает сущность бытия природы и человека в его причинно-следственных зависимостях.

Закон выступает как способ мыслительной организации, формулирования, выражения формы объективной истины, как результат познавательной деятельности, следовательно, закон обладает всеми свойствами истины:

а) объективностью в своем содержании, ибо закон есть форма раскрытия необходимости в ее сущности;

б) в своей конкретности закон является таким способом выражения истины, которая максимально приближается к абсолютной истине;

в) закон выступает в качестве общей, а в диалектике даже всеобщей меры в сфере зависимостей и связей вещей и явлений природы и общества;

г) закон, являясь высшим результатом процесса познания, открывается, формулируется, но не создается, не творится;

д) раскрытие закономерностей бытия – это объективный путь познания от явления к сущности.

Понятие закона еще в древности благополучно перекочевало из познания природы и космоса в общественные отношения, где сделалось основным способом регуляции межчеловеческих отношений, где государство (полис у греков) присвоило себе право в связи со своими представлениями о должном издавать соответствующие законы. Таким образом, закон в системе правовой действительности стал рассматриваться как вид долженствования, где само положительное право в основополагающей своей формаль-

но-структурной составляющей предстает в виде правовой нормы, называемой законом. Закон в юриспруденции в самом общем виде представляет собой попытку людей воплотить в действительность те принципы, на которых они хотят строить свои общественные отношения в форме общепризнанных правил, определяющих поведение и поступки людей в их взаимоотношениях как межличностного, так и общественного характера⁵³. Закон в самом общем и широком смысле – это, с одной стороны, все законодательство в целом, т. е. все установленные государством общеобязательные правила поведения, с другой стороны, это любая отдельная норма в системе принятого в том или ином обществе законодательства, принимающая статус отдельного специального правила или нормы. Иначе говоря, закон – это высшая форма выражения государственной (у Гегеля государевой) воли, нормативный акт, принятый в установленном конституцией (основным законом, как правило, считающимся выражением воли подавляющего большинства народа) порядке (цепочка: последующий закон возникает на базе предшествующего закона) высшим органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением народа (в порядке референдума) и регулирующий наиболее значимые общественные (жизненно необходимые) отношения. Законы составляют основу правовой системы государства. Сам закон, в сущности, не является правом, он лишь является документом, на основании которого индивид может быть наделен какими-либо правами, полномочиями или обременен обязанностями. Закон – это общая норма, как суждение о должном (разрешение или запрет)⁵⁴ для, в сущности, неограниченного множества возможных случаев человеческого поведения, устройства межчеловеческих отношений. Он может представлять собой и закрепление какого-либо единственного варианта из множества случаев (например, конституционный закон о государственном устройстве, утверждающий единственный вариант из нескольких известных форм государственного устрой-

⁵³ См. также: Ромашов, Р. А. Закон, правило, норма, долженствование / Р. А. Ромашов // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 14.

⁵⁴ См., напр., работы Дж. Остина, который считает, что вообще всякое право есть приказ, а закон – это правило, устанавливающее господство одного мыслящего лица над другим.

ства), устанавливается субъектом власти, и его сила, значимость держится на авторитете силе власти.

Необходимость установления правовой нормы (закона) вытекает для человека и общества из их представлений о том, как жить и поступать в этом мире, когда в осознании своих потребностей индивид, с одной стороны, может поступать с точки зрения естества так, как он считает для себя наиболее выгодным, приемлемым, не исключая нанесения вреда другим людям. Но, с другой стороны, вступают в силу потребности более высокого порядка – самосохранения общества как целого. И тогда возникшее противоречие разрешается в форме дозволений и запретов (табу) на какие-либо формы индивидуального или группового поведения, чтобы люди, удовлетворяя свои потребности, не удовлетворяли их общественно опасными способами, причиняя зло другим. Существовая в форме разрешения, норма может наделить индивида определенными правами неприродного характера, которых у него еще нет, но исходя из общественных или иных внешних потребностей, например, избирая вожда, посла и т. п., избравшие или пославшие наделяют своих «агентов» правами, которых нет даже у самих посланных и избравших, но тем не менее общая воля последних выступает источником этих возникших особых субъективных прав. Таким образом, закон (норма) является выражением не только объективно должного, но и субъективно сущего или индивидуально и коллективно желаемого.

Одной из задач настоящего исследования является то, чтобы через анализ и сравнение юридического закона с естественным законом поставить под сомнение логическую, смысловую и даже этимологическую состоятельность употребления в научном языке самого понятия «закон» применительно к бытию и познанию правовых отношений между людьми. Прежде всего необходимо понять, почему люди пришли к понятию закона, отражая свои субъектно-субъектные и субъектно-объектные отношения? Основным методом познания применительно к описываемому предмету стал для людей анализ на основе сравнения своего человеческого общественного бытия с природным, а также присущий людям, особенно на ранних стадиях развития познания, антропоморфизм. Наши предки видели во внешнем мире установившийся (в том числе свыше), определенный, устойчивый, строгий, не нарушаемый, раз и навсегда заведенный порядок событий и вещей. Человек объективно включен в эту систему

внешнего объективного бытия, он не может вырваться за его пределы, а попытки пренебречь, выйти за границы естественно-го хода событий, как правило, приводят к довольно печальным, а то и трагическим последствиям. Общественные, коллективные отношения человек рассматривал как установленные в соответствии с определенным естественно-природным порядком. Кем и как устроен мир внешней, космической, и внутренней, земной, природы, точно теми же силами обусловлен и мир человеческого бытия. Этот порядок объективен, независим от воли людей, его можно познать, его надо понять и осуществлять свою жизнедеятельность в границах этих требований творца, кем бы он ни был, и тогда все пойдет как надо. Система этих отношений, этот порядок – управляется правилами устройства самого Космоса, в котором человек лишь частичка, микрокосмос, поэтому он не может выйти за пределы этих внутренних самоустановлений природы в ее самобытии как целостной системы. Появление и развитие религиозного мировоззрения и основанного на нем поведения, в сущности, не изменили представлений людей о мировом порядке: появилось всего лишь еще одно причинное звено – конкретизировалась и более четко определилась в понятии Бога та внешняя, всемогущая и разумная сила, которая якобы и установила этот порядок, как ею осмысленный, продуманный в его целеполагании, самосохранении и определивший место человека в этом космическом, установленном Богом бытии. Господь стал тем существом, справедливой или злой воле которого и подчинился весь мир. Законы даны Богом и их, как и законы Космоса, нарушать нельзя. Возникшее духовенство: шаманы, волхвы, жрецы и иные религиозные «профессионалы» стали выступать в роли посредников между Богом и человеком, в роли пророков, которым Бог раскрывает периодически свою волю и пожелания к людям: каким бы он – Всевышний – хотел видеть человеческое устройство и поведение в его индивидуальном, групповом и общинном выражении, волю, которую пророки озвучивали и доводили до понимания всеми людьми. Священнослужители стали управлять людьми от имени Бога, устанавливая его «божественный» порядок, тесно увязываемый с классовыми, сословными, клановыми и иными интересами. Возникающие светские правители, принимая эстафету от церкви, получают этот порядок тоже из рук Божества и с его благословения – будь то Законы Ману или Хаммурапи, Моисея или даже Русская Правда. Эти законы воспринимались

не как творчество власть имущего законодателя, правителя, а как некая высшая истина, правота, правда, которую можно скрыть от людей, спрятать, но нельзя исказить, так как за ней совесть, некая высшая сила, а значит, Бог. Поскольку «несть власти, аще не от Бога», постольку правитель – не узурпатор, а государь, по воле всевышнего обремененный властью. Его суд, его волеизъявления выступают в роли преемника высшего, божественного Закона, и возможное наказание, идущее от правителя, – это продолжение божьей кары, идущее от провидения и судьбы; это обязательная форма восстановления нарушенного порядка, который воспринимается как нечто само собой разумеющееся, а значит, должно: так и должно быть, иначе и быть не может, Бог накажет, ибо он слов на ветер не бросает. В этом сама суть – закон воспринимается как то, что не может быть нарушено само по себе, обязательность воздаяния «по заслугам» не оспаривалась. Эти последствия (кара) необязательно, как показывает практика, наступают сразу же, сиюминутно, но самым ожиданием, что «не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от Божьего суда», ты уже наказуем, ибо Бог обязательно взыщет либо в настоящей жизни в виде силы провидения, катаклизма, частного единичного горя как воздаяния, либо на том свете в адских муках, либо в жизни будущей перерожденности по законам кармы и т. п.

В сущности, все вышесказанное нашло отражение в развитии множества идей так называемой теории естественного права, в кантианстве и даже у Гегеля. Насколько теория естественного права во всех ее вариантах состоятельна? – это особый вопрос. Для нас важен один вывод, а именно то, что законы правовые, юридические, политические (полисные), государственные и т. п. в период античности, средневековья и даже в эпоху просвещения и Нового времени принимались как прямое, естественное продолжение законов природы, космоса, Бога и иных источников высшего мирового порядка, мироустройства. В основе закона всегда лежит необходимость. Но если в основании закона природы лежит сам естественно-необходимый ход событий, объективно-природная связь предметов и явлений, то в основании юридического закона лежит отраженная людьми необходимость установления и сохранения того или иного общественного порядка, определенного жизненного устройства, обеспечивающего самосохранение и саморазвитие общества как целого, как структуры общественного бытия. Закон – это проявление внешней по от-

ношению к человеку необходимости. Законодатель, устанавливая нормы, пытается внутреннюю человеческую, межчеловеческую необходимость представить как выражение внешней природной необходимости или божественной воли.

Правовая норма выводится, опираясь не столько на фактическую необходимость, сколько на логическую, предписывая, с точки зрения власть имущих жизнеустроителей, необходимое, логически нужное, даже «справедливое» устройство общественного бытия. Нередко вводимая норма узаконивает то, что в действительности не отвечает тенденциям развития тех или иных общественных отношений, а порой она может быть и вообще не исполнима. Порой же сам законодатель категоричность вводимой им материальной нормы превращает в условную, обставляя ее исполнение такой массой дополнительных процессуальных и иных требований, необходимость выполнения которых существенно затрудняет выполнение основного требования. Юридический закон, издаваемый государством (государем) и выражающий его собственную, клановую, классовую, сословную и т. п. волю, раскрывает в своем содержании цель законодателя, которая внешне может выглядеть более чем справедливой, т. е. отражать всеобщую потребность и интересы. Однако последний, издавая, вводя новый закон, нередко вмешивается в такие области общественного бытия, которые совсем не нуждаются в правовом регулировании, и, таким образом, законодательное вмешательство носит явно искусственный, выходящий за рамки необходимости характер. Примером тому может служить простейший факт введения Петром Великим налога на ношение бороды: вряд ли этот налог отвечал тенденциям развития Российской государственности и содействовал прогрессу. Введение частной собственности на средства производства после развала СССР носило явно искусственный характер, поскольку власть, опираясь на право активного вмешательства «сверху» в экономику страны, обеспечила принятие соответствующего законодательства отнюдь не в интересах всего народа, что в результате привело совсем к иным результатам, нежели те, которые так романтически контркоммунистически провозглашал законодатель. (Что при этом законодатель фактически думал, остается на его совести). Который год наши законодатели с завидным постоянством пекутся о лучшей участи наших пенсионеров, инвалидов и др., но почему-то большинство вариантов этого попечительства явно оказываются мало пригодными.

Естественный закон проявляет себя в жизнедеятельности людей и в бытии природы с объективной необходимостью. Ему нельзя не подчиниться, он не может быть обойден, ибо он вытекает из самой сущности причинно-следственных связей и отношений предметов и явлений природы. Закон юридический нуждается в «реализаторе», в государственном или общественном аппарате, который обязан даже насильно заставить людей исполнять то, что законом предписывается. Не будь этой силы, многое бы, наверное, не исполнялось или исполнялось значительно иначе (жизнь бы иначе пошла). В процессе самого исполнения нормы мы обнаруживаем массу проблем и вынуждены прибегать к массе дополнительных условий, которых не может быть в процессе функционирования естественного закона. Правовая норма, особенно в том, что касается последствий ее неисполнения (санкции), нуждается в том, чтобы само нарушение было обнаружено другими людьми, зафиксировано не кем угодно, а специальными людьми и по специальным правилам, дальнейшие действия обставляются тоже массой специальных действий, вменением, доказательствами и многим другим. Таким образом, если деяние не обнаружено, то его как бы и не было, если виновный не установлен или вина не доказана, или доказательства процессуально «неубедительны», то нарушитель вроде бы даже и прав и можно нарушать закон и дальше. Фактически всю жизнь воруя, но оставаясь не обнаруженным, не пойманным, будешь слыть честным человеком, а если кто-то и назовет тебя вором, но в суде не представит соответствующих доказательств, тот сам может пострадать за свою правду, ибо в процессе судопроизводства она обернется своей противоположностью – клеветой, правда станет ложью, оставаясь объективно истиной. Парадокс?! Но он, к сожалению, не так-то уж редок в судебно-правовой действительности: обвинитель и обвиняемый, истец и ответчик меняются местами. Это еще один из атрибутов несовершенства юридического закона или нормы права. В природе такое принципиально невозможно, ибо там действует Закон, а не сознательно введенное правило.

Однако, с другой стороны, все не настолько просто, как это может показаться на первый взгляд из того, что выше сказано. За видимостью прямого произвола законодателя, навязывающего свою волю подданным, скрывается общественно-объективная необходимость – некоторые незначительные нарушения естественного

процесса общественного бытия могут не приниматься в расчет. Даже такие лидеры с диктаторскими проявлениями, как Нерон, Иван Грозный, И. Сталин, А. Гитлер и др., были абсолютно уверены в том, что выполняют некую высшую миссию по укреплению и развитию своих держав, и в этом тоже есть доля истины. Как закон вообще, юридический закон является способом отражения определенных интересубъектных и субъектно-объектных отношений. Эти отношения в общем и целом возникают, существуют, меняются, развиваются независимо от какого бы то ни было законодателя и его воли. Но это отражение в праве отличается от отражения природы в естествознании. Знание или незнание закона природы ничуть не сказывается на объективном ходе процессов бытия в самой природе, не мешает развитию самих событий в мире природы. Он, если можно так сказать, – пассивен по отношению к отражаемому. Человек использует познание законов природы не столько для изменения самой природы, сколько для улучшения своего собственного бытия в природе, не особо заботясь о том, в чем и как его деятельность скажется на здоровье окружающей его «природы в себе». В сущности, не так уж и давно экологи забили тревогу о губительном для природы характере многих видов производственной деятельности человечества. Но велики ли успехи правоохранительной деятельности даже специальных органов, созданных для улучшения охраны окружающей среды? По крайней мере, нынешний крупный капитал не скрывает своего хищнического характера и не считается с правоохранительным законодательством в приобретении собственности и получении прибыли.

Правовая норма – это отражение и выражение отношения подчинения и законопослушания в сфере человеческих отношений, т. е. власти и властвования одних людей над другими. Она творится и издается законодателем как отражение его воли с открытой целью вмешательства в общественное бытие, с целью навязывания в сфере общественного поведения строго определенной модели, которая предлагается исходя из воли и представлений законодателя. При этом последний, как правило, на основании закона обладая властью, творя закон, открыто вмешивается в сферу отношений, зачастую совсем неюридического порядка: в экономику, в мир искусства и нравственных отношений, в религиозную жизнь, в семейные, производственные и иные отношения. Даже рассматривая частное, договорное право как возникаю-

щее по инициативе «снизу», законодатель определяет основные правила «игры»: в противном случае эти частные сделки могут быть объявлены незаконными, недействительными, а значит, не имеющими силы и т. п. Законодатель уверяет нас, что делает это с «благородной» целью сохранения общественного порядка, целостности общественного бытия, предотвращения общественно и индивидуально опасных проявлений и их последствий и т. п. Но, к сожалению, далеко не всегда у него это получается, а нередко последствия бывают настолько противоположные, которых законодатель себе и представить не мог.

Конечно, в «чистом виде» юридический закон, как и любой другой, сам по себе представляет лишь текст на бумаге или словесную формулировку в голове человека, но он как некая внешняя сила открывает для индивида новые возможности, наделяя его определенными правами и полномочиями в определенной сфере жизнедеятельности, которыми до того он не обладал. Закон указывает не только на права, но и на обязанности, которых у индивида до того тоже не было, включая его в те или иные общественные отношения, подчиняя, таким образом, субъекта в его деятельности воле законодателя. И, наверное, в чем-то прав был граф А. Бенкендорф, когда писал, что законы издаются для подчиненных, а не для начальства. Правовые нормы, отражая общественное бытие, отражают его «активно», имея целью прямое вмешательство в эти отношения для подгонки их под некий стандарт. Таким образом, правовая норма – это, скорее, правило (в религии – канон), устанавливаемое людьми для регулирования их поведенческих общественных отношений, нежели закон. Эти правила могут иметь разную значимость как по вертикали, так и по горизонтали, разные пространственные сферы охвата того или иного множества людей и видов их отношений, они могут быть разными в их логических и причинно-следственных построениях и связях. Даже конституции – основополагающие правила общежития в том или ином государстве, устанавливаемые людьми для самих себя как нечто лучшее, далеко не долговечны. Проходит время, что-то меняется, приходят другие поколения и изменяют эти правила, а заодно, по возможности, и само общественное устройство⁵⁵. Юриди-

⁵⁵ Подобную же точку зрения отстаивает, например, профессор Р. А. Ромашов. См. указанную выше статью в журнале «Правоведение». – 2001. – № 6. – С. 13–19.

ческий закон (правило) имеет свои особенности, которые отличают его от понятия Закона. Несмотря на то, что юридическая норма отражает объективные общественные отношения, складывающиеся в обществе, сама она в процессе своего возникновения, разработки, оформления и принятия, а равно и в процессе функционирования, несет в себе изрядную долю человеческого субъективизма, как индивидуального, так и группового, а при тоталитарных режимах – прямого произвола.

Правовая норма творится людьми. Поэтому она может не соответствовать естественному ходу развития общественного бытия. Закон должен отражать, соответствовать тем объективным тенденциям развития общественной жизни, которые уже сложились или находятся в процессе становления. Люди же, оценив эти тенденции, увидев их положительные и отрицательные стороны, последующими правилами или запрещают что-либо общественно вредное, опасное и т. п., или, наоборот, поддерживают, способствуя всему лучшему и прогрессивному. О роли законодателя можно сказать словами Л. Толстого относительно роли М. Кутузова в бородинском сражении, которую якобы он видел в том, чтобы ничему полезному не помешать и ничего вредного не позволить. Таковой, наверное, должна выглядеть основная задача законодательной власти. Закон – это отражение не только должного, но и желаемого. В самой инициативе принятия того или иного закона лежит воля, основанная на представлениях человека и оценке того, что в данное время в том или ином отношении общественно вредно и плохо. И если это «плохое» направить по иному руслу, т. е. ввести иное правило или закон, то это «плохое» уйдет, исчезнет и всем станет хорошо. Но как часто законодатель ошибается. (Думаем как лучше, а получается как всегда, говорил В. Черномырдин, возглавляя Совет министров в должности премьера)⁵⁶.

Закон – это всегда повеление, «категорический императив», в сущности (в идеале) исключаящий какие бы то ни было отклонения. В теории права и государства утверждается, что за законом стоит воля народа, объективные потребности и тенденции общественного бытия. В теоретически мыслимом идеале, или

⁵⁶ *Новый политический афоризм в России начала третьего тысячелетия.*

пределе, как говорят математики, это, наверное, так и есть, но в реальном законотворчестве мы обнаруживаем довольно значительную долю группового (классового, сословного и т. п.) волюнтаризма: тому примером нынешнее российское законодательство с его массовой неисполнительностью, с одной стороны, и с ярко выраженной классовой направленностью (буржуазным демократизмом) – с другой. Процесс лоббирования в сфере законотворчества – ярчайший тому пример. Чтобы новый закон (правило) появился и принял на себя регулирующие функции, он должен пройти особые процедуры нормотворческого ритуала, состоящего из нескольких этапов:

1. Законодательная инициатива, правом на которую наделены далеко не все граждане, а особые субъекты, что является открытым выражением гражданского неравноправия, как бы ни пытались нас уверить в обратном депутаты-законодатели. Предлагаемый ими проект фактически является их индивидуальным или групповым волеизъявлением, их детищем.

2. Обсуждение проекта – что доверяется опять-таки специальному кругу субъектов, коллективу избранных представителей (множественному субъекту), которые якобы должны выражать волю народа (в марксизме более точное – класса), что создает некоторую видимость объективности и демократизма.

3. Принятие в форме голосования, где побеждает воля большинства тех же представителей, что, в сущности, является проявлением типичного конвенционализма, говоря философским языком, или групповым соглашением некоего авторитетного меньшинства.

4. Опубликование, ознакомление с принятым правилом тех самых подданных, на кого оно и должно распространяться, кто наделяется долженствованием (обязанностями) применительно к его исполнению. О необходимости последнего обстоятельства писал в свое время еще Ф. Аквинский, хотя в юриспруденции и действует противоположное правило, по которому незнание закона не освобождает от ответственности его нарушителя.

5. Исполнение закона (правила) сопровождается толкованием, разъяснениями, комментариями и т. п., указывающими на «правильное» понимание изданной нормы, на возможности, границы, порядок и условия ее применения. В значительном своем множестве законы не обладают функцией прямого действия, а обставляются массой подзаконных актов и процедур исполнительного характера, соблюдение которых может в значительной степени

искажить содержание требований закона, в худшем случае – свети его на нет.

Определение того, в какой мере то или иное деяние соответствует или не соответствует требованиям закона (законности), тоже носит, в сущности, субъективный характер. Только люди, наделенные определенными полномочиями, вправе определять, устанавливать степень соответствия (законности), равно и несоответствия (беззакония): виновности, ответственности и т. п. В этом процессе, в сущности, тоже наличествует огромная доля субъективизма, контролируемого со стороны иных специальных органов (субъектов) аппарата государства. Да и сами формулировки закона настолько бывают несовершенны, абстрактны или неоднозначны, что не только позволяют проявляться субъективизму, но и с определенной долей необходимости порождают последний. (Русское: закон – что дышло... не устарело, как показывает практика, и в наше время).

Закон природы не может быть, в принципе, отрицающе, негативно, разрушительно направленным, ибо он отражает порядок бытия в существовании чего бы то ни было. Законы юридические, особенно в публичном праве, носят, как правило, запретительный характер, указывая на что-либо объективно существующее (преступность и т. п.), что этого делать нельзя, т. е. этого не должно быть. Хотя, если вдуматься, преступность только по форме носит юридический характер, по содержанию же она опирается на психические, общественные и индивидуальные проявления экономических, религиозных, нравственных и многих иных сфер межчеловеческих отношений, далеко выходящих за рамки возможностей юридического воздействия. Правовые нормы узаконивают такой способ отношений, особенно в правоохранительной деятельности, как прямое и открытое насилие, наделяя специальных людей в системе государственных органов правом творить это открытое насилие: арест, различные виды лишения свободы, вплоть до смертной казни, как способа «навечно» освободиться от того или иного преступника. Правовые нормы направлены на вытеснение, разрушение, уничтожение отрицательных явлений в человеческом общежитии, все это, конечно, более чем общественно полезно, справедливо, но с понятием закона чаще всего никак не согласуется.

Законы правовые носят национальный, региональный характер. Законы, действующие на одной территории, среди одной

группы людей, могут абсолютно не затрагивать общественного бытия других коллективов и народов. Кроме национальных особенностей право и законность несут в себе признаки классовой и сословной принадлежности, партийного и религиозного влияния и т. д., хотя, с другой стороны, за всем этим многообразием скрывается отражение общечеловеческого единства, два признака которого можно отметить: во-первых, факт существования международного права и провозглашение приоритета международного права над национальным; во-вторых, в законодательстве всех народов мира много общего, такого, что и через утверждения, и через запреты направлено на сохранение родовой сущности человека или того, что называется социумом. Правовые нормы не столько объединяют, сколько разъединяют людей, подобно разделению труда в системе материального производства. Закон может дать одним людям множество прав, другим же, в силу того же самого, – массу обязанностей, закон ставит одного человека под господство власти со стороны другого человека, закон, призванный, согласно демократическим принципам, установить равенство между людьми, фактически устанавливает неравенство. Закон создает видимость защищенности индивида в обществе, именно видимость, так как сам закон, естественно, никого и ничего защитить не может. Могут защитить люди, облеченные на то правами и обязанностями, указанными в законе, что позволяет еще раз подчеркнуть то, что реализация закона во многом зависит от так называемого «субъективного фактора». Знание закона природы помогает человеку действовать в его пределах с меньшими ошибками и потерями, не выходя из-под действия закона. Знания законодательства и его несовершенства позволяют людям обходить требования закона, находить множество способов для несоблюдения юридических норм, уходить от ответственности, скрывая вину, даже бравируя ею перед собственной и общественной совестью. Индивид в соответствии с законом может слыть, а фактически и считается безгрешным, если его вина не доказана. Но между фактом и доказательством может пролегать пропасть.

ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Исследуя функционирование положительного права в системе общественных отношений, следует обратить внимание на самую его универсальную функцию, отметить ту изначальную, основополагающую роль, которую выполняет позитивное право в человеческом обществе как таковом. Отражая в своем сознании и поведении свое общественное бытие, люди (точнее, власть имущие) своей волей искусственно создали ими же установленное право как средство, обеспечивающее возможность их государственного вмешательства практически во все сферы межчеловеческих отношений. Они изобрели инструмент для управления людьми (подданными) во всей совокупности, во всем множестве их конкретных поведенческих проявлений, которые и составляют всю полноту содержания целостного человеческого бытия. Вождь, князь, правитель, совет старейшин, одним словом, индивид или группа индивидов, обладающие властными полномочиями, создали, опираясь на своих приверженцев, целостную систему специальных правил, которыми члены общества (подданные) должны руководствоваться в своих поведенческих отношениях; специальных норм, которые люди должны соблюдать под угрозой насилия, чтобы их коллективное бытие носило упорядоченный характер, обеспечивающий людям не только самосохранение, но и процветание в ходе реализации их божественного предназначения – «плодиться и размножаться». Люди создают обычаи, запреты и разрешения, полномочия и обязанности, которые в подавляющей массе они соблюдают, усматривая в этом общественное, родовое, групповое и даже индивидуальное благо. Правители, облеченные властными полномочиями в лице государства, не только раздают права и возлагают обязанности, но, опираясь на свою власть, активно вмешиваются практически во все виды общественных отношений по мере осмысления своих представлений о том, какими эти отношения должны быть. И счастливы те народы, где эти представления адекватно отражают естественный ход человеческой истории, т. е. совпадают с ходом и развитием закономерностей, подчиняясь которым, люди сами творят свою историю.

Человеческое общество – изначально общественный, коллективный механизм, в котором каждый отдельный индивид

выступает как средство для существования целого – общества, человечества. Можно сколь угодно персоналистски возвышенно поднимать на щит права и свободы отдельного индивида, но последний всегда выступает в роли отдельного элемента общественного бытия, в роли того винтика, который обеспечивает системность и целостность всего общественного механизма, какой бы конкретной самооценностью он ни обладал и ни кичился. «Единица – ноль», – писал в свое время В. Маяковский, и, наверное, исторически он прав. Чтобы подкрепить высказанное мнение, прибегну к авторитету такого выдающегося гуманиста, как Дж. Неру, который писал, обращаясь к своей умнице дочери, когда она была еще подростком: «В одной из наших старых книг на санскрите есть стихи, которые можно перевести следующим образом: «Ради семьи принеси в жертву отдельного человека, ради общины – семью, ради страны общину...»⁵⁷. Таким образом, отдельный индивид, даже самый выдающийся, никогда не был и не может быть целью исторического бытия, он всегда лишь *средство* для обеспечения существования целого – общества и человечества в его общеродовой сущности.

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Конкретный разговор о том, какое место занимает положительное право в системе общественных отношений, надо начать с анализа политической жизни общества или, говоря марксистским языком, с отношений надстроечных и лишь затем обратиться к экономике как базису, в который правовая действительность вторгается во всей своей полноте. Люди объективно нуждаются во внешнем руководстве как сплачивающей силе, и этой силой является, в конечном счете, государство, которое и возлагает на себя эту основную функцию⁵⁸. Таким образом, одно из первейших отношений (даже в условиях семейности и патриархата), порождающих позитивное право, является отноше-

⁵⁷ Неру, Дж. *Взгляд на всемирную историю* / Дж. Неру. – М., 1975. – Т. 1. – С. 45.

⁵⁸ *Необходимо оговориться в том, что в данном контексте речь пойдет только о государственном аппарате, а не о стране, т. е. о государстве в узком понимании этой категории.*

ние власти и подчинения как основы политического устройства общества. В самом общем смысле политика есть всегда деятельность или, вернее, сознательное, расчетливое поведение страны и ее народа и государства в отношении другой страны, народа и государства, нации по отношению к соседней или любой иной нации, класса по отношению к другому классу, сословия к сословию, партии по отношению к другим партиям, государства по отношению к своим подданным, так и подданных по отношению к своему государству. Государственная же политика – это еще и искусство управлять общественными процессами, страной, массами. Это искусство господства над массами. Если в недалеком прошлом это делалось вполне открыто в форме монархии, деспотии, инквизиции и т. п., то при современных технологиях это можно делать, провозгласив так называемые демократические лозунги, и при этом многие поверят в то, что это действительно так, что эта нынешняя демократия и есть настоящее народовластие, что лучше ничего и придумать нельзя, и вообще лучше быть ничего не может⁵⁹. Таким образом, основой политики и всей системы складывающихся на ее базе общественных отношений являются отношения в сфере *власти*, ибо государь или государство, чтобы управлять деятельностью людей, должны иметь власть, которая признается как их исключительное право теми, на кого эта власть распространяется, над кем она осуществляется, т. е. народными массами⁶⁰.

Человечество с самого начала своего становления складывалось и развивалось как организованное множество, как система (даже многие животные ведут стадный или стайный образ жизни, где есть своя иерархия), где функции управления, «командо-

⁵⁹ «Управление народом при помощи народа, управление нации при помощи ее представителей – хорошие формулы... которые ничего не значат. Никогда не было народа, который бы управлял сам собой, и никогда не будет... Настоящая демократия – это что-то иное», – писал М. Дюверже.

⁶⁰ Толстой, А. К. Колокольчики мои / А. К. Толстой. – М.: Молодая гвардия, 1978. – С. 396:

*Известно, что без власти
Далеко не уйдешь.*

вания» возлагались или брали на себя патриархи, старейшины и иные авторитетные представители рода, к голосу которых все прислушивались и право которых решать, приказывать и т. п. признавалось всеми остальными членами общины, собратьями и соплеменниками. Таким образом, можно сказать, что наличие власти – это природно-общественная необходимость. Это патриархальная власть, формирующаяся по ходу самой жизнедеятельности человеческого коллектива. Дальнейший рост населения, повышение роли и выделения из рода отдельной семьи, развитие системы разделения труда, возникновение экономического неравенства семей, отделение семейной, а затем и возникновение частной собственности нарушают структуру родовых общественных отношений и сложившийся порядок в ходе жизнедеятельности. Возникает имущественное неравенство, неравенство в сфере разделения труда, особенно вторичного. Общество все более и более ощущает необходимость в специальном органе управления и контроля, которым и становится Совет старейшин. В свою очередь, все более возвышается, усиливается и укрепляется роль вождя, князя, конунга как отдельной личности, уже непосредственно не связанной родством, и тем более близким, с большинством семей и родов, объединившихся в племенную или иную крупную общественную организацию. Возникает и укрепляется авторитаризм, опирающийся на персональную власть, которая возлагает на себя ответственность перед общиной. Возникает институт власти, власти, отчужденной от непосредственных участников общежития, власти, которая возвышается над ними и которая создает обязательные правила для людей, кого-то наделяет особыми правами и полномочиями, на кого-то накладывает определенные обязанности, выносит запреты на определенные формы отношений и конкретного поведения. Эти правила, обязанности и запреты в какой-то своей части выражают волю правителя, но им должно подчиняться все остальное население. С объективной исторической необходимостью складываются предпосылки возникновения того, что позднее будет названо позитивным правом, хотя вначале оно существует в устных решениях и требованиях власть имущего по поводу выполнения подчиненными тех или иных предписаний общественного характера, и исполнители не получают права отказа от выполнения его волеизъявлений. Совет, просьба и т. п. приобретают форму приказа. Этот властвующий субъект может и не быть чьим-либо соплеменником, он может

быть «чужаком» по крови, с ним может быть заключен «договор» о его функциях, условиях деятельности и т. п., как это мы имеем, например, на Руси в факте приглашения Рюрика на княжение, и как на достаточно продолжительный период складываются отношения между князем и боярской властью в Новгородской республике. Его звали для выполнения определенных государственных функций, чтобы разрешить противоречия, о которых так просто писал еще А. К. Толстой: «Страна наша богата, порядка в ней лишь нет»⁶¹. Дальнейшее развитие страны под властью Рюриковичей может нам с успехом проиллюстрировать один из вариантов процесса возникновения власти и государства, а затем и позитивного права, начиная от Ярослава Мудрого и до утверждения единовластия или самодержавия при Иване III и особенно при его Грозном внуке. Общество в условиях самодержавия становится разделенным на государство (государя) с его властью и его подвластных, подданных, управляемых, т. е. народ, которому настоятельно внушается мысль о том, что у него есть самое главное право – быть подданным. Власть отчуждается от народа, становится самоцелью ее обладателя, а население превращается в объект власти, исполняющий волю властвующего царя-батюшки.

Основная функция возникшего института власти в целом заключается в организации системы общественных отношений, где сущностной задачей является самосохранение сложившегося общества как целостной системы, где общественное бытие выступает в роли самоцели, независимо от того, кем, в какой степени, на каком уровне и в каких формах оно осознается и осознается ли вообще. Бытие человеческих субъектов, как индивидуальное, так и коллективное, носит объективный характер, и осознание людьми и власть имущими этих закономерностей может привести к двояким результатам: к прогрессу и созиданию или к разрушению и гибели – «тому в истории мы тьму примеров слышим». Возникшая «власть» присваивает себе исключительные права: возможность нормотворчества; распределение прав и обязанностей; формирование государственного аппарата и «в себе», и «для себя», и «для других»; вершить судопроизводство со всеми его

⁶¹ Толстой, А. К. *Колокольчики мои / А. К. Толстой.* – М.: Молодая гвардия, 1978. – С. 388.

последствиями; опираясь на созданные правила как на средство, государство получает возможность, по существу, неограниченно вмешательство во все формы и виды человеческого общежития, самостоятельно определяя при этом пользу или вред последних и, соответственно, что-то запрещая или, наоборот, приветствуя, поддерживая, в конечном итоге, содействуя осуществлению всеобщего блага.

Государство «в себе» отрывается, отчуждается от тех, кем управляет, и начинает существовать для самого себя, для собственного самосохранения со всеми вытекающими для его представителей благами. По мере необходимости в определенные периоды времени оно вынуждено считаться с теми подданными, на которых и распространяется их власть, рассматривая нередко подданных как средство для существования государства как самого себя: «Солдат есть механизм, артикулом предусмотренный», – формула, характерная не только для эпохи царствования Павла I. Государство нередко отождествляется со страной в целом как некое «царство-государство». Власть в лице государя (государства) с самого начала своего существования устанавливает неравенство и неравноправие, учреждая, закрепляя его в сословной и антагонистически классовой организации общества. Само разделение общества на государя и подданных есть первое следствие учреждения и закрепления неравенства. Нынешние «льготы» для депутатов всех уровней и иных представителей госаппарата – современное следствие этой государственной «гордыни». Создав профессиональную военную организацию, власть, с одной стороны, опирается на нее, с другой – потакает ей, направляя ее деятельность как аппарата насилия по своему усмотрению. Неподчинения, несогласия с властью имущими уже со времен Ивана III становятся важнейшим видом преступления: попытки переворотов, покушения на власть, а точнее на особу государя, становятся государственной изменой и преследуются самым жесточайшим образом. Государство становится высшей и суверенной организацией власти, так же, как первой и последней инстанцией управления. Государь присваивает себе право (и это становится само собой разумеющимся) распоряжаться своими подданными по своему усмотрению. Он создает институт служения ему и отечеству. Государство или государь в его личностно-индивидуальном воплощении становится символом страны. В свое время даже простые ошибки или опущения в титуле государя

могли породить достаточно серьезные нежелательные (а иногда и для кого-то очень даже желательные) конфликты в отношениях между странами и правительствами. Вспомним Смутное время в России, Алексея Михайловича и его энергичного сына, Екатерину Великую в отношениях со Швецией, с Данией, Австрией, Польшей, когда делили Украину, а позднее – и саму Польшу. Государство (государь) берет на себя функции объявления войны и заключения мира, пытается, иногда и не без прямого вмешательства, организовать всю совокупность отношений между странами и государствами в наиболее выгодном для себя свете. Его величество, сиятельство или превосходительство, дипломат, посол, государственный чиновник, особенно повышенного ранга, перестают быть частными лицами. В своих действиях и речах они являются представителями страны и государя, и их деятельность и слова – суть выражение воли, позиции государства по тем или иным вопросам и проблемам межгосударственных отношений. В конечном итоге мы приходим к тому, что правительства сначала ведущих, а затем и практически всех стран мира создают международное право или систему правил, которым страны и их представители должны подчиняться как свою политику, так и собственное поведение. Конечно, эта система далеко не совершенна, она не запрещает дипломатам и политическим лидерам стран в дипломатично-вежливой форме беззастенчиво лгать друг другу, мило улыбаться, пытаясь обсуждать или разрешать какие-либо проблемы и недоразумения. Вспомним рассказ В. И. Ленина о его встрече с Мирбахом: мы мило беседовали, улыбались друг другу, пожимали руки, абсолютно сознавая при этом, что каждый из нас повесил бы своего визави на первом же фонаре. И тем не менее международное право и созданные на его базе международные организации являются существенными гарантами обеспечения стабильности и порядка в мировом пространстве.

Кроме указанных двух основных функций: обеспечения внутреннего порядка в стране и международного согласия в мире, государство (государь) возлагает на себя еще одну жизненно важную функцию, исключительное право: государь принимает на себя право вершить правосудие, государство становится единственной инстанцией, которой и от лица которой осуществляется вся полнота судопроизводства в стране. Все остальное преследуется и наказуется как самоуправство. Государство (иногда в лице его высшего представителя) получает право казнить или миловать, и весь судебный

механизм начинает действовать от его имени: «Бояре приговорили, а государь указал...», «Именем Российской Федерации...» Любые действия «самоуправства» объявляются преступными, отзвуком чего является, например, статья УК РФ об ответственности за так называемое превышение мер необходимой самообороны. Какой принцип здесь закладывается в основу? – трудно сказать, но фактически складывается впечатление, что государство более благоволит преступнику, нежели проявляет заботу о жертве преступления. То же самое вполне можно отнести и к отказу нынешнего «цивилизованного» государства от смертной казни, которую никак нельзя рассматривать как наказание, но лишь как способа избавления общества от зла и фактического, и потенциального. Утверждая такое предназначение казни, якобинцы в свое время, наверно, были существенно правы.

В наше время практически уже не действует сословное право в странах с так называемым демократическим режимом, провозгласившим одним из основополагающих своих принципов – принцип равноправия, и надо отдать должное, по сравнению с монархическими или тираническими режимами, с их принципами сословного деления общества нынешняя правовая система в чем-то качественно преуспела. Однако, как показывает практика, и в нашей стране в том числе, недалек от истины один из афоризмов Марка Твена, касающийся американской системы правосудия: если ты украл курицу, то тебя посадят в тюрьму, ежели ты украл железную дорогу, то тебя сделают сенатором. При нынешней системе власти в России мы имеем парламентаризм в составе «думных дьяков»-депутатов, достаточно продуктивно решающих свои собственные и прежде всего экономические, имущественные и иные проблемы, использующих свое политическое и правовое положение в самых благоприятных для себя направлениях. Посты депутата, губернатора, мэра и т. п. «обеспечены» нынешним законодательством в такой степени, что дают нам полное право говорить языком марксизма о слиянии экономики и политики и о господстве финансовой олигархии, сиречь об империализме⁶².

⁶² *Народное и авторское сатирическое «злословие»: «Мы готовим будущее нашим детям, имена которых мы вполне даже можем назвать». См. также работы В. И. Ленина об империализме: они вовсе не настолько «устарели», как об этом ныне принято говорить.*

Таким образом, в конечном счете речь идет о том, что господствующая система права во всем мире, и тем более у нас в России, более чем далека от совершенства, а разговоры о «гражданском обществе»⁶³, о «правовом государстве» – это такая же нынешняя идеология, как и в свое время хрущевская идея о коммунизме через двадцать лет, брежневская идея «развитого социализма» во времена застоя или ельцинские «500 дней» после горбачевской перестройки, по прошествии которых должно было наступить всеобщее частнособственническое благоденствие. Пришлось, правда случайно, услышать как-то из выступления по телевизору мнение кого-то из членов московского правительства о том, что партия Единая Россия – это партия нового *социализма*. Будет ли когда-нибудь время, когда политическая система откажется от хотя бы открытой демагогии?

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Религия – один из самых древнейших способов отражения человеком его природного и общественного бытия. Еще Ф. Энгельс более чем справедливо выразил сущность религиозной жизни общества как фантастической формы отражения человеком окружающего мира, при котором земные силы принимают характер неземных, сверхъестественных⁶⁴. При этом мы должны напомнить, что религия не сводится только к сфере общественного сознания и тем более только к вере в существование Бога. Это фантастическое отражение (сознание) настолько активно влияет на реальные общественные отношения, на историческую жизнь человечества, что возникшие власть и государство не могли обойти этот институт своим вниманием и до сих пор не могут отказать ему в его активном участии в общественной, и далеко не только духовной, жизни общества.

Религия как целое складывается из нескольких основных составляющих: духовная – вера, теология, молитвы и т. п.; мате-

⁶³ См. напр., характеристику гражданского общества в условиях буржуазного государства у К. Маркса: *Критика гегелевской философии права* // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – Т. 1. – М., 1955. – С. 260–270.

⁶⁴ Маркс, К. Соч. – Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956. – С. 328.

риально-практическая – обряды, жертвоприношения, храмовая и монастырская архитектура; имущественно-экономическая – различные виды имущества, денежные средства, платные услуги, церковная десятина; нравственно-поведенческая, когда церковный канон выступает в роли церковного права, а служители культа – в роли судей – послушанья, епитимьи и иные наказания вплоть до отлучения от церкви. Все это относится и к служителям культа, и к монашествующим, и к простым мирянам как представителям той или иной общины. Можно отметить и то, что канонические и обрядовые требования (правила, права) церковного общения в той или иной части верующих функционируют с разной степенью «суровости» или «строгости». Таким образом, государство и церковь практически с самых первых дней своего существования стали обладателями двух форм власти: светской (гражданской) и церковной, и в обществе с разными степенями проявления функционируют два вида права (правил), исходящие из двух источников: государственное и церковно-каноническое. Высшей точкой господства последнего на Западе можно с уверенностью назвать господство «священной инквизиции»⁶⁵. Не углубляясь в далекую историю сосуществования этих двух властей, их правовых и общественных институтов, необходимо отметить, что представители и той и другой стороны с разным переменным успехом сосуществовали, сотрудничали и враждовали, но всегда поддерживали друг друга в необходимых, особо угрожающих для них случаях на протяжении всей известной нам человеческой истории. Они достаточно мирно взаимоуживаются и взаимодополняют друг друга и в наше время, хотя государство, отделив от себя церковь, и «отодвинуло» последнюю на «второе» после себя место и в политической, и в экономической, и в нравственно-правовой, и во всех иных видах и формах человеческой жизнедеятельности. Эту тенденцию мы можем ныне наблюдать даже в мусульманских странах. В целом же ситуация здесь такова, что государство, отделив от себя церковь, продолжает в случаях не-

⁶⁵ Как писал поэт: «Волхвы не боятся могучих владык...
Правдив и свободен их вещей язык,
И с волей небесною дружен...»

обходимости активно вмешиваться в религиозное бытие церковей и верующих, заставляя последних беспрекословно подчиняться своим государственно-правовым требованиям, соответствующим образом ограничивая возможности церкви вмешиваться в политико-правовую жизнь общества.

В истории развития отношений между религиозным и государственно-правовым бытием мы можем отметить и периоды господства теократических режимов, как в Древнем Израиле или в странах Арабского халифата, или господство Римского понтификата в период становления феодально-монархических режимов в Европе. И в России мы можем отметить попытки церкви возвыситься над государством и при митрополите Филиппе, попытавшемся «церковью раздавить» Ивана Грозного, и при Николе, попытавшемся стать государем, не только равным царю, но поставить церковную власть выше светской. В конечном итоге, слава Богу, все подобные попытки оказывались неудачными и оборачивались против своих организаторов. Церковь пыталась участвовать в заговорах против светских государей, влиять самыми различными методами на их политику и в Древнем Египте, и в средневековой Европе, а уж Арабский Восток – это типичный пример подобных отношений. Но все в итоге вставало на свои места, и богово оставалось в руках Всевышнего, а кесарево – в руках кесаря. В наше время в подавляющем большинстве стран церковь отделена от государства и выступает в роли института, который государство в качестве своего помощника использует при решении тех или иных нравственно-правовых или идеологических проблем. Анализируя отношения между церковью и государством на примере России, мы можем в результате констатировать, что Петр I вообще превратил церковь в государственное ведомство, упразднив патриаршество и обобрав ее имущественно. Церковь превратилась в государственное нравственно-духовное, идеологическое и политико-надзорное ведомство. Советская власть вернула церкви каноническую относительную самостоятельность, автономию в границах «общественной организации» со своим уставом, внутренними канонами и правилами, хотя в основах своей программы большевистская власть ставила задачу изживания религии вообще. Но если это и возможно, то в очень отдаленном будущем, когда религиозные мировоззрения и практика придут к самоотрицанию, подчиняясь диалектике проявления законов общественного развития.

Нынешний наш инновационный буржуазно-демократический режим, в том числе и в лице основной верхушки государственной власти, пытается оживить религиозную жизнь в стране. По существу, открыто изгнав, а если бы им позволил их «демократический дух», даже запретив коммунистическую идею, объявив и законодательно закрепив принцип того, что у нас нет (а хорошо это или плохо – это еще вопрос) государственной идеологии, нынешний политический режим пытается возлагать очень большие надежды на возрождение религиозной жизни, на подчеркивание нравственно-идеологической и нравственно-воспитательной роли церкви. Последняя действительно старается не упустить представившиеся возможности, не только насаждая православно-культурное образование, но и активно и в массовом порядке возвращая национализированное Советами прежде принадлежавшее ей имущество и даже обогащаясь дополнительно. Но сможет ли религиозная (фантастическая по самой своей сущности) идея заменить идею коммунистическую или ей подобную, а вера в приход царствия небесного заменить земную реальность!? Нынешняя церковь еще не стала эксплуататором в экономической сфере деятельности, в отличие от возрожденной буржуазии, но ее активный рост в экономической сфере говорит не только о духовных нравственно-благородных и добродетельных поползновениях, но и о стяжательских тенденциях, на которые церковь опиралась еще при монархическом режиме, вдохновляясь идеями и тенденциями «осифлянства». И, странное дело, на это идет, а в некоторых случаях напрямую «помогает» церкви денежными средствами, что говорит не в пользу фактического отделения церкви от государства. Религия и церковь как ее основной властно организующий институт показали исторически свою практическую живучесть и результативность. Религия и церковь, если верить Ветхому Завету, обусловили становление и развитие еврейского народа; христианство в значительной мере обусловило духовное и политическое становление Европы, Америки и даже Кавказа и России; мусульманство после смерти Мухаммеда обусловило становление и развитие всей Ближневосточной и Центральной Азии, а также массы нынешних островных государств. Только Дальний Восток и Индия оказались вне сферы активного влияния мировых религий, хотя мусульманская Индия в лице Пакистана и противопоставила себя основному населению и целостности территории древнейшей и Великой страны.

Современная, развивающаяся в какой-то степени на научных основах, государственность не может согласиться с претензиями религиозных кругов на первенствующее положение в сфере общественного бытия, так или иначе контролируя и ограничивая церковь даже в сфере идеологии, воспитания и тем более образования, за исключением некоторых мусульманских регионов. Но, с другой стороны, нужно отдать должное и «мировой» церкви, она на господствующее положение и не претендует, достаточно трезво представляя себе объективную невозможность господства на нынешнем, далеко не средневековом уровне. Скорее, государства вполне целенаправленно и обоснованно сохраняют определенное влияние религиозных институтов, удерживая деятельность последних в границах светских политических и правовых институтов. «Власть и управление судей» остались на страницах библейского «Второзакония» и коранического шариата. Историческое развитие отношений между церковью и государством в западном мире и в России существенно различается, что можно подтвердить, приведя только один лишь пример: в Западной Европе Римская церковь на протяжении нескольких столетий определяла пути формирования политических режимов и феодальных отношений, которые в итоге сложились в странах Западной Европы с их системой вассалитета, прав и полномочий королевской власти и т. п. На Руси христианство, наоборот, пришло по воле светской власти целенаправленно и организовано, и поэтому начиная с самого X столетия церковь находилась под пристальным вниманием и контролем со стороны великокняжеской, а затем и царской власти. Если папа римский не единожды определял судьбы французских, итальянских и иных монархов и даже великих римских императоров, то на Руси, наоборот, князья и цари определяли судьбы митрополитов и патриархов, не говоря уже о иных представителях духовенства. На Руси церковь всегда выступала в двойственной роли: с одной стороны, активного противника феодальной раздробленности и удельных распри и междоусобиц между князьями, открыто критикуя и даже осуждая многие стороны политической жизни страны; с другой стороны, она выступала в роли твердой опоры и всестороннего помощника и проводника идеи самодержавия и полной централизации политической власти в Московском государстве в руках великокняжеского, а затем и царского режима. В отличие от Древнего Египта, католичества Западной Европы, мусульманства Ближнего Вос-

тока православная церковь, и Русская в частности, практически никогда не участвовала в заговорах против царской власти или покушениях на жизнь монархов, и тем более не участвовала в таких акциях практически. Вспомним, например, судьбы Эхнатона и Рамсеса, Улукбека или Генриха четвертого. Она, в сущности, не скрывала своего осуждения в отношении убийства и Петра III и его неуравновешенного сына. Даже при мало скрываемом желании смерти и Ивана Грозного или Петра I, церковь нельзя обвинить в том, что она запятнала себя кровью, пролитой цареубийцами. Русская Православная церковь всегда трепетно относилась к четвертой заповеди Христа о божественности любой государственной власти.

Однако обратимся к современности. Нынешний буржуазно-демократический режим, уничтожив систему коммунистической идеологии, разрушив всю систему сложившегося коммунистического воспитания, объявив официально об отсутствии какой-либо государственной идеологии⁶⁶ и цензуры, потеряв, таким образом, многие неправомерные методы и способы воздействия на общественное нравственное и идейное бытие, пытается опереться на религиозные организации, заменить религиозными верованиями коммунистическую идею, а церковными обрядами и праздниками – разрушенное пионерское и комсомольское движение. Нынешний режим принял новое законодательство в отношении функционирования религии и ее организаций (можно подумать, что советское никуда не годилось). Особенно это заметно в экономических отношениях с церковью. Вместо того чтобы просто расширить возможности пользования церковью ранее национализированным имуществом и недвижимостью, вмененное «сверху» право частной собственности уже до того развязало стяжательские аппетиты «святых отцов», что они мечтают вернуть церковную собственность в границах до 1917 г. Все идет к тому, что после «ухода в мир иной» старшего и среднего поколений последующие вполне наглядно обретут в образе церкви нового «святого, а точнее, святотатствующего, коллективного буржуа» с эксплуататорскими наклонностями и с целями извлечения доходов и прибылей как типичного представителя частнособственниче-

⁶⁶ См.: Конституция Российской Федерации. – Ст. 13.

ских, а значит, антагонистических классовых производственных отношений, что фактически мы имеем, например, в католических странах, где церковь является активнейшим участником и собственником производственного и банковского капитала, хотя и открыто осуждает ростовщичество.

Право выступает в качестве средства, используемого государством в качестве инструмента для регуляции отношений как между церковью и государством, так и между отдельными гражданами и церковью, верующими гражданами и государством, между самими гражданами как внутри конфессий, так и между конфессиями и даже в международных связях самого различного характера. Нынешнее необуржуазное российское государство встало на позиции активного возрождения и обновления религиозной жизни в стране, открытой поддержки существующих религиозных течений и церквей, включая даже религиозное сектантство, как местное, так и импортированное из заграницы⁶⁷. Если советское социалистическое государство играло с церковью как кошка с мышкой, то в нынешних условиях церковь воскресла, выпрямилась и представляет достаточно существенный общественный институт, активно функционирующий не только в нравственной или религиозно-воспитательной сфере, но и в экономической и даже в политической жизни страны, хотя открыто вроде бы и не участвует в государственно-политической сфере общественных отношений⁶⁸.

Государство активно возвращает церкви ее имущество, ее собственность, которой она владела сто лет назад. В этом можно усмотреть и некоторый скрытый смысл. С одной стороны, госу-

⁶⁷ В период Великой буржуазной революции во Франции революционная буржуазия тоже попыталась отвергнуть как ложные религиозные ценности и отречься от церкви, но классовое благоразумие очень скоро к ней вернулось: равенства и братства явно не получилось, а классовое господство и эксплуатацию кто-то должен был освящать – эта роль и принадлежит церкви с ее религиозным мировоззрением.

⁶⁸ См., напр., тематическую подборку статей «Государство и религия» в журнале «Философия права». – 2009. – № 5. Не со всеми авторскими рассуждениями и выводами можно согласиться, но в нынешних условиях само обсуждение взаимоотношений церкви и государства более чем актуально и вызывает заметный интерес.

дарство поощряет самую активную деятельность религиозных организаций и общин, государство укрепляет социальное, экономическое и политическое положение церкви в стране. Негласно, а впрочем, и не скрывая этого, государство активно попустительствует попыткам церкви, особенно православной, усилить любыми мерами свое влияние на систему образования в стране и на процесс воспитания подрастающего поколения⁶⁹. Хотя вряд ли церковь сможет восполнить тот вклад и сыграть ту роль, которую в свое время сыграли пионерские и комсомольские организации. С другой стороны, государство не может взамен отвергнутой коммунистической идеи предложить равновеликий нравственный общественный идеал, оно, как было отмечено выше, отказалось от какой-либо официальной идеологии. Государство бессильно в нынешних условиях в отношении сохранения и содержания в нормальном состоянии громадного наследия исторических национальных ценностей. А в лице церкви государство надеется найти такого хранителя и содержателя, который взвалит на свои плечи значительную массу затрат в этом отношении. При этом государство хочет сохранить за собой роль некоего контролера, ревизора, надеясь удержать церковь в строгих границах⁷⁰. Оно забывает историю развития церкви, как в свое время М. С. Горбачев и его окружение не вспомнили, а зря, о практике НЭПа, начиная «перестройку» в СССР. Аппетиты церкви беспредельны, и все начинается с того пальца, проглотив который затем незаметно заглатывают и всю руку⁷¹. Государство вернуло институт частной собственности, позволило частным банкам бессовестно

⁶⁹ См., напр., материалы дебатов и результатов по поводу введения курса православной культуры в программы школьного обучения.

⁷⁰ См. закондательство о религиозных культах, «свободе совести и религиозных объединениях».

⁷¹ В наше время реставрации религии в стране мы можем четко наблюдать и констатировать, как в условиях становления и возрождения «осифлянства» попы все более превращаются в мирян, в то время как они (попы) всеми силами пытаются превратить мирян в попов. См. об этом: Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Соч. – Т. 1 / К. Маркс. – М., 1955. – С. 422. Аналогичную картину отмечает К. Маркс как характерную для развития Европы еще 200 лет назад.

обогащаться, отменило монополию внешней торговли, санкционировало вывоз капитала за границу и теперь надеется, что церковь поможет ему справиться с развращающими тенденциями нынешнего буржуазного режима. Наше государство возлагает какие-то фантастические надежды на религию и церковь в самом широком спектре ее деятельности, ибо само ничего позитивного предложить не может. Но никакая вера в Бога, никакие упования на божью милость никогда не заменят энтузиазма первых советских пятилеток.

Отсутствие идеала, общей идеи породило упование на религию. Но реставрация идеологии «поповщины», как называл ее В. И. Ленин, чревата очень многими отрицательными тенденциями, о которых мы, как правило, не думаем, а когда спохватываемся – бывает уже слишком поздно⁷².

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Предчеловечество, а затем и человечество, начав трудиться, само определило свой способ жизнедеятельности, как объективно обусловленный, как основу своего бытия. Материальное производство стало такой основой (базисом в марксизме), а производственные отношения наряду с производительными силами во всей их совокупности как диалектические противоположности породили массу противоречий, выступивших в качестве движущих сил общественного развития (бытия). Начав трудиться, человек породил основное противоречие особого характера, которого не может быть без человека – это противоречие между самим человеком (человечеством) как двойственным (природно-общественным) существом и внешней природой (как живой, так и неживой), элементы которой человек сознательно преобразует в процессе труда, превращая последние в необходимые для себя продукты жизнедеятельности.

С одной стороны, начав производить необходимые для него предметы, человек совершил революцию в природе, так как по-

⁷² См, напр.: Овчарова, А. И. *Православная политика или политическое православие* / А. И. Овчарова // *Философия права*. – 2009. – № 5. – С. 100–107.

строил свою деятельность на использовании законов природы в свою пользу, он своеобразно «нарушил», а точнее «перенаправил», действие закона сохранения в свою пользу. Это выражается в том, что человек-производитель как тысячи лет назад, так и в наше время стремится взять, получить от природы продукта как можно больше, а собственного труда при этом затратить как можно меньше. Разрешение этого противоречия началось с производства и улучшения орудий труда, затем вылилось в использование сил прирученных животных в качестве тягловой и т. п. силы, в дальнейшем – в использование природных стихий: воды, ветра и т. п. Человек заставил работать эти силы на себя, присваивая себе результаты действия этих сил в виде полученных продуктов, которые природе вообще не нужны. Человек стал «паразитировать» на закономерностях существования природы, нанеся ей в конечном итоге уже довольно-таки существенный для нее ущерб, который практически во всех регионах и на всех уровнях отмечают представители природоохранных ведомств и учреждений.

С другой стороны, речь идет о том, что в производительном процессе участвует все человечество, иначе говоря, производство носит общественный, объективно исторический характер, породив тем самым массу собственных особых форм диалектических противоречий. В процессе приведения производительных сил в движение человечество породило противоречия, нашедшие отражение в институте собственности, особенно перейдя от господства общественной собственности к частной форме собственности на средства производства. Господство частной собственности привело с необходимостью к антагонистическим противоречиям в сфере самого труда, разделив общество на хозяев и неимущих, господ и трудящихся. Первые, выступая в роли работодателя, получили возможность эксплуатировать вторых, выступающих в роли непосредственной силы, приводящей в движение чужие средства производства. Частная собственность породила противоречия и в сфере распределения произведенного продукта. Произошло то, о чем мы выше говорили по отношению к природе: человек-производитель получает минимум, а хозяин-эксплуататор – максимум произведенного продукта. Прибыль одному лицу – хозяину, производится не им самим, а эксплуатируемыми и используемыми как рабочая сила трудящимися. Частная собственность породила новые формы неравенства между людьми, породила классы и соответствующие их бытию противоречия в обществе. Возникшая

власть, которая слилась с частной собственностью, породила государство как особый механизм общественного управления, а последнее создало позитивное право, которое, как совокупность правил, должны соблюдать все члены общества, на которых в форме обязанностей и запретов они и распространяются. Власть и частнособственническая экономика слились в то единое, что В. И. Ленин справедливо называл господством финансово-промышленной олигархии периода империализма.

Сложившиеся обычаи, а затем и искусственно созданное позитивное право «вторглись» в экономические общественные отношения, закрепив классово-антагонистическую структуру общества. Опираясь на власть и право, господствующие классы постарались и всеми силами стараются и в наше время доказывать «простым смертным», что это справедливо, что так оно и должно быть. Политические, религиозные, научно-философские, во главе с младокантианцами и младогегельянцами, а затем и теоретико-правовые деятели со своими учениями вполне успешно помогают отдельному человеку-собственнику эксплуатировать другого человека-несобственника, объявив собственность на средства производства воплощением самой справедливости, естественным правом человека, идущим чуть ли не от воли самого творца. И люди в эту естественность и святость частной собственности искренне уверовали, как христиане искренне уверовали в то, что они суть *рабы* божьи. «Святость», неотъемлемость «естественного» права частной собственности буржуазия, пришедшая к власти, поспешила закрепить и в международном понимании, в «Декларации прав человека» и иных правовых документах. И самое удивительное состоит в том, что люди продолжают верить в справедливость этого, навязанного им буржуазного бреда как основу демократии. Провозглашенное и закрепленное «священное» право частной собственности вообще не устанавливает различий между объектами этой самой собственности, оно, естественно, не усматривает различий и между видами собственности: индивидуальной, частной, групповой, общественной или государственной. Собственность на личную вещь, на жилье, на уникальный исторически значимый предмет искусства, на землю и средства производства – все едино, но при этом мы почему-то забываем, что, опираясь на это «божественно-естественное» право, эти собственники не так давно устанавливали ее и на человека – раба, крепостного и т. п. Давно ли американцы отказались от идеи спра-

ведливости черного рабства, и можно быть уверенным, далеко не все, несмотря на то, что даже слово «негр» стало рассматриваться как оскорбительное и заменено афроамериканцем. Ибо в условиях частной собственности человек – это живое средство производства, или «механизм, артикулом предусмотренный». Опираясь на это провозглашенное право, один человек узаконил свое право собственности на другого человека – это недавнее прошлое и как прошлое – далеко не везде в мире. Изменились формы эксплуатации, но последняя осталась в неприкосновенности: «Вместо цепей крепостных, люди придумали много иных». В иных формах, под эгидой демократических лозунгов и всеобщих прав человека, эксплуатация продолжается – и производственно-экономическая, и финансовая, и политическая, и даже религиозная, организуемая от имени Бога самыми разными сектантскими адептами с их инновационными методами.

Возникшее позитивное право позволило относительно безнаказанно «сильным мира сего» сделаться крупными земельными собственниками, ограбив основное население, проживающее на этих территориях. Заново воссозданное, обновленное буржуазное право позволило присвоить и перераспределить общенациональную собственность СССР в период ваучерной «приватизации» и сформировать тенденции ее развития в различных формах перераспределения и накопления и, наконец, правового закрепления. Право собственности позволило собственнику превратить несобственника в дешевую рабочую силу, производящую как основную, так и прибавочный продукт. Сначала захваченный в плен, иноплеменник, чужак, враг должен был радоваться тому, что ему сохранили жизнь, превратив в раба как говорящее орудие, сохранив даже надежду на возможное обретение свободы. Затем это же право позволило соплеменника превратить в долгового раба, в холопа и т. п. И ныне стоящие у власти собственники сделали все возможное, чтобы обеспечить себе это право эксплуатации человека и последующего на этой основе обогащения. Собственники и объединившаяся с ними церковь всеми мерами убеждали и убеждают несобственников в справедливости данного института, а закрепление как тяжкого греха пожелать себе чьего-то раба, вола и т. п. божественным именем освятило этот институт. Государство собственников присвоило затем себе право защищать собственников и наказывать трудящихся, если те проявляли недовольство в отношении своего эксплуататорского состояния. Рас-

права с восставшими ткачами, с луддитами, забастовщиками, с профсоюзными и иными организациями и их лидерами... список можно продолжить. В сущности экономическая категория «собственность» в системе позитивного права сделалась юридической, она обросла и соответствующими составляющими: владением, пользованием, распоряжением. Опираясь на право, власть, религию, идеологию, власть имущие активно продолжают и в наше время убеждать нас в том, что это все естественно, что так оно и должно быть. Государство, опираясь на творимое им право, юридически закрепило правовое и политическое неравенство классов в сословной организации общества, предоставив максимум прав «высшим» классам и сословиям и максимум обязанностей возложив на классы трудящихся. Это состояние «разделения собственности и труда» как основу нашего общественного бытия и закрепила наша Конституция «нового социализма».

Позитивное право, творимое государством (а в наше время и в России), сделало законным получение нетрудовых доходов (бизнес называется), узаконило паразитизм класса собственников, особенно в сфере финансового капитала. Новое, по существу буржуазное, или, если угодно, буржуазно-демократическое государство вторглось в экономическое пространство страны, базируясь на понятии частной собственности как естественном праве и панацее от всех «застойных» бед эпохи развитого социализма. Именно принятие закона о частной собственности на средства производства, землю и т. д. позволило нашему инновационному государству раздать в руки частных лиц, присвоить и «разбазарить» половину общенародного экономического достояния страны. Каким шагом назад было включение этого права в Конституцию России, покажет будущее, и можно надеяться, не самое отдаленное, которое в конечном итоге закономерно изживет это позорящее человечество право. Позитивное небуржуазное право не только разделило общество на антагонистические классы: собственников-работодателей и несобственников-трудящихся, но и узаконило банковское ростовщичество как форму самой безнравственной эксплуатации и наживы, осуждаемой даже в Священном писании в продолжение не одной тысячи лет. Государство, опираясь на право, установило монополию на систему налоговых отношений, но, однако, ежегодно не добывает солидную долю этих самых налогов, оставляя прибыли и сверхприбыли новым

«хозяевам» страны. Оно практически предпочитает не вмешиваться в сферу труда и потребления, отпустив в распоряжение анархичной свободы процесс оплаты труда, политику цен, а значит, и инфляцию, и как необходимое следствие – реальное положение покупательской способности и прожиточного минимума населения. В целом при советской власти население, наверное, жило беднее, но у советского государства хватало денег и на всеобщее бесплатное медицинское обслуживание населения, и на всеобщее бесплатное образование и науку, на содержание телевидения и радио без насилия со стороны всеобщего рекламного зомбирования населения. Без какого бы то ни было участия в ЕС, в ВТО, без сближения и сотрудничества с блоком НАТО стране хватало средств и на развитие ВПК, и на бесплатное для населения жилищное строительство, и на многое и многое другое. Наше государство якобы обеспечивает реализацию законодательства о труде, что на практике выливается в колоссальный приток рабочей силы из заграницы. А нарушений со стороны хозяев и работодателей в сфере эксплуатации труда более чем достаточно, так что нарушения в этой сфере, известные статистике, можно отнести к подводной части айсберга. Государство со своим буржуазным правом и особенно с фантастической идеей развития так называемого «среднего класса» выступает в роли самого надежного гаранта в сфере превращения собственников в неограниченных экономических тиранов, а своими финансовыми вливаниями основательно способствует укреплению господства финансовой олигархии. Разговор в этом отношении можно продолжить и в сфере вывоза капитала, и в сфере международной торговли, которую отдали на откуп частному капиталу. Завершая данный раздел, уместно привести еще одну цитату из творчества Дж. Неру: «Человек, несмотря на прогресс, которым он хвастает, все еще неприятное и эгоистичное животное»⁷³.

⁷³ См.: Неру, Дж. *Взгляд на всемирную историю* / Дж. Неру. – М., 1975. – Т. 2. – С. 283. А также: Жуков, В. Н. *Философия права (теоретико-методологический аспект)* / В. Н. Жуков // *Государство и право*. – 2009. – № 3. – С. 25.

ПРАВО И СЕМЬЯ

«Вторжение» государства в семейные отношения со своими нормативными предписаниями – это не прихоть властвующего государя или его аппарата, а объективная необходимость, определившаяся в результате развития общества как целого и института семьи как биологической и общественно-структурной ячейки общественной действительности. Семья – это единственная исторически сохранившаяся генетически наследственная ячейка общественного, природно-коллективного человеческого существования. Еще 150 лет назад Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» попытался обосновать иной принцип участия семьи в будущем развитии человечества. Он явно фантазировал в этом отношении, утверждая идею о том, что в будущем коммунистическом обществе общество, государство освободит родителей от воспитательных и образовательных функций по отношению к своим детям. Роль родителей сведется только к самому акту биологической функции зачатия и рождения младенца на свет. Но уже в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» этот основоположник марксизма отказался от этой мысли. Наоборот, он остановился на характеристике семьи как основной, первичной, самой значимой ячейки человеческого общества, подчеркнув всестороннее значение института семьи для человечества и в биологическом, и в социально-историческом, и в производственно-экономическом и нравственно-правовом отношениях. Семья – не просто межполовой союз разнополых человеческих особей. Семья – это способ воспроизводства человека, человечества, так как в ее существовании задействованы не только так называемые социальные потребности, но в первую очередь – наследственные или воспроизводительно-биологические. Последние представляют совокупность двух необходимых и нераздельных функций: во-первых, рождения и вскармливания, материального содержания и доведения ребенка до состояния, когда он сам себя сможет прокормить и самосохранить, говоря юридически – до совершеннолетия. И во-вторых, образовать и воспитать человека, ввести его в общество как члена, равноправного другим, сделать его общественным человеком. Для человека этот период самый продолжительный по сравнению со всеми иными живыми существами. Человек по самой его природе – существо коллективное: семейное, родовое, а уж затем племенное, национальное. Люди достаточно рано осознали необходимость

своего общественного бытия, поэтому и семейно-брачные отношения попали под контроль общества, создав совокупность обычаев, правил, обязанностей, разрешений, запретов, которые должны соблюдать люди по отношению друг к другу. Здесь и обряды инициации, и раздельное воспитание разнополых детей, здесь и запреты инцеста и близкородственных брачных связей, здесь и соответственные брачные обычаи и ритуалы⁷⁴. Еще в первобытных условиях складываются родовые, т. е. кровнородственные отношения, при которых члены общины прослеживают свое происхождение от начального предка: «Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...» Кровное родство с его степенями стало определяющим сначала в общеродовых, а затем и в семейных связях и отношениях.

Вторжение права в регулирование семейных отношений обусловлено в основном развитием экономической сферы человеческой жизнедеятельности. С ростом населения, усложнением и опосредованием родственных связей, развитием разделения труда семья становится все более и более самостоятельным подразделением в структуре общества. Возникновение и развитие семейной, групповой и частной собственности возлагает на семью всю совокупность функций по ее самосохранению и саморазвитию в процессе воспроизводства населения. Исходя из того, что основным производителем, добытчиком материальных благ является мужчина, собственность на средства производства и иные материальные ценности закрепляется за мужчиной как производителем, добытчиком, хранителем и т. д. Право собственности начинает функционировать и передаваться по мужской линии. Семейная собственность закрепляется за мужчиной как за семьеобразующим началом и центром, за главой семьи. Невестку принимают в семью по линии сына, невесту-дочь отдают на сторону «во чужу деревню». За дочерью дают приданое, а то и наоборот, как по мусульманскому праву, за невесту берут выкуп со стороны

⁷⁴ *Католическая церковь в период средневековья даже запрещала половые связи между супругами, считая их греховными, если они не имели целью зачатия и рождения ребенка, равно и после обнаружения беременности супруги сексуальные отношения между ею и мужем должны были быть прекращены.*

жениха. Брак становится актом купли-продажи, актом выгодной сделки не только на семейном уровне, но даже и на международном – династические браки – это продолжение дипломатии. Права собственности и наследования закрепляются за мужчиной. В некоторых странах это вообще приводит к системе майората: имение не должно делиться и распадаться, поэтому право наследования закрепляется за первенцем, старшим сыном.

Развитие семейных отношений идет по пути укрепления власти мужчины, главы семьи, а затем это неравенство закрепляется и в нормах права, и в предписаниях религиозной жизни, для России, например, в основах «Домостроя». Здесь право вторгается и в область интимных отношений, значительное внимание уделяется целомудренности невесты, преследованию супружеской неверности, особенно для женщин⁷⁵. Относительная половая свобода в добрачных отношениях переходит в полный запрет в условиях супружества, причем супружеская неверность женщин преследуется более жестоко, чем мужская. Основной причиной этой строгости выступает опять же экономическая сторона. Главе семьи – мужчине, становится далеко небезразлично, кому он передает свое наследство: своему сыну или сыну своей жены⁷⁶. Буржуазное право пришло к мысли о том, что брак – это сделка и ввело брачный контракт, где оговариваются права и обязанности сторон-супругов и в отношении имущества, детей и ответственности в случае измены и расторжения брака, а нередко даже и в упрядочении интимных отношений⁷⁷. Государство при помощи права регулирует не только процесс образования семьи, но и отношения между ее членами и участниками. Оно устанавливает неравенство между братьями и сестрами, между «законными» детьми и «бастардами», даже если после рождения ребенка супруги вступили в брак. Церковь и государство «узаконивают» семейно-брачные отношения. Свободное сожителство мужчины и

⁷⁵ Вспомним, напр., рассказ М. Горького «Вывод» с его жестокостью и злорадством.

⁷⁶ См., напр., рассуждения гр. Альмавивы у Бомарше: *Преступная мать*. Избр. произведения. – М., 1954. – С. 495.

⁷⁷ Напр., римское право значительно ограничивало, подавляло свободу женщины, а детей объявляло собственностью мужа-отца.

женщины даже в продолжение всей их жизни не приравнивается к браку по закону со всеми вытекающими отсюда последствиями имущественного, наследственного и иного характера. В плане имущественных прав, в условиях распада союза бывшие «супруги» теряют все права и обязанности по отношению друг к другу и детям. Внебрачные дети не могут носить фамилию отца или матери: вспомним судьбу А. Герцена, графа Бобринского, княжны Тараконовой и др. Институт брака освящался церковью, регулировался со стороны церкви и общественного мнения. С возникновением классов, сословий и иных видов неравенства брак становится объектом государственного «надзора». «Мезальянс», как правило, не приветствуется ни государством, ни обществом. Женитьба графа Шереметьева на Жемчужовой – одно из немногих приятных исключений. Марту Скавронскую – Екатерину I с немалой долей даже презрения принимали как жену Петра I в зарубежных королевских дворах, и, надо отдать ей должное, она и сама это прекрасно понимала. Вопрос относительно супружества Елизаветы (она – незаконнорожденная) и кого-либо из Бурбонов во Франции даже не обсуждался, когда такое предложение последовало от Российского Двора. Ее даже как императрицу признали в Европе лишь потому и тогда, когда Румянцев подкрепил ее положение внушительными победами над турками.

Прошли времена, изменились отношения между классами, перестали, по крайней мере формально, действовать институты сословий и специальных титулов, но при всем при том семейные отношения не перестали быть объектом государственной «опеки». Свободное сожителство мужчины и женщины, особенно при отсутствии детей, стало абсолютно частным делом самих участников. Но семья – ячейка общества, одна из первичных и, в сущности, вечных форм формирования общественного бытия, поэтому с необходимостью она становится объектом нормативно-правового вмешательства. Даже в условиях семейной жизни право многих стран защищает половую неприкосновенность женщины, охраняет физическое здоровье сторон от возможного «посягательства», насилия и т. п., охраняет детей от физического и иного воздействия даже родителей, несмотря на возможные мотивы и цели воспитательного характера, хотя, наверное, во многих случаях это вмешательство государственных и общественных органов и организаций неоправданно преувеличено. Семья – экономическая ячейка общества, поэтому государство, опираясь на

позитивное право, охраняет равноправие супругов в отношении нажитого имущества, в случае расторжения союза взыскивает средства на содержание детей или нетрудоспособного супруга, а нередко – и даже уже «бывшего».

Для нынешней эпохи очень существенным и действительно необходимым, но часто далеко недостаточным является вмешательство государства в воспитательный процесс детей в семье и в школе. В этом направлении можно отметить некоторые противоречия, в том числе и правового характера. С одной стороны, государство при помощи права пытается взять детей под опеку, защищая их «права человека», приравнивая их к взрослому, уравнивая их с родителями, особенно в случаях применения к детям тех или иных наказаний со стороны родителей, в основном физических или приравненных к ним, запрещая последние и т. п. С другой стороны, то же государство предъявляет претензии к родителям и педагогам: а почему у вас дети непослушные, избалованные, грубые и т. п. А что делать, если этот «претензент» за то, что я дам затрещину его непослушному чаду – уволит меня с работы; если я выпорю сына, и тем более дочь, он меня накажет даже в уголовном порядке, пытаясь «объяснить» мне таким способом, что принятые мною меры калечат детей нравственно, физически, психически, что я не имею на эти действия никакого права и т. д. и т. п. Учитель довольно часто просто не может держать в классе необходимую дисциплину с современными, избалованными демократией детками. Когда ребенок обращается в суд по поводу того, что отец его выпорол за соответствующую провинность, и нередко родителя при этом наказывают; когда ученик жалуется на то, что учитель, доведенный до белого каления его хамством, схватил его крепенько за шкирку и выкинул из класса, странное дело, нередко наказывают учителя – это все в сущности абсолютно ненормально. Ребенок должен чувствовать и осознавать свое *фактическое неравенство* по отношению к любому взрослому, он должен осознавать свою зависимость от родителей во всех отношениях и принимать семейные ограничения его «свободы» как должное. Он должен принимать как аксиому, что за любые провинности он должен нести ответственность, претерпеть наказание как возмездие или кару, как расплату за причиненное зло (грех). В этом отношении и государство, как представляется, не совсем правильно понимает и нормообосновывает правовую безответственность несовершеннолетних. Дети и в 10 лет пре-

красно различают разницу между добром и злом, прекрасно и во всей полноте осознают разницу между законопослушанием и правонарушением, между тем, «что такое хорошо и что такое плохо», достаточно ясно представляют себе границы между греховностью и добродетелью. Многие дети прекрасно осознают, что в силу возрастных особенностей не будут наказаны и совершают преступления, граничащие с существенной общественной опасностью. Многие, будучи пойманными, уличенными и т. п., откровенно заявляют, что по достижении возраста ответственности – они «завяжут», но как часто это оказывается неправдой: остановиться они уже не могут, со всеми вытекающими отсюда последствиями подключения к этому процессу пенитенциарной системы. Детей нужно наказывать и очень строго, может, даже и физически, с необходимостью соблюдая только одно условие: наказание должно следовать за реальную провинность и соответствовать ее границам⁷⁸.

Государство по необходимости вмешивается в процесс распада семьи. Обеспечивая правовое равенство членов семьи, и прежде всего в экономическом направлении, пресекая различными мерами воздействия желание одной из сторон удовлетворения чувства мести, злорадства, причинения всякого рода неприятностей противной стороне и т. п., государство, с одной стороны, как правило, стремится сохранить семью; с другой, если это почему-либо невозможно, специальные требования оно должно предъявлять к расстающимся сторонам, особенно когда жертвами их «несовместимости» являются дети. В этом отношении наше законодательство, а тем более практика, оставляют желать много лучшего.

В особом положении находится институт усыновления, который, если ориентироваться хотя бы просто на средства массовой информации и на становящиеся таким образом известными факты, находится у нас в стране в достаточно запущенном состоянии.

⁷⁸ В нашем детстве середины двадцатого столетия все было проще. Если я где-то и в чем-то согрешил, а поймавший меня сосед выдал мне за это по соответствующему месту – это его действие воспринималось как норма, его нередко благодарили, а на мою жалобу на соседа отец только говаривал: «Пойди к дяде С. и скажи, чтобы еще добавил». – П. Ю.

Там царит произвол и самоуправство чиновников. То же самое необходимо отнести и к государственному попечительству в отношении детей-сирот и сирот при живых родителях.

В аналогичном положении находится проблема престарелых, как одиноких, так и, к сожалению, оставшихся при взрослых детях, не желающих заботиться о своих родителях, а то и прямо паразитирующих на их социальном обеспечении, которое и так слишком далеко от совершенства и реального благополучия.

Настоятельно нуждаются не просто в нормативном обеспечении, но и в реальном вмешательстве со стороны государства отношения между враждующими родителями и наследниками: практика фиктивных брачных контрактов, когда юная, но озабоченная собственной наглостью красотка ищет себе мужа преклонного возраста, надеясь после скорой его кончины прибрать к рукам наследство и таким образом материально обеспечить себя на достаточный промежуток времени. Или когда красавчик альфонс паразитирует на скужающей достаточно состоятельной, но далеко не первой свежести особе. Как однажды достаточно остроумно высказался в адрес семьи П. Л. Капица в одном из интервью по телевидению: «Человеческая семья – это зоопарк, а не племенная организация».

Таким образом, семья – это, в сущности, первейшая не просто общественная, но коллективно-образующая и определяющая ячейка общества, которая обеспечивает историческое развитие человечества не один десяток тысячелетий. И можно быть уверенным, даже вопреки некоторым наметившимся достаточно отрицательным тенденциям в нашей стране в связи с сексуальной «революцией», что семья останется, если и не навсегда, то бесконечно долго основным способом человеческого самовоспроизводства, основной формой человеческого самосохранения. Поэтому если государство допустит распад семьи, выпустит этот институт из-под контроля, то вслед за семьей и оно само очень быстро может оказаться ненужным.

НРАВСТВЕННОСТЬ И ПРАВО

Нравственность и право еще с античных времен рассматривались философами с двух точек зрения. Одна заключалась в том, что это якобы две стороны одной монеты: два вида, два способа регуляции человеческого поведения в сфере межличностных и межгрупповых общественных отношений. Другая точка зрения, наоборот, склоняется к противопоставлению нравственности и права как двух противоположностей в их самостоятельной сущности. Эти два представления о соотношении нравственности и права как в практическом, так и в теоретическом плане, в сущности, сохранились и в наше время⁷⁹. Однако, представляется, нельзя ни противопоставлять право и нравственность как взаимопровергающие, антагонистические противоположности, ни, тем более, отождествлять эти понятия. Скорее можно согласиться с тем, что свое начало право получило от нравственности в форме обычного права, табу и т. п., но с развитием производства, частной собственности и государства обрело свою самостоятельность и общественно-классовую направленность. Необходимо несколько более подробно остановиться на том, в чем нравственность и право схожи, отражая поведенческие стороны общественного развития, а в чем, наоборот, состоит их различие, несовместимость, но не доходящая до взаимоотрицания.

В первом приближении сходство между нравственностью и правом можно свести к тому, что:

1. Нравственность и право предстают перед нами, в их сущности, как способы организации человеческого общежития или как совокупность разной степени строгости правил общественного поведения, вырабатываемых человечеством на всем продол-

⁷⁹ *Напр., С. С. Алексеев как последователь И. Канта противопоставляет нравственность и право, подчеркивая их самостоятельность, противоположность и даже несовместимость. В. С. Нерсесянц, вслед за Г. В. Ф. Гегелем, наоборот, отстаивает не только совместимость, но чуть ли не тождественность нравственности и права, которое в его представлении не может не быть нравственным по самой его природе.*

жении его исторического существования. У разных народов и в разные эпохи эти правила имели, равно как имеют и сейчас, в своем содержании как общие или сходные элементы, так и свои исторически сложившиеся, сугубо национальные, религиозные, классовые и иные особенности и отличия.

2. Нравственность и право в своей структурности составляют единство двух начал: практического, т. е. реального поведения, конкретных поступков, в результате которых люди материализуют сложившиеся между ними отношения; и «духовного», т. е. чувственной и рациональной сторон, составляющих содержание нравственного и правового сознания, которое проявляется как на различных уровнях – обыденно-психическом и идейно-теоретическом, так и во всей совокупности конкретных форм и видов, в которых только и возможно его существование в наших головах.

3. Нарушение нравственных и правовых норм, пренебрежение ими и т. п. осуждаются и преследуются как обществом в целом, так и отдельными его структурными подразделениями: классами, сословиями, кастами и др. Эти нарушения не только осуждаемы, но и, в той или иной мере, наказуемы. За нарушениями следуют санкции, цель которых в самом общем виде – заставить индивидов подчинять свое поведение этим правилам, выражающим мнение или волю если не всего общества, то как минимум подавляющего общественного большинства, что находит, в конечном итоге, отражение в институте ответственности.

4. Нарушение нравственных и правовых норм-правил несет в себе определенную общественную опасность и как угрозу единству и самосохранению общества как целостного коллективного организма, так и в форме реального общественного, группового или индивидуального ущерба, т. е. в виде определенных фактических ценностных потерь имущественного, физического или психического характера.

Отличительные особенности, которые позволяют говорить об определенной несовместимости между нравственностью и правом, можно, наверное, свести к следующим:

1. Нравственность сопровождает человечество всю историю его существования, ибо с необходимостью вытекает из самой общественной, коллективистской сущности человеческого бытия, так как эти снизу вырабатываемые правила способствуют самосохранению человечества и в его биологическом и социальном направлениях. Они несут в себе не разрушение,

а созидание, это последнее и является основным содержанием любой добродетели.

Право создается целенаправленно на этапе укрепления и сохранения возникшей классовой структуры общества, чтобы сохранять определенный общественный порядок, сущностью которого становится имущественное неравенство, противопоставление власти имущих и остального населения, порядок, основанный на власти и подчинении. Право создается правящей группировкой как совокупность специальных предписаний, регулирующих упорядоченность экономической, политической и религиозной жизни.

2. Нравственность в своем господстве опирается на силу общественного мнения, а вернее, на силу коллективного одобрения или осуждения, а соответственно, и неприятия какой-либо формы поведения со стороны кого бы то ни было. За нравственностью скрывается не столько материальная, сколько религиозно-эмоциональная составляющая человеческой психики, которая нашла отражение в самом человеческом понятии – совесть, а затем прибавились и иные ценности, отражающие достоинства человека, как благородство в его сугубо личностном понимании чести.

Право опирается на силу закона как формального правила, установленного государством, что нашло отражение в понятии законности. Нарушитель подлежит наказанию не только за наступившие последствия своего деяния, но и за нарушение запрета или ограничения самих по себе или самой нормы. Право получило возможность существования, говоря гегелевским языком, самого в себе и самого для себя. Кто-то проехал на красный свет, кто-то перешел улицу в неустановленном месте – сами деяния наказуемы: инспектор имеет полное право взыскать штраф с нарушителя. А это может вести к тому, что в иудаизме, а затем и в европейском мировоззрении нашло отражение понятие фарисейства. Можно педантично соблюдать все правовые нормы и при этом не только слыть, но и быть Тартюфом, сиречь ханжой, подлецом и вообще безнравственным субъектом.

3. Нарушение нормы нравственности ведет к обиде, чувству униженности, оскорбленности и т. п., что вызывает общественное осуждение, отторжение со стороны обиженного и тех, кто с ним солидарен. Это приводило не так давно даже к дуэли, если было затронуто понятие чести. Виновник мог отказаться от сатисфакции, послать кого-то «подальше» и т. п. Ему грозило после

этого оказаться в изоляции, окружающие с чувством презрения, брезгливости станут к нему относиться как к трусу, человеку без чести. При соответствующей наглости и доли цинизма он может, что называется, наплевать на всех и вся, сделать оловянные глаза и продолжать жить в свое удовольствие, если сможет, конечно.

Нарушение правовой нормы преследуется в соответствии с тем же правом. Здесь не играет какой-либо роли общественное мнение и вообще не участвует общество с его представлениями о добре и зле. Государство присвоило себе исключительное право суда и принятия соответствующих санкций по отношению к правонарушителю. Государство в соответствующих нормах постаралось а priori расписать все наши возможные прегрешения и в соответствующих санкциях заранее предопределило меры наказания. Правовыми запретами и ограничениями пренебрегать становится опасным. За мерами правового воздействия стоит требование неотвратимости.

4. Еще одно различие между законностью и морализмом заключается в том, что нередко одно и то же деяние может оцениваться нравственностью и правом диаметрально противоположно. Вам не может возратить какую-то сумму ваш должник. Вы имеете полное право взыскать с него этот долг, даже если он и не имеет для вас существенного материального значения. Такой иск будет в соответствии с законом решен в вашу пользу и, соответственно, каким-то образом взыскан и т. п. Но последствия этого для должника выльются в то, что он останется без жилья, без гроша в кармане на долгое время, а у него семья, дети. Ваш иск в такой ситуации вполне законен, но, и с этим согласятся многие, безнравствен. Вспомним литературный пример – барона и вдову в «Скупом рыцаре» А. С. Пушкина. Такая законность привела когда-то человечество к так называемому долговому рабству. К совести древнего законодателя, библейское право, например, ограничивает срок такого рабства двумя годами. За хорошую «оплеуху» кому-либо можно «схлопотать срок» за хулиганство, и это будет вполне законно, но другие, люди чести, будут аплодировать такой затрепине и открыто считать осужденного правым: он наказал наглеца, а это – не правовая категория.

Право пытается само «эксплуатировать» нравственные категории, такие как свобода, равенство, справедливость и др. Международная буржуазия, видать, в порыве запальчивости провозгласила и соответствующим образом даже закрепила право человека

на счастье⁸⁰. С юридической точки зрения это, наверное, смешно, а с нравственной – кошунственно закреплять право на то, что, в сущности, никем еще не определено настолько однозначно, чтобы можно было его содержание оценивать с точки зрения закона. О каком обеспечении этого права можно говорить? В какой форме потребовать в международном суде удовлетворения права на счастье как права человека наряду с другими декларированными правами. Интересно было бы послушать, какие определения счастья стали бы выслушивать члены такого суда, а главное – на основании каких критериев оценивать. Не юридическое это дело, декларировать в правовой форме то, что к праву и закону не имеет никакого отношения: свобода, равенство, справедливость, братство – это не правовые понятия.

Таким образом, хотя еще со времен эпохи просвещения право признается, обзывается тем необходимым нравственным минимумом, который, будучи утвержденным государством, им же санкционируется и обеспечивается во всей его полноте, тем не менее этот минимум остается достаточно чуждым идеалам нравственного совершенства хотя бы уже в том, что целью существования права является сохранение и защита общественного порядка, предусмотренного той же системой права, выражающей волю государства. Нравственной же целью является общественное благополучие, добротворчество во всех его проявлениях. Высочайшее нравственное начало выражено в словах поэта: «И в рубище прекрасна добродетель!»

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Анализ того, насколько совместимы право и справедливость как понятия, отражающие определенные, но достаточно разные стороны поведения людей во всем множестве сложившихся между ними общественных отношений, хотелось бы начать с евангельской притчи о работниках и виноградаре. Последний на протяжении целого дня через каждые три часа нанимал работников в свой виноградник для уборки урожая. В результате первая группа работала весь световой день, вторая на три

⁸⁰ Как писал Козьма Прутков: «Если хочешь быть счастливым, будь им». – Соч. – М., 1955. – С. 130.

часа меньше, последняя же – всего один час. В результате все работники получили, как было обещано, по динарию. «И получившие стали роптать на хозяина дома. И говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: «Друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и поиди; я же хочу дать этому последнему *то же*, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр?»⁸¹

Честен ли виноградарь? Обманул ли он кого? Да, честен, он нико-го не обманул. Имел ли он власть (право) так поступить? – Бесспорно, имел! Но!.. Справедливо ли он поступил? Нет! Не справедливо. – Ответ напрашивается однозначный. И этот хозяин, если верить тексту евангелиста, подобен Царству Небесному – и честен, и права имеет, и добр в своей уравниловке, но – несправедлив.

Так какое же содержание мы вкладываем в эту узурпированную правом, но в сущности нравственную категорию – *справедливость*? Это понятие как определенная психолого-совестная характеристика человеческих взаимоотношений, известно с древнейших времен, и тем не менее оно не имеет устоявшегося однозначного определения. Это можно подтвердить ссылками на многочисленные попытки, предпринимаемые в словарях, учебниках, научно-литературных источниках, из которых следует, что общего определения (дефиниции), попросту говоря, не существует. В каждом «определении» авторы стараются не столько определить, сколько объяснить данное понятие, раскрывая его содержание на примерах из различных видов человеческой жизнедеятельности: нравственной, правовой, политической, экономической, международной и др., и в каждом отдельном случае справедливость предстает как нечто схожее и в то же время иное⁸².

⁸¹ Библия. Матф., 20, 1–16.

⁸² См.: *Философия права. Краткий словарь*. – СПб., 2000. – С. 298–299; *Краткий словарь по этике*. – М., 1975. – С. 298–300; *Краткий словарь по социологии*. – М., 1988. – С. 380–382; *Социологический энциклопедический словарь*. – М., 2000. – С. 398; *Краткий юридический словарь*. – М., 2005. – С. 913; *Большой толковый психологический словарь*. – Т. 2. – М., 2001. – С. 301; *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1983. – С. 650; *Современный экономический словарь*. – М., 1999. – С. 325; *Дипломатический словарь*. – Т. 3. – М., 1986. – С. 404; *Юридический энциклопедический словарь*. – М., 1999. – С. 927–928 и др.

Многие авторы говорят о справедливости, как о чем-то само собой разумеющемся, считая, например, право по определению изначально справедливым, как В. С. Нерсесянц; или, наоборот, несправедливым со справедливостью как нравственной, а не правовой категорией, как С. С. Алексеев; или характеризуя различные виды и проявления справедливости, как что-то очевидное, по заключению В. П. Малахова...⁸³ Юристы-законоведы пытаются уравнивать эту категорию с самим правом, законом, свободой, равенством и т. п., в сущности, так и не приходя к единству и согласию. Моралисты пытаются увидеть в ней «уравниловку», проявление должного или добродетели и т. п., не останавливаясь ни на чем строго определенно. Экономисты говорят о распределении материальных благ, политики, о соотношении власти и подчинения и т. д. и т. п. Действительно ли невозможно «свести» содержание понятия «справедливость» к чему-то сущностно определенному? По меньшей мере такое утверждение вызывает большие сомнения в его правдивости.

Необходимо заметить, что справедливость проявляется на двух уровнях человеческого бытия. Во-первых, «справедливость» – это идея, абстрактное понятие, по качеству аналогичное понятиям «трусовость», «белизна», «скарденность» и т. п. Действительно, что такое белизна, которая придает предмету белый цвет? Что такое преступность, которая характеризует уровень правопослушания в обществе? Что такое храбрость, которая заставляет человека рисковать жизнью? Что такое справедливость, наличие которой дает возможность людям считать себя вполне удовлетворенными результатами разрешения какого-то конфликта или итогами осуществления какой-либо

⁸³ См.: *Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц*. – М., 1997. – С. 28–31; *Алексеев, С. С. Философия права / С. С. Алексеев*. – М., 1998. – С. 56–57; *Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов*. – М., 2002. – С. 199–214. Некоторые авторы вообще не рассматривают эту категорию в соотношении с правом: *Моисеев, С. В. Философия права: курс лекций / С. В. Моисеев*. – Новосибирск, 2003; *Тихонравов, Ю. В. Философия права / Ю. В. Тихонравов*. – М., 1987; *Чукин, С. Г. Философия права / С. Г. Чукин, В. П. Сальников, В. В. Балахонский*. – М., 2002; *Хайруллин, В. И. Что такое «коммунитарная справедливость» / В. И. Хайруллин // Государство и право*. – 2007. – № 9. – С. 93–96.

сделки и т. п.⁸⁴? В любом случае каждая абстракция отражает что-то достаточно *неопределенное*, чтобы его можно было конкретно представить, но оно, это нечто, явно *наличествует* во всех подобных примерах и придает какие-то свои особенные свойства или признаки предметам, поступкам и иным поведенческим проявлениям, делая их именно таковыми, наделяя их собственной строго определенной сущностью. В диалектике это называется категорией качества.

Во-вторых, любое понятие, как и мысль вообще, представляет собой не нечто обладающее самостоятельным бытием, а лишь отражение в наших головах в словесной форме какой-либо части реальной действительности. Как понятие категория «справедливость» – это имя, название чего-то. Так что же это такое, что отражается, называется, именуется справедливостью? Что вне мысли может составлять ее объективное содержание? Что в действительности может переживаться, оцениваться субъектом как справедливое или несправедливое? На основании достаточно несложных размышлений можно придти только к одному заключению, а именно к тому, что справедливым или несправедливым может быть (называться) лишь какое-либо действие, поступок одного субъекта (отдельного человека или группы) по отношению к другому субъекту. Сами вещи, предметы и т. п., применительно к которым могут возникать какие-либо отношения (владения, пользования и др.) между людьми, не несут на себе ни йоты самого свойства быть справедливыми или несправедливыми. Таким образом, справедливость характеризует только и только отношения, возникающие между людьми как субъектами в какой-либо сфере жизнедеятельности: экономической, политической, семейной, дружеской, враждебной, нейтральной и т. п.

Кем же и каким образом оцениваются эти взаимоотношения,

⁸⁴ *Сторонники понимания справедливости как объективной или чистой идеи – И. Кант, Г. Гегель и др. представляли себе справедливость как субъективное инобытие духа, как некий аналог платоновской высшей идеи. И то, что это действительно абстрактное понятие, дает в руки идеализма дополнительный аргумент в направлении понимания справедливости как высшего, трансцендентного духовно-нравственного принципа.*

точнее, взаимодействия, поступки между субъектами как справедливые или несправедливые? Прежде всего, самими участниками, взаимодействующими субъектами, а в случае каких-либо «сомнений» для снятия последних может быть подключена и третья, в лучшем случае независимая от первых двух, сторона, третье лицо, посредник, арбитр, судья. Самый распространенный (но не всегда правильный), удовлетворяющий понятию справедливости результат мы имеем, когда обе стороны в результате какой-либо сделки остались вполне удовлетворены и не имеют друг к другу претензий, притязаний, подозрений и т. п. Одна сторона выполнила заказ другой стороны и получила за это желаемое вознаграждение. Каждая сторона испытывает чувство удовлетворенности, удовольствия. Справедливость в данном случае несет в себе эмоциональную окраску, а вернее, содержание, выражаясь в самом чувстве удовлетворения, успокоенности, удовольствия. Она отражает личностные: эмоциональные, психические состояния участников. Таким образом, в объективном, материально-вещественном смысле понятие «справедливость» отражает ту сумму реальных благ, которые получены субъектами и которых, в их понимании, вполне достаточно. В субъективном плане – это эмоциональное состояние субъектов, выраженное в переживании удовлетворенности, в чувстве удовольствия. В эмоционально-психической удовлетворенности сторон и заключается переживаемое ими состояние, чувство справедливости. Это состояние можно назвать мнимой справедливостью, хотя как психическое переживание она вполне реальна. Это универсальная, всеобщая характеристика, раскрывающая понятие справедливости независимо от вида последней: уравнивающей, распределительной или же воздающей. Эта справедливость может быть достаточно далека от объективно материальной, реальной ценности полученных каждым субъектов результатов, это справедливость на уровне обмена между мистером Томсоном и аборигеном Чукотки шкурок соболя на граммофонную трубу в не таком уж далеком нашем прошлом, показанном в известном фильме⁸⁵. Или на уровне вора и скупщика краденого, когда последний, пользуясь положением, никогда не даст настоящей цены за предлагаемую ему украден-

⁸⁵ *См. художественный фильм «Начальник Чукотки».*

ную вещь, а продавец, прекрасно это осознавая, идет на это и считает сделку достаточно справедливой.

С объективной стороны реальную, материальную, фактическую справедливость можно представить как проявление (иногда) законов природы: будь то или основной закон механики (действие равно противодействию у И. Ньютона) либо закон сохранения (где и сколько от чего отнимется, в другом месте столько же присовокупится у М. Ломоносова)⁸⁶; либо в народном представлении (как аукнется, так и откликнется). Этой природной справедливости вполне соответствует принцип – око за око, зуб за зуб, которому в не таком уж далеком прошлом стремилось следовать человечество, но который достаточно далек, в сущности, от идеала справедливости.

Справедливость – это состояние нравственно-психической уравновешенности между людьми во всей сумме их разнообразных общественных отношений: экономических, правовых, политических, нравственных, классовых, сословных, партийных и т. д. Как пишет В. П. Малахов: «Справедливость представляет собой сложную симметрию усилий и результатов, потерь и обретений, помыслов и действий, преступлений и наказаний»⁸⁷. Говоря с философской, диалектической точки зрения, в справедливости проявляется действие закона противоречия (единства и борьбы противоположностей) во всей совокупности последних: внутренних и внешних, основных и неосновных, антагонистических и «мирных» (неантагонистических). Справедливость является понятием, отражающим стремление к уравновешенности этих противоположностей, к сведению до нуля проявлений борьбы между ними. Хотя и победа одной из противоположностей при разрешении антагонизмов может быть *de facto* более чем справедливой.

С точки зрения субъектов справедливости последние могут проявляться в нескольких вариантах разрешения противоречий,

⁸⁶ К. Маркс усматривал в справедливости «материальный и духовный обмен веществ». См.: Маркс, К. Соч. – Т. 46. – Ч 2 / К. Маркс. – М., 1956. – С. 105.

⁸⁷ См.: Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М., 2002. – С. 207.

где действие может осуществляться: между индивидом и индивидом; между группой и группой (множественный индивид); между индивидом и группой. Субъект может выступать и как частное лицо, и как общественное или государственное, представлять интересы отдельного человека, группы или общества в целом. Эту типизацию можно отнести к внешней (количественной) стороне характеристики субъектов при оценке справедливости или несправедливости отношений между ними.

Содержательная сторона справедливости может проявляться также в нескольких вариантах: эквивалентности (добро–добро либо зло–зло); противности (зло–добро, добро–зло). Первый вариант представляет собой проявление справедливости с обеих сторон (чистая справедливость), где на добро отвечают равной мерой добра. Второй вариант представляет собой негативную справедливость и с той, и с другой стороны – здесь на зло отвечают аналогичной мерой зла. Третий вариант представляет собой чистую несправедливость и с той, и с другой стороны, ибо отвечать на добро злом – это не только безнравственно, но и преступно, а отвечать на зло добром – это, хотя и по-христиански или по-толстовски вполне приемлемо, а с точки зрения мазохиста даже желательно, но вряд ли справедливо, а точнее, открыто несправедливо.

Справедливость как понятие отражает две стороны действительности: во-первых, субъективно-психологическую, или эмоционально-нравственную, выражающую чувство удовлетворенности или неудовлетворенности субъекта от результатов реализации каких-либо отношений, сделок и т. п. с другой субъектной стороной. Во-вторых, реально-фактическую, как вещественное содержание поведения субъектов при разрешении каких-то вопросов, договоренности и т. п. Это могут быть реальные затраты усилий, материальных средств и полученный результат; это может быть количество и качество выполненной работы или затраты времени на ее выполнение и полученное вознаграждение; это может быть проступок (правонарушение) и наказание; выполненное обещание и обман в их соответствии, эквивалентности или разности. Одним словом, взаимодействия различных вариантов противоположностей выступают фактическими материальными носителями, проявителями либо справедливости каких-либо взаимоотношений, либо видимости (мнимой) справедливости, либо односторонней или обоюдной несправедливости, что порождает

чувства неудовлетворенности или обиды. Таким образом, справедливость выступает как форма проявления категории меры с ее границами, нарушение которых будет выражать несправедливость. Равенство, эквивалентность результатов отношений внутри этого ограниченного пространства и являются фактическим содержанием понятия справедливости.

В справедливости и как факте, и как идее, и как субъективном переживании всегда проявляется взаимодействие противоположностей, которые и предоставляют нам возможность проследить диалектику этого вида человеческих отношений. Основным методом, который обеспечивает анализ этого процесса, – это сравнение: желаемого (планируемого, обещаемого) и реального; фактически полученного как той, так и другой стороной; усилий, затрат и т. п. и результатов или отдачи как итога, проступка (вины) и наказания. Идеально лучшей, теоретически высшей формой проявления справедливости нужно, наверное, признать принцип талиона, хотя как всякий идеал он фактически не реализуем в действительности: ни там, где речь идет о материальных потерях и приобретениях, ни, тем более, там, где речь идет о физических или личностных, нематериальных отношениях, потерях и т. п., которые в своей уникальности, как, например, произведения искусства, принципиально невозможны, либо здоровье, а тем более жизнь, которые не могут иметь аналогом ничего, что бы могло их справедливо заменить. Притом с внешне материальной либо правовой стороны может создаваться видимость справедливости при фактическом обмане или самообмане – вспомним обмен стеклянного бисера на куда более высокие ценности между европейцами и представителями островных стран в период освоения Нового света. Фактически такие отношения изначально несправедливы, хотя обе стороны при этом испытывали чувства удовлетворения, особенно европейцы с их стремлением к наживе.

Таким образом, справедливость – это нравственно-правовая категория, отражающая широкий круг взаимоотношений между людьми в фактической равновеликости ими содеянного, сотворенного и т. п., с объективной (межобъектной) стороны; и в психической, эмоциональной взаимоудовлетворенности сторон – с субъективной (межсубъектной) стороны.

По твердому убеждению многих моралистов и особенно законовевов, справедливость присуща праву и изначально генети-

чески, и социально⁸⁸. Справедливость входит в содержание понятия «право». «Право по определению (? – П. Ю.) справедливо, а справедливость... категория и характеристика правовая, а не неправовая (не морально-нравственная, не религиозная) ... Более того, только право и справедливо»⁸⁹. С точки зрения сугубо теоретического правоведения, а тем более с точки зрения идеалистической гегельянской философии это, возможно, так и есть: идея права покоится на идее справедливости⁹⁰. Справедливость – это принцип, на котором базируется право и который заключается в соответствии между поведением индивида и его общественной оценкой⁹¹. Справедливость... это понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека...⁹² На самом же деле право и в его законодательстве, и, тем более, при его реализации может лишь стремиться выглядеть справедливым, право может провозглашать справедливость своим принципом, правоведа могут очень много рассуждать о справедливости, но любая правовая система в ее целостности не может быть справедливой изначально, позитивное право

⁸⁸ *Право есть нормативно закрепленная справедливость. Право покоится на идее справедливости. Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует духу права.* – Философия права / Под ред. О. Г. Данильяна. – М., 2005. – С. 269.

⁸⁹ *Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц.* – М., 2000. – С. 32–33.

⁹⁰ *Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права... Какого-либо другого принципа, кроме справедливости, справедливость не имеет.* Нерсесянц В. С. *ibid.* С. 29–30. *Так что же является начальным принципом: справедливость для права или право для справедливости? (П. Ю.)*

⁹¹ *См.: Филимонов, В. Д. Справедливость как принцип права / В. Д. Филимонов // Государство и право. – 2009. – № 9. – С. 5–13; Сунатаев, М. А. Свобода и справедливость в российском праве / М. А. Сунатаев // Государство и право. – 2010. – № 4.*

⁹² *Андреановская, И. И. Справедливость в современной правовой действительности в России / И. И. Андреановская.* – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009. – С. 20.

генетически несет в себе несправедливость. Если право и может подразумевать какое-то начало справедливости, то только и только в очень относительном смысле. В данном случае нельзя не согласиться с И. Кантом, который писал: «Строжайшее право – это величайшая несправедливость... но на пути права этому злу ничем нельзя помочь, хотя оно и имеет отношение к *правовому требованию* (курсив мой. – П. Ю.), потому что справедливость относится только к *суду совести*, а каждый правовой вопрос должен решаться на основании *гражданского права*»⁹³ или норм права, установленных государственной волей.

Таким образом, вопреки устоявшимся взглядам на право как некий ореол справедливости или, наоборот, на справедливость как на святой нимб вокруг права, необходимо опровергнуть это поверие. Отринуть, но не в том направлении, что право и справедливость вообще несовместимы, но в том, что их союз – явление сугубо формальное, скорее идеальное, желаемое, нежели реальное⁹⁴.

В чем же конкретно видят правоведы проявление принципа справедливости в праве? В самом общем приближении можно отметить несколько возможных составляющих юридического взгляда на так называемую правовую, а точнее юридическую, справедливость. Во-первых, в самом содержании права как целого общественного явления, а равно и в каждой правовой норме. Любая норма права **по определению** (? – П. Ю.) соответствует справедливости, содержит в себе справедливость как какое-то особое свойство, как потенциальное будущее и как нечто, появляющееся в результате реализации этой нормы⁹⁵. Всякая система права, и прежде всего понимаемая как совокупность норм, провозглашает справед-

⁹³ Кант, И. *Метафизика нравов*. – Соч. – Т. 4. – Ч. 2. / И. Кант. – М., 1965. – С. 144.

⁹⁴ Независимо от содержания... «мы можем и должны рассматривать правовую систему с точки зрения формальной справедливости». *Философия права / Под ред. О. Г. Данильяна*. – М., 2005. – С. 270.

⁹⁵ См.: Малахов, В. П. *Философия права / В. П. Малахов*. – М., 2002. – С. 213; Нерсесянц, В. С. *Философия права / В. С. Нерсесянц*. – М., 1999. – С. 28 и далее; Шпак, А. В. *Проблема силы права в русской философии / А. В. Шпак // Философия права*. – 2006. – № 2. – С. 11.

ливость как одну из основных составляющих права, как цель любого права, как то, что содержится в самом праве (по определению у В. С. Нерсесянца). Норма права не может быть несправедливой, а значит, любая деятельность в границах, предписанных нормой «по определению», будет нести справедливость, является а priori справедливой. Исходя из понимания справедливости как содержания в том или ином деянии некой равновеликости, гармоничности сочетания добра–добра либо зла–зла, либо удовлетворенности сторон в размере полученных благ, выгод или претерпленной меры воздаяния, наказания, можно ли с полной уверенностью утверждать, что эта «гармония» в полном объеме заранее предусмотрена, вложена законодателем при создании нормы в качестве одного из элементов ее содержания⁹⁶? Законодатель (у Гегеля – Государь) творит эту норму для других, в сущности, даже не спрашивая мнения этих других о нужности или ненужности предлагаемой им нормы. В равной мере это касается и текста самой нормы, которую законодатель предлагает в той редакции, которая ему кажется наиболее соответствующей цели, и в направлении тех общественных отношений, в которые, на его же взгляд, необходимо вмешаться с этой нормой как регулятором. Что же касается обратного влияния нормы на законодателя, то это утверждение очень относительно: у законодателя, творящего норму, всегда есть возможность не только создать норму, но и отменить. В этом процессе всегда есть доля «произвола», субъективизма, как единоличного, так и группового. Таким образом, законодатель а priori стоит вне (выше) издаваемой им нормы. Наши господа-законодатели приняли закон о частной собственности на средства производства, на землю и т. п. Они приостановили действие смертной казни в угоду Евросоюзу, чем развязали в значительной мере руки убийцам, насильникам малолетних и т. п. А у жертв этих преступлений или у потерявших их близких эти законотворцы согласия спросили? Ведь жертвами преступлений являются не сами законодатели. Легко расписываться

⁹⁶ ... Там, где мы сталкиваемся с самодавлением предписания, с «хладнокровием правомерного решения», начинается царство формальной, собственно юридической справедливости. *Стельмашук, Г. В. Философия права: учебное пособие / Г. В. Стельмашук*. – СПб., 2005. – С. 118.

под чужой бедой в сторону снижения меры возмездия за причиненное не нам зло, потому как сам этого не прочувствовал, а попросту говоря, за чужой счет. Как говаривал М. Ю. Лермонтов: «Любая женщина простит мужчине то зло, которое он причинил **другой** женщине». А интересно бы было послушать, что «запоет» такой гуманист в суде, когда он сам выступит в качестве жертвы? Будет ли он для убийцы и насильника своей дочери просить «помилования»? Со стороны вроде бы видней, как бы не превысить меру воздаяния⁹⁷? – как пытаются представить себе объективность такого шага в подобном случае. Вряд ли такое право можно назвать справедливым! Присмотритесь к нашему процессуальному законодательству! Создается впечатление, что его создатели заложили в его содержание жалость и требования справедливости не столько к жертве преступления, сколько к преступнику. От чего они его защищают, страхуют? Право всегда было, есть и еще очень долго будет политическим навязыванием воли в форме требований норм или правил всем общественным слоям со стороны классов, партий или иной власти имущей элиты, стоящей во главе государства. Поэтому юридическая справедливость всегда будет содержать понимание этого понятия самим законодателем, правоприменителем и т. п., а распространяться эта справедливость будет на основную массу граждан, живущую вне законодателя, и на объект – вне правоприменителя. В свое время никто не сомневался в справедливости превращения пленника или должника в раба, никто в России не сомневался в законности продажи дворовой девки «на вывод» или обмена ее на породистого щенка, о чем давались даже объявления в печати. Так же и наша сегодняшняя необуржуазия считает для себя более чем справедливым присваивать основную массу национально производимого продукта, якобы ею зарабатываемую. Право в его целостности от лица законодателя может провозгла-

⁹⁷ См.: Библия. Исход, 22–1; 22–4. «Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу; если украденное найдется у него в руках живым... пусть заплатит вдвое. А также: «Чтобы наказание произвело желаемое действие, довольно будет и того, когда зло, оным причиняемое, превосходит добро, ожидаемое от преступления...» Екатерина-2, Сочинения. – М., 1990. – С. 26–27.

сить справедливость как принцип, но фактически никакая система права не может сама его «исповедовать» ни с точки зрения своего генетического источника – власть имущего законодателя, ни с точки зрения простого подчиненного исполнителя – в силу того же правового запрета действовать, отступая от законодательства, не, тем более, противореча ему.

Во-вторых, законоведы пытаются соотнести справедливость с понятием равенства, которое, в сущности, понимается как равенство по закону и перед законом, т. е. сводится к тому, что каждый гражданин имеет право на одинаковую защиту закона, на то, что закон – это высшая сила, перед которым все равны⁹⁸. Истинное право якобы содержит в себе справедливость как равенство, опирается на равенство, и вообще общеизвестный лозунг о «свободе, равенстве и братстве» имеет сугубо правовой характер. В первобытном обществе не было понятия «равенство», ибо последнее было естественным фактическим состоянием между индивидами, понимаемое как равное неравенство, где каждый выполнял соответственно возрасту и полу возложенные на него функции. Для осознания равенства надо было пройти через горнило рабовладельческого, христианского, классового, сословного и иного неравенства. Право, таким образом, пытается вменить равенство как некое утверждаемое правило, что само по себе уже несправедливо, а главное, не отвечает объективному положению и вещей, и людей. Какое может быть равенство, например, между «обыкновенным смертным» и депутатом Государственной Думы с его статусом неприкосновенности.

В том, что буржуазное право, а оно у нас таковым все более и более становится, **провозглашает** равенство, особенно пытаясь не только формулировать, но и формировать так называемое гражданское общество или правовое государство, с этим вполне можно согласиться. Однако в гораздо большей степени можно согласиться с мнением Н. Н. Алексеева, который в свое время писал, что «идея справедливости в качестве первичной и наиболее глубокой своей предпосылки предполагает не идею равенства, но идею

⁹⁸ Стельмашук, Г. В. *Философия права: учебное пособие* / Г. В. Стельмашук. – СПб., 2005. – С. 117.

иерархии...»⁹⁹. И далее: право как система, обеспеченная силой государства, пытается «вменить каждому равное», а это «искажение идеи справедливости»¹⁰⁰. В сущности Н. Н. Алексеев прав: право – это средство, которое изобрело человечество для утверждения неравенства, для обоснования, сохранения и защиты неравенства (иерархии), т. к. фактического равенства между людьми не может быть уже по причине естественного фактического неравенства. Буржуазное право, провозглашая принцип равенства юридического, тем самым фактически таким способом защищает и охраняет неравенство, только уже социальное. Провозглашая принцип равенства, право фактически противоречит природному неравенству, а значит, принципиально не может иметь средств, чтобы его обеспечивать в действительности даже в самом себе, даже перед самим собой, т. е. перед правом и законом. Таким образом, провозглашенное, навязываемое правом равенство, а отсюда и справедливость, усматриваемая в этом равенстве, в качестве юридического равенства теряет свое фактическое содержание и становится понятием с нулевым объемом, если использовать логическую терминологию, или как что-то желаемое, идеальное, но недостижимое, или как «то, чего не может быть».

Право изначально опирается на неравенство, закрепляет и обеспечивает его, идеологически опираясь на противоположный лозунг. Право исходит, в конечном счете, от власти, а там, где власть как господство одного человека над другим, по определению не может быть никакого «объективного» равенства, а значит, и справедливости как некой равновеликости, так как последняя определяется каждой из сторон по-своему, исходя из реальной «разновеликости» социального положения сторон. Там, где власть и подчинение, справедливость может проявляться в ее психическом восприятии как некое благо, исходящее от «господина», и как благо, полученное и переживаемое «слугой». Первый счастлив тем, что облагодетельствовал второго; второй доволен (или не-

⁹⁹ Алексеев, Н. Н. *Основы философии права* / Н. Н. Алексеев. – СПб., 1998. – С. 118.

¹⁰⁰ Алексеев, Н. Н. *Идея справедливости* / Н. Н. Алексеев // *Русская философия права: Антология* / Под. ред. В. П. Сальникова. – СПб., 1999. – С. 420.

доволен, но благодарит) той долей благ, которую он получил от первого. Довольство создает видимость, даже определенную уверенность в факте проявления справедливости, хотя и то и другое может совсем не соответствовать реальным «заслугам».

В-третьих, справедливость в праве находит свое специфическое содержание, состоящее якобы в том, что право есть мера свободы, главный «обеспечитель», гарант свободы гражданина в обществе, главная сила, которая стоит на страже свободы индивида. Все обстоит совершенно наоборот. Право изначально является не мерой свободы, а мерой несвободы; т. е. право, и то относительно, может служить гарантом неприкосновенности личности, но никак не может выступать мерой свободы¹⁰¹. Законоведы пытаются увидеть правовую справедливость в том, что право якобы дарует какие-то свободы человеку, обеспечивает его свободу и т. п. В целом это явно философский, нравственный и юридический идеализм, который идет еще от И. Канта, Г. Гегеля и даже более ранних мыслителей, в том числе и от французских материалистов. Если понимать под свободой «свободу воли», то последняя не имеет никакого отношения к праву; желания, потребности и вообще любые волеизъявления не нуждаются в правовом регулировании, их нельзя ни запретить, ни даровать. Если же иметь в виду так называемые буржуазные, конституционные свободы: слова, собраний и т. п., то эти свободы, в сущности, не нуждаются в каком-либо правовом провозглашении или закреплении, так как не могут быть ни дарованы законодателем, ни отменены. Эти свободы естественного происхождения. Нельзя запретить человеку говорить, нельзя отобрать право на свободу слова. Можно человека заключить под стражу, можно «заткнуть ему рот» физически, но это не лишает, не отменяет его права говорить то, что он думает, права на встречи с соратниками в границах той групповой принадлежности, которую они создали ис-

¹⁰¹ Автор уже ранее поднимал эту проблему в своих публикациях: Юсов, П. А. *Возвращаясь к понятию «свобода»* / П. А. Юсов // *Философские чтения*. – Вып. 4. – Южно-Сахалинск. – С. 83–86; Юсов, П. А. *Философия права и категория свободы* / П. А. Юсов // *Вестник Южно-Сахалинского филиала ДВЮИ МВД РФ*. – Южно-Сахалинск, 2005. – № 2. – С. 108–118.

ходя из своих интересов, и т. п. В сущности, если вдуматься, все происходит наоборот. Любая правовая система, особенно в своих запретах, устанавливает формы и меры несвободы для индивидов в самых различных проявлениях их поведенческой деятельности, а если иметь в виду, что право устанавливает и обязанности, то последние по самой своей сути никак не могут служить ни аналогией, ни тем более фактическим проявлением свободы, ибо предписывают только должное и запрещают какие-либо проявления самостоятельности. Одним из основных проявлений юридически закрепляемой несвободы является право, присвоенное государством на виды и формы воздаяния за преступления, за то зло, которое было причинено человеком другому человеку или обществу. Где самой обычной формой стало лишение свободы, которое а priori не может выступать в роли эквивалента причиненного зла или вреда. А это значит, что оно будет кем-то восприниматься как справедливость, а кем-то наоборот, т. е. субъективно. Но эта форма законна, а значит, как юридическая справедливость якобы наличествует во всей полноте своей объективности.

В четвертых, исследователи и теоретики права пытаются усмотреть проявление справедливости в принципе законности, заключающемся, в сущности, в том, что если деяние соответствует закону, не противоречит ему, то оно справедливо, т. е. устанавливается отдельный вид юридической справедливости – справедливости по закону. При этом а priori подразумевается, что сама формулировка закона не может содержать в себе несправедливости, вести к несправедливости решения, приговора, наказания и т. п. Но, как показывает реальная, особенно судебная практика, понимание справедливости при вынесении судебных решений по закону оказывается не только далеким от всякой справедливости, но нередко является открытым проявлением несправедливости: мораторий в отношении смертной казни, законодательство в отношении насильственных действий по отношению к несовершеннолетним и детям, не говоря уже о нередких судебных ошибках, которые не только попирают справедливость, но и сами суть преступны. Любая правовая система, по определению, базируется на принципе или требовании законности. Последняя, в сущности, сводится к тому, что любые действия кого бы то ни было, если они относятся к сфере, регулируемой правом, должны соответствовать требованиям правовой нормы, и каждое действие, противоречащее норме права, следует признать неза-

конным или правонарушением, а значит, несправедливым. Иначе говоря, законы нельзя не исполнять. И правоведы практически в один голос пытаются нас уверить в том, что законы, нормы права не могут быть несправедливы, а отсюда принцип законности есть требование и проявление высшей или правовой справедливости. Таким образом, законоведение фактически уравнивает понятия законности и справедливости, что на самом деле не соответствует действительности ни с точки зрения логической равнозначности понятий, ни с точки зрения лексической синонимии. Насколько же полное соблюдение законности или полная реализация содержания норм права (соответствие поведения содержанию нормы права) действительно ведет к справедливости в политико-правовой, экономической, семейной, а также в судебной и иных формах жизнедеятельности, так или иначе связанных с правом? Провозглашаемое и даже пропагандируемое «соответствие» законности и справедливости мы вполне чувствительно ощущаем, например, на результатах гайдаровско-чубайсовской приватизации, а также на всем дальнейшем пути развития экономической и правовой жизни в постперестроечный период нашей страны. В результате строгого соблюдения новой «законности» у нас появились молниеносно рожденные не только миллионеры, но и миллиардеры. А на другом конце этой приватизации – десятки тысяч безнадзорных и беспризорных ребятишек, точно после гражданской войны, будто мы повторяем начало двадцатых годов прошлого века. Такого не было даже после окончания Великой Отечественной войны. И это всего-то за 10–15 лет. Чьи и какие великие труды и заслуги были вознаграждены такими материальными благосостояниями? Какой Мамай прошелся по нашей стране, оставив после себя столько обездоленных и бездомных?

В-пятых, юридическая справедливость якобы заложена в самом понимании юстиции. *Justitia* – юстиция как понятие переводится и мыслится не как правосудие или законность, но как справедливость, что в корне неправильно¹⁰². *Palais de la justice*

¹⁰² *Философия права: учебник / Под ред. О. Г. Данильяна. – М., 2005. – С. 268; Нарсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нарсесянц. – М., 1997. – С. 29 и др.*

переводится как Дворец правосудия, а не справедливости. И юстиция как система в первую очередь имеет своим содержанием осуществление правосудия в полном соответствии с законом, а не справедливостью. Правосудие должно соответствовать принципам законности, объективности, беспристрастности, независимости и т. п., что фактически довольно часто не только не реализуется, но и не может быть реализовано в действительности. И если подойти по существу, то во всей полноте указанных принципов правосудие неосуществимо по самой своей сущности, где решение, приговор выносит судья-человек со всеми его субъективными «слабостями», которые ни коим образом нельзя ставить ему в вину.

Для права справедливость – это принцип, на котором должно строиться правосудие, а оно строится, как мы отмечали выше, в основном на принципе законности, в который законодателем изначально закладывается мысль, идея о том, что любое решение, будучи вынесенным в соответствии с нормами права, будет справедливым. Законность, а значит и справедливость, требуют объективности, беспристрастности, независимости судьи от чего бы и кого бы то ни было, кроме требований закона. Правосудие таким способом заранее навязывает свое понимание справедливости в том или ином принятом решении или приговоре, независимо от того, а как к нему отнесутся непосредственные участники конфликта. Справедливость в судопроизводстве – это именно юридическая справедливость, «судопроизводимая». По сути же справедливость в судопроизводстве – это всегда навязывание понимания справедливости по закону со стороны третьих лиц: законодателя и судьи, толкователя и применителя.

Вспомним евангельское решение И. Христа: «...кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Вот образец высшей стадии справедливости, высшей формы правосудия. Все разошлись, и ни один не решился действовать по закону – ибо чувствовал, что это будет несправедливо, ибо сами судьи «не без греха», только они не «попались» в своем прегрешении¹⁰³. Не судите, да не судимы будете. И еще одно замечание в отношении возможной

несправедливости правосудия. Это относится к доказательности судебного процесса. За недостаточностью улик, за непризнание доказательств, добытых «незаконным» путем, и т. п. преступника отпускают. Последний радуется этому, но сам при этом прекрасно знает, что это несправедливо, что восторжествовала несправедливость, неправедность, хотя и в полном соответствии с законом. Конечно, всем понятно, что это есть в какой-то степени предохранительная мера против осуждения невиновного. Но убеждение в том, что лучше освободить десять виновных, нежели осудить одного невиновного, действительно гуманно – очень относительно, а может, и сомнительно, ибо, оставив настоящего виновного вне наказания, изоляции и т. п., мы подвергаем опасности неопределенное количество невиновных, которые могут оказаться жертвами этого судебного «попустительства» (благородства). А возможности предупредить, предотвратить названные преступные потенции, как показывает практика, достаточно мизерны или, выражаясь математически, стремятся к нулю. Итак, кому «верить»? В. С. Нерсисянцу с его утверждением, что только право и справедливо, или И. Канту, утверждающему, что... «право – величайшая несправедливость»?

ПРАВО И СВОБОДА

Древние евреи стремились обрести свободу, покидая Египет. За свободу сражались рабы под предводительством Спартака.

Во имя свободы и равенства французы казнили Людовика XVI и Марию Антуанетту. «Пока свободой горим!..» – восклицал наш великий поэт. За свободу Родины отдали свои жизни миллионы наших соотечественников... На свободу мечтают вырваться заключенные всех тюрем мира. Так что же такое свобода? Как связаны между собой свобода и право?

К осознанию своего бытия как свободного или несвободного человек пришел достаточно поздно, уже пройдя значительный путь развития экономических, нравственных, религиозных, родоплеменных и иных отношений. Пребывая в первобытном состоянии в тесном единстве с окружающей природой, составляя ее неотъемлемую часть, человек воспринимал природу в большей мере как своего союзника, а не врага. Природа дает пищу, одежду, жилье, защиту, а значит, и жизнь. Человек не противопоставляет себя природе окружающего мира, не ощущает, не может предста-

¹⁰³ Библия, Иоанна, 8, 3–10.

вить себя ни вне природы, ни над природой в виде ее хозяина или властителя. Даже осознав позднее свою зависимость от природы, человек не сразу приходит к пониманию этой необходимой зависимости как несвободы, считая это единство с природой чем-то само собой разумеющимся. Это понимание приводит к началу религиозных отношений с природой, когда в ее стихийных проявлениях человек видит не несвободу, а лишь то, что за этими проявлениями стоят какие-то определенные антропоморфные сущности, боги, перед которыми человек в чем-то согрешил, а значит, надо испросить у них прощения, договориться с ними через систему сложившихся обрядов, и все встанет на свои места.

Позднейшее познание и открытие причинно-следственных зависимостей и даже законов природы несколько не ослабило зависимости человека от природы и ее стихий, ибо от того, что зависимость познана, даже понята как таковая в ее сущности, она не превращается в свою противоположность. Познание природных необходимостей создает для человека лишь больше возможностей для жизнедеятельности с меньшими потерями, затратами и т. п., для более продуктивного взаимодействия с природой в границах ее закономерностей, но познание не освобождает от этих границ. Поэтому вообще ставить вопрос о том, что познание законов природы приведет нас из царства необходимости в царство свободы, – это иллюзия, которая окрыляла основоположников марксизма¹⁰⁴. Трактовка своих отношений с природой с точки зрения свободы или несвободы лишена для человека всякого философско-мировоззренческого смысла. Здесь можно говорить о различных возможностях человека в процессе его жизнедеятельности, но не о безграничной свободе этой деятельности. Как элемент системы (целого) природы человек не может освободиться от этого целого, встать над ним, не перестав быть этим элементом целого (системы природы). Попытки выхода за пределы природы, попытки освободить себя от проявлений законов природы, встать над ними, а некоторые энтузиасты в области величия человеческих амбиций (как С. Лемм в «Формуле творчества») мечтают

¹⁰⁴ *Надо заметить, что К. Маркс и Ф. Энгельс имели в виду свободу в границах социума, а не дикой природы.*

даже о том, чтобы вообще переделать природу в соответствии с человеческим разумом, подобные попытки не могут окончиться ничем иным, кроме как крушением самого человечества. Если поверить тому, что мы – уже не первая цивилизация на нашей Земле, то прежние цивилизации (как атлантов, например) и погибли именно вследствие таких попыток обуянного гордыней населения.

Существуя в общинном единстве семьи, рода и т. п., человек не противопоставляет еще себя окружающим его людям, здесь мы видим теснейший симбиоз между «Я» и «Мы». Это дает человеку возможность достаточно четко отграничить своих «Я» и «Мы» от других и разделить человечество на две категории: «Мы» и «Они», видя в последних соперников, конкурентов, в конечном счете, даже врагов. Такие проявления враждебности, как отнимание пищи или еще чего-либо сильным у слабого, вряд ли осознавались этим слабым как покушение на его свободу. Тесное единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного в их строгой причинно-следственной обусловленности не давало еще человеку повода к осознанию своей зависимости от природы и от другого человека как несвободы.

Появление более или менее четких норм, правил поведения в виде начал морали и обычного права, когда люди стали исполнять различные дифференцированные роли в своем общественном бытии, послужило поводом для осознания множественности отношений внутри семьи, рода, противоречий в отношениях между иными человеческими общностями: возрастными, половыми; близкими родственниками и отдаленными; своими и чужими. Но и это осознание не приводит еще к ощущению и пониманию свободы или несвободы, подобно тому, как ребенок не воспринимает просьбу взрослого о чем-либо как покушение на его свободу, чаще наоборот – он радуется тому, что хоть через это может общиться к миру взрослых, почувствовать себя равным им.

Человеческая община – это система функционирования всех ее элементов, это единое целое, где отдельный индивид или группа, даже в чем-то проявившие противоречия с этим целым, отстаивая свое «Я», не мыслят себя вне системы, не могут, да и не хотят оказаться вне общественного коллективного бытия. Генетически общественное бытие является коллективистским. И любое бытие индивида в изоляции, в абсолютной независимости от других людей – абсурдно, принципиально невозможно: высшей формой нака-

зания очень долгое время считалось не лишение жизни, а изгнание из племени, которое отнюдь не воспринималось как обретение свободы. В этом смысле В. И. Ленин был абсолютно прав, когда писал, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹⁰⁵. К осознанию своего бытия как свободного человек приходит от противного – от несвободы или от того начального факта бытия, которое он впервые осознал как несвободу. Это могло стать возможным только с началом таких отношений враждебности между людьми, когда один человек стал добычей для другого человека. Не вещь, не какое-то имущество, продукт добычи, труда и т. п., а сам человек. Когда человек-захватчик вырывает свою жертву из привычной среды, лишает его возможности участвовать в привычном для него коллективном целом семьи, рода, он превращает его в живое орудие производства (в раба), став его хозяином и заставляя его трудиться вместо себя, присваивая при этом произведенный им продукт, отчуждая его в свою пользу, сохраняя рабу жизнь и даже проявляя минимум заботы о его сохранении. Этот пленник, соотнеся свое теперь жестко зависимое положение с прежним, когда он жил среди своих, приходит к осознанию своего нового положения как несвободы, как состояния, при котором сам собою он не может распорядиться, без воли хозяина он не может чем-либо заняться, тем более уйти, а последний под угрозой наказания или даже смерти заставляет своего раба делать то, что нередко противоречит воле этого последнего, ибо это нужно насильнику-хозяину, а сам производитель от этого труда может вообще ничего не получить. С развитием производства, разделением труда, с возникновением частной собственности и классов в подобную зависимость попадают и соплеменники: в отношении кабальной несвободы.

Как видим, реальная несвобода, приводящая человека к сознанию ее противоположности – свободы, приходит к человеку не от природы, стихийных сил, катастроф и иных ее проявлений, а от другого человека. Свобода и несвобода становятся и воспринимаются как уровень (способ) взаимозависимости или независимости одного субъекта от другого, что затем выражается в различных формах классового, сословного господства и закрепляется в системе сословного и классового права.

¹⁰⁵ Ленин, В. И. Полное собр. соч. – Т. 10 / В. И. Ленин. – С. 30.

Таким образом, понятие «свобода» дает нам возможность видеть за ним отражение далеко не однозначной реальности, и это понятие может иметь несколько содержательных сторон:

а) фактическую – как реальное положение субъекта в его свободе и несвободе по отношению к другому субъекту;

б) психическую – как состояние психики, сознания, чувств субъекта, как ощущение разной степени зависимости или независимости как несвободы или свободы;

в) направленность – как «свобода от...», как независимость от чего, кого-либо и как «свобода для...», т. е. возможность самостоятельной деятельности, основанной на собственном волеизъявлении.

Названные формы свободы можно выразить в следующих определениях:

а) Свобода – это философская, нравственно-правовая категория, в которой человек отражает свое реальное общественное состояние, положение себя среди других субъектов и выражающееся в максимально неограниченной возможности действовать, поступать, руководствуясь исключительно своими собственными (субъекта) потребностями, волеизъявлениями, не встречая никаких ограничений, противостояний с чьей-либо стороны и тем более принуждения.

В славянско-русской интерпретации это выражается в понятиях «воля», «вольность», «вольница» – как ничем и никем не ограниченные субъективные возможности. «Моя воля – казнить или миловать холопей своих!» – так и слышится из уст Ивана Грозного, как озвучивание его исключительного богом данного права. В реальной действительности, как говорил А. М. Горький, – это если и возможно, то только в состоянии полного одиночества. Но и в одиночестве, и в гордыне абсолютной власти человек не может быть свободным от естественно-природных и общественных зависимостей, и понятие «свобода» может отражать только общественное состояние субъекта в части его независимости от воли других людей.

б) Свобода – это категория, отражающая определенное психическое состояние (состояние психики) субъекта, когда он думает или ему кажется, когда он пребывает в полной уверенности, что поступает, руководствуясь только своими волеизъявлениями, не ощущая, не испытывая какого-либо давления, принуждения к тем или иным действиям со стороны каких-либо внешних сил или

проявлений, даже если при этом он и знает, что выполняет чье-то задание или просьбу, – главное, он не переживает принуждения.

Ощущение субъектом свободы, независимости от других субъектов как внутреннее собственное психическое состояние, проявляясь в процессе самопознания, самоосознания, в сущности, представляет собой видимость свободы или, как ныне модно выражаться: «виртуальную свободу». Такое состояние (переживание, самовнушение) свободы наиболее ярко может проявиться в акте индивидуального или группового творчества, особенно у людей искусства или науки. Такой субъект пребывает в некоем состоянии эйфории в период творческого подъема, активности. Он абсолютно уверен, что совершенно свободно творит свое нечто, которым он намерен осчастливить человечество. Но получен результат, и этот творец может обнаружить, что он ничего нового не сказал, а лишь воссоздал нечто уже имеющееся, или может обнаружить, что его творение никому не нужно и он превращается в раба своей идеи, ругая всех и вся в неприятии его таланта и даже гениальности. Вспомним судьбу героя романа В. Дудинцева «Не хлебом единым». Применительно к данной ситуации остается одно решение: если такой «первооткрыватель» чувствует, ощущает себя царящим на крыльях свободы творчества и от этого он только счастлив – не надо ему мешать, оставим его в этом приятном для него заблуждении, а жизнь сама направит его на истинный путь.

в) В понимание свободы как «свободы от...» и «свободы для...» вкладывается довольно противопологающий эти понятия аспект. В самом общем виде необходимо согласиться с тем, что свобода понимается в целом как «свобода от...», где «... каждый, оставаясь в пределах законов природы, может делать все, что угодно»¹⁰⁶, как форма независимости от каких бы то ни было внешних побуждений или влияний объективного, субъективного или иного характера, и которая может быть выражена или как независимость от законов природы, или как мечта о возможности управлять природой, или как независимость от общества, от другого человека и их требований: главное – это отсутствие принуждения со стороны

другого человека. Такую свободу А. Шопенгауэр называет «воображаемой возможностью».

Под «свободой для...» понимается свобода деятельности, творчества. Здесь присутствует некая тень цели, предназначенности, определенной детерминированной направленности: свобода как нечто, чем можно воспользоваться, к чему можно стремиться и как цели достичь через свою собственную деятельность как способ. Связь свободы с природной или общественной необходимостью лишает *подлинную* (курсив мой. – П. Ю.) свободу всякого смысла – как писал Н. Бердяев. Попытка рассмотреть свободу как «свободу для...» порождает смысловой, дополнительный субъективный акцент: а зачем мне (тебе) свобода? что мы с ней будем делать? И вообще, какой собственный смысл мы вкладываем в это нечто, которое мы называем свободой, и при этом в значительном большинстве свято веря, что в состоянии этого нечто мы реально пребываем. В самом общем представлении философская и общественная мысль склонны к тому, что «свободы от...» каких-либо зависимостей, необходимости в форме какого-то вульгарного анархизма не только нет, но и быть не может. Человек – объективная составляющая часть природы и общества, а часть не может находиться в состоянии независимости от целого и не подчиняться законам функционирования этого целого, поэтому, если и можно говорить в какой-то мере о «свободе от...», то в очень относительном смысле и применительно к очень конкретным обстоятельствам и ситуациям. При противопоставлении же «свободы от...» «свободе для...» как свободе для деятельности, творчества и иных форм поведения и функционирования индивида, высказываются многочисленные мнения в защиту реальности существования такой свободы субъекта. В своем творчестве, в своей деятельности человек якобы пребывает если и не в абсолютно свободном порыве тела и духа, то, по крайней мере, максимально реализуя свои фантазии и замыслы. «Быть свободным – значит идеальное сделать реальным», – писал Ф. Шеллинг¹⁰⁷. «...Свобода есть творчество, созидание ранее не бывшего»... «свобода есть внутренняя творческая энергия человека», – писал Н. Бердяев.

¹⁰⁶ Локк, Дж. Соч. – Т. 3 / Дж Локк. – М., 1989. – С. 311–312.

¹⁰⁷ Жюлиа, Д. Философский словарь / Д. Жюлиа. – М., 2000. – С. 396.

Как с литературно-метафоричным выражением с этой мыслью можно согласиться, но как с попыткой научного или философского подхода – ни в коем разе. Любое творчество субъективно может быть только по форме, по содержанию же, наоборот, объективно даже в самых высших фантастических проявлениях, ибо, в конечном итоге, является отражением реальности.

Свобода – это функциональное, динамическое понятие, которое для человека в одиночестве, в изоляции не имеет смысла, да и не могло бы придти ему в голову, так как одиночка – ни свободен, ни несвободен, ибо свободным, в сущности, можно быть только от чего-то или кого-то внешнего. Субъект-одиночка может радоваться тому, что он один, что ему никто не докучает и т. п. ... он чувствует себя свободным, вольным, он радуется этому ощущению. Но надолго ли хватит этого иллюзорного торжества? Наоборот, через некоторое и достаточно непродолжительное время он будет тяготиться этим положением, в нем торжество сменится отчаянием, он будет воспринимать себя всеми покинутым, брошенным, он будет мечтать вернуться к людям, и его свобода обернется для него страданием, тяжестью мучительных переживаний. Вспомним исторические примеры: большинство заключенных в одиночных камерах Петропавловской крепости очень скоро сходили с ума – это обратная сторона свободного одиночества. Справедливости ради необходимо заметить, что в нашем примере мы не учитываем еще один психический и функциональный элемент: в этой свободе от людей присутствует еще одна не менее мучительная – почти полная принудительная свобода бездеятельности.

Если рассматривать свободу как степень возможностей индивида реализовать себя в своей жизнедеятельности в соответствии со своими потребностями, определяющими мотивы его творчества, то здесь мы обнаруживаем тоже двойственный, противоречиво направленный феномен: если человек одинок, независим от других людей, абсолютно свободен в своей воле и деятельности, он скоро начинает тяготиться этой свободой деятельности, этой работой, так как удовлетворение только самого себя перестает быть привлекательным. Если результат его труда никому, кроме его самого, не нужен, то человек перестает работать и в пределе опускается до животного состояния: если же он трудится среди других людей, в тесном контакте с ними, то он и здесь испытывает некоторое недовольство, ибо эти другие в той или иной мере мешают ему действовать, руководствуясь исключительно только

своими умопострелениями. Как существо общественное он не может противопоставить себя обществу и самореализоваться вне его, как индивид он ощущает, как буквально на каждом шагу наталкивается на другого такого же субъекта, который в той или иной мере ущемляет его свободу. Таким образом, может быть, в чем-то прав А. Шопенгауэр, говоря, что «... свобода состоит в *воображаемой* (курсив мой. – П. Ю.) возможности делать или не делать все, что хочешь»¹⁰⁸.

Свобода деятельности не может быть неограниченной чем-либо, так как деятельность может быть направлена на реализацию не только добра, но и зла, притом не столько для самого субъекта этой деятельности, сколько для объекта или другого человека. Проявление такой свободы изначально встретит противодействие со стороны окружающих, и подобное проявление свободы обернется для такого субъекта реальной несвободой. Творческая деятельность также несвободна, как и любая иная. Со стороны субъекта она ограничена его собственными способностями, умениями, знаниями и т. п. Со стороны объекта – законами самого творимого предмета, которого еще хотя и «нет в природе», но его производство не может выходить за границы закономерностей его собственной природы. Со стороны цели это творчество ограничено или собственными авторскими потребностями, целями, замыслами, когда автор творит какое-то нечто строго для себя, но даже и в этом случае творчество лишь максимально может совпадать с представлением автора о свободе творчества, которая никогда не будет полной, если же автор работает на заказчика, то при любом творчестве «на сторону» нельзя не учитывать интересы покупателя.

Таким образом, «свобода для...» оказывается в прямой зависимости от «свободы от...» и даже определяется этой последней. Для примера обратимся к трудовой деятельности – это самый широко распространенный вид творчества, самый массовый. Велик ли процент среди трудящегося населения планеты тех, у кого их работа полностью совпадает с их желаниями, склонностями, талантами или способностями и т. п.? Человеком в основном дви-

¹⁰⁸ Шопенгауэр, А. *Мир как воля и представление* / А. Шопенгауэр. – Минск, 1998. – С. 609–636.

жет меркантильный интерес: работа – источник других жизненных благ, и человечество стремится к тем видам деятельности, где больше платят за труд и где наш «свободный» деятель производит то и так, что и как это нужно не ему, а зарплатоплательщику. В этом проявляется одной из своих сторон процесс отчуждения. Постоянное развитие производства все более и более ведет к расширению действия сферы отчуждения, а это, в свою очередь, – к перманентному сужению границ свободы.

Поскольку понятие свободы отражает определенную форму общественных отношений, то субъектом свободы или несвободы может являться только человек, который выступает в своем бытии в разных ипостасях – от отшельника, аскета где-то в дебрях сибирских староверческих скитов до облеченного верховной властью главы государства или до участника какого-либо массового движения, отдающего свою жизнь во имя идеи этого партийного, классового или иного группового движения. Таким образом, можно выделить три различных вида, степени или уровня бытия субъекта свободы и несвободы.

Самый массовый субъект свободы – это отдельный человек в его единичной индивидуальности. На этом массовом уровне субъективности иллюзия или кажимость свободы – самое распространенное заблуждение, когда большая часть людей на земле уверена в том, что если они не за решеткой в тюрьме, то они свободны. Но мы сталкиваемся с довольно распространенным явлением, когда человек, отбыв определенный, особенно если это долгий, срок в заключении, будучи выпущенным на свободу, не понимает и не принимает той обретенной воли, о которой столько лет мечтал, ибо в действительности он из одной степени несвободы попадает в другую, в которой он не научен жить или от которой он давно отвык за свои 10–15, а то и более лет изоляции, и обретенная воля оборачивается для него худшей каторгой, нежели пребывание в зоне. Идеальная или «подлинная» свобода в обществе как реальная независимость от людей – это химера. А вот ощущать, чувствовать, переживать свою самость как отдельность, самостоятельность, самобытность, индивидуальность – это вполне возможно, если не воспринимать, не чувствовать отягощенности своего «Я» со стороны других таких же «Я», суммируемых до степени «Они».

Организованная группа индивидов как субъект свободы обладает большими возможностями быть реально менее зависимой

от других подобных групп людей, т. е. групповая свобода намного ближе к действительному своему воплощению, нежели индивидуальная. Но здесь срабатывает то, что в логике называется законом обратного отношения между объемом и содержанием понятия: если у индивида практически неограниченный диапазон возможностей, чтобы применить свою деятельность в любом желаемом направлении и к любому объекту, то групповая деятельность изначально определена и ограничена общими целями и потребностями совокупности индивидов, которые объединились в группу не вообще и не ради ничего, а лишь для достижения каких-то конкретных целей, в остальном же участники группы могут различаться вплоть до противоположности или взаимоисключения. Например, при всей идейно-теоретической серьезности основателей анархизма как общественно-политического движения, при попытках его реализации в период Октябрьской революции, в субъективном плане он вылился в свою противоположность: в простое неподчинение общественным нормам от примитивного нигилизма до бандитизма, в утверждение права силы, в реальное бесправие и в отрицание свободы как общественной ценности. Интересы группы как целого значительно уже индивидуальных, но они весомее последних и имеют больше шансов быть реализованными. Сокращение объема требований свободы оборачивается большей возможностью их реализации в реальном, а не только в идейно-фантастическом или психическом бытии.

Таким образом, чем многочисленнее группа как субъект свободы, тем она более может быть свободна реально. Поэтому свобода народов, стран в их государственном бытии выступает, можно сказать, высшим уровнем свободы, но в то же время у этой свободы очень узкие границы. Эта свобода в конечном итоге выражается в понятии суверенитета или в объявленной, признанной международным правом независимости одного народа, страны, государства от таких же стран и народов, обитающих где-то по соседству. В ином смысле суверенитет представляет собой форму самоизоляции народа, страны от иных, но расположенных за границами этого независимого, или суверенного. Такое понимание свободы как формы групповой, общественной свободы, как независимости легче всего отражается в головах людей и осознается ими, а также имеет максимальную возможность существовать не как идея, не как психическое состояние, а как состояние реально-

го бытия. Распад Союза ССР в чем-то подтверждает вышеизложенное.

Категория свободы, как правило, рассматривается в паре с понятием необходимости как ее противоположности, с чем, в сущности, нельзя согласиться. Можно сопоставлять или противопоставлять понятие свободы понятиям долга, обязанности, принуждения и т. п., но не необходимости, ибо последняя исключает возможность отказа от функционирования, деятельности. Там, где господствует необходимость, там господствует абсолютная объективная природная зависимость, обусловленная законом. Действие закона нельзя отменить, нельзя его силе противостоять как землетрясению, наводнению и иной природной стихии. Там, где господствует «слепая» природная необходимость, не может быть никакой свободы. Свобода – это сугубо человеческий феномен индивидуального, группового или общественного порядка, проявляющийся только в пределах человеческих отношений, где можно быть относительно свободным человеку в отношениях к другому человеку. А сопоставлять или противопоставлять в сравнительном анализе свободу и необходимость как две диалектические противоположности в пределах их единства как внутренней сущности какого-либо явления – это значит пытаться совместить несовместимое и противоречить как законам природы, так и элементарным правилам логики. Свобода – это способ и результат отражения человеком своего общественного бытия, т. е. в значительной мере сугубо субъективная действительность, хотя и множественного характера. Необходимость же как проявление объективной действительности в ее закономерностях суть отражаемое, это внешняя действительность. Человек может познать границы действия необходимости, функциональные особенности ее проявлений, а значит, представить себе границы своей зависимости от нее, но, познав все это, человек не может обойти необходимость, оставить ее в стороне от себя. Деятельность человека в рамках так называемой познанной необходимости не оборачивается для человека свободой, как нас пытаются уверить некоторые философы вслед за Г. Гегелем и К. Марксом. Свобода в границах познанной необходимости подразумевает, наоборот, резкое сокращение возможностей многовариантного поведения человека, что может создать лишь иллюзию обретения свободы как независимости от необходимости и ее проявлений. Это – не свобода, а кажимость свободы, ибо познание законов необходимости не

освобождает человека от ее проявлений; во-вторых, по мере познания необходимости не расширяются, а, наоборот, сужаются границы возможностей деятельности человека, ибо самый оптимальный вариант для деятельности человека в пределах закономерностей, обозначенных необходимостью, в сущности, стремиться к одному единственному, остальные же в той или иной степени содержат элементы заблуждений, ошибок или ложного отражения закономерности. Глубокое познание закономерности вообще лишает человека какой-либо, даже мнимой свободы: ему необходимо найти самый лучший (единственно правильный) вариант поведения, если он есть, остальные сопряжены с разными степенями риска. Познание необходимости сужает, а не расширяет границы свободы, и это объективно полезно и целесообразно.

Таким образом, противопоставлять понятию свободы можно только что-либо в пределах человеческой деятельности, в границах внутреннего человеческого общежития, где понятие свободы, отражая взаимоотношения людей, и будет отражать степень независимости одного человека от другого человека, что, в свою очередь, дает нам возможность соотносить понятие свободы с понятиями зависимости, принуждения, обязанности или обязательства, наконец, с такими крайностями, как насилие или лишение свободы, где последние характеризуют формы человеческих взаимоотношений, а не природные закономерности. Можно сказать, что свобода в ее «подлинном» понимании, как романтическое представление о неограниченных возможностях, кончается там и тогда, где и когда у человека появляются обязанности, долг и чувство долга, и может лишь снисходить на человека как некое чувство блаженства в минуты отдыха, одиночества или редкой гармонии с окружающим.

Общественная жизнь как целостная самостоятельная система имеет в основе своего бытия исполнение обязанностей творящими ее индивидами, которые обеспечивают функционирование единого и особенного в пределах общественной системы как целого, стремящегося к самосохранению в границах общества и всего человечества. Там, где господствуют обязанности, должное, там с необходимостью возникает принуждение. А принуждение и свобода несовместимы, это противоположные сущности. Свобода как индивидуально-общественное состояние субъекта подразумевает такое его положение, когда им никто не понукает, никто не приказывает и не принуждает его делать что-либо такое,

что противно его интересам, потребностям, убеждениям, совести (воле). Быть свободным – это значит не испытывать ни с чьей стороны ни малейшего принуждения как побуждения к действию для исполнения чужой воли и которая была бы противна моей воле. Все сказанное в сущности является лишь идеалом свободы, фактически же такое положение в обществе невозможно в принципе. Исторически развивающееся человечество изобрело специальный механизм общественного принуждения, каковым выступает система существующей морали и права. На протяжении веков мыслители и деятели всех стран и народов пытаются соотнести, примирить эти не стыкующиеся категории: свободу, право и обязанность как противоположности в их диалектическом единстве. Лучший вариант такого примирения – рассматривать право как меру свободы, предложил еще Г. В. Ф. Гегель, когда в границах этого множества существующих правовых норм, законов и т. п. возможны якобы различные варианты поведения субъектов. Но в действительности, какими бы ни были эти варианты, все они суть родные братья, так как у них один вариант-родитель – законопослушание, и любой выход за его рамки автоматически включает силу принуждения и возвращает заблудшую овцу в лоно требований стадного общежития. Где право, там человек «должен расстаться... со своей естественной свободой... в той мере, в какой этого потребует благо... и безопасность общества... Ограничение личной свободы требованиями общего блага... есть право положительное или закон в тесном смысле»¹⁰⁹.

Все вышеизложенное о понятии «свобода» относится как бы к отдельному, изолированному человеку, единичному в своем бытии. Но этот «абстрактный» субъект на самом деле живет среди множества таких же, как и он, субъектов, наделенных каждый сам по себе такой же свободой, как и наш «образцовый». Источником такой свободы является естественное право человека родиться и пребывать свободным, независимым, не от чего-либо внешнего, но в самом себе и для самого себя. Как констатировал еще Аристотель, человек есть животное политическое, т. е. общественное, и вся история его развития – это развитие обществен-

ного бытия человечества, где сумма индивидуальных свобод превращается в общественное свободное состояние, в котором отдельные индивиды вынуждены согласовывать свои индивидуальные, микрогрупповые права и свободы с таковыми же других индивидов и групп, ибо чьи-либо субъективные права и свободы кончаются там и тогда, где и когда они сталкиваются в процессе общежития с такими же правами и свободами другого человека. Иначе говоря, вся общественная история человечества, пока оно живо, была, есть и будет представлять собой постоянный поиск наиболее безболезненных форм и способов согласования прав и свобод каждого с таковыми всего общественного организма как внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, отдельного и общего, единичного и множественного с объективно односторонней направленностью в пользу общественного бытия – в этом суть диалектики человечества как целого, наперекор взглядам индивидуалистов, персоналистов и любых иных защитников субъективизма.

Для соблюдения правил человеческого общежития, как говорил Х. Томазия, существует два средства: совет и приказ. Совет убеждает, приказ принуждает; первое находит отражения в нормах морали, второе – в нормах права и в системе правовых отношений. И то и другое является выражением общественной воли, направленной на согласование и упорядочение индивидуальных проявлений в границах общественного как целого. Мораль, а затем и позитивное право возникли как совокупность общезначимых норм, предписаний, запретов и разрешений, как способ регулирования поведенческих форм отдельных индивидов и групп людей в пределах функционирования целостного общественного механизма: родового, племенного, национального и даже международного. В условиях первобытных отношений, в условиях фактического неравенства, но всеобщей занятости, даже с учетом разделения ролей и становления разделения труда, вряд ли можно говорить о свободе или несвободе человека. Господство морали, обычного права, проходящего через обыденно-религиозное сознание, не приводило еще человека к осознанию своего бытия как свободного или несвободного: мир воспринимался как единое, должное бытие, всех уравнивающее как перед божьей волей, так и перед любыми проявлениями природных сил. Приказ вождя или наказ более опытного человека не имели ничего общего с тем, чтобы его можно было воспринять как покушение

¹⁰⁹ Соловьев, В. С. Соч. – Т. I / В. С. Соловьев. – М., 1990. – С. 459.

на чью-либо свободу. Как говорил позднее Ф. Шеллинг, «... нравственный и правовой строй был дополнением зримой природы, откуда правопорядок воспринимался как продолжение природного устройства, над которым свобода столь же не властна, как и над чувственной природой»¹¹⁰.

Право создается как следствие объективной общественной необходимости проявить власть, насилие по отношению к тем, кто пытается противопоставлять свое индивидуальное «Я» общественному целому, порядку, дисциплине, нанося определенный вред самосохранению этого общественного целого. Возникновение и развитие частной собственности, классов, сословного деления общества, а затем и государства ставят на новый уровень необходимость развития права как регулятора общественных отношений и понимания свободы как свободы классовой, сословной, гражданской... Возникновение позитивного права, можно сказать, изначально направлено на освобождение человека от его действительной свободы, выражающееся в самых различных вариантах ограничения естественной, «подлинной» свободы индивида, вплоть до полной ее фактической «отмены», например, для раба, что позволяло вместо человека видеть в нем живую говорящую вещь, одушевленный предмет, а не человека; или для осужденного, заключенного в местах «лишения свободы». Где начинается позитивное право, там кончается естественная свобода и вступает в силу так называемая «правовая или юридическая свобода», устанавливаемая законом, даруемая подданным как волеизъявление власти, государства как стоящего над народом элитарного меньшинства, но правящего и господствующего якобы по воле народного большинства, от имени этого большинства и во имя этого большинства. По поводу правовой свободы неплохо привести слова Г. Гегеля о том, что «...свобода бывает там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека»¹¹¹. И с ним вполне можно согласиться, если под законом иметь в виду некий богем данный мировой Закон Совести или что-то подобное, но никак не волю государя-законодателя, который может свой про-

извол возвести в ранг закона, чему примеров в истории более чем достаточно. Общественное отношение к праву и его понимание никогда не совпадают с мнениями как теоретиков права, так и законодателей. Любая форма права, даже просто предписывающая что-либо, изначально воспринимается как ограничение свободы. Это обыденное в своей сущности отношение к праву и свободе хорошо выразил, перефразировав Дж. Локка, А. Декурсель: «Свобода означает для нас право делать все, что запрещено законом... а равенство состоит в том, что мы считаем себя равными тем, кто выше нас, и выше тех, кто ниже нас»...

Теоретики права в стиле «духа законов», идей «общественного договора» и многих других пытаются представить нам право как инобытие свободы, как «совместное существование свободы под общим законом» (Ф. Шеллинг). Еще Катон пытался внушить восставшему плебсу, что правопорядок общественного организма аналогичен естественному, ибо правитель – аналог головы, работники – аналог рук и ног, чиновничество – аналог внутренних органов. И что же будет с целым телом, если руки вдруг взбунтуются? Можно согласиться с такой аналогией, но, к сожалению, она не отвечает на основной вопрос: почему роль головы исполняешь ты, а не я, почему отдаешь приказы мне ты, а не наоборот, почему именно я должен выполнять функцию рук, а не кто-то другой?.. Трудящееся население, мечтая о справедливости, всегда воспринимало и до сих пор воспринимает право по отношению к свободе двояко: с одной стороны, право всегда несправедливо, всегда является покушением на свободу; с другой – то же население уповало и уповает на княжеское, сословное или классово-демократическое правосудие как на средство восстановления поруганных прав и чести. Теоретики периода становления буржуазного права вполне искренне верили в возможность существования «чистого» права, подлинного, справедливого, трансцендентного как высшей формы реализации человеческой свободы, ибо они были жертвами феодальных отношений и исходили в своих мечтах из своей критики феодального права, которое изначально основано на открыто узаконенном неравенстве сословий и классов, на узаконенной зависимости низших от высших. Их борьба против открытого «правового» насилия, а значит, и несвободы, тоже узаконенной феодальным правом, воспринималась как борьба за некий всеобщий идеал свободы, воли. Идущий на баррикады пролетарий верил своим вождям и этим утопическим идеалам ничуть не мень-

¹¹⁰ История философии права. – СПб., 1998. – С. 222.

¹¹¹ Гегель, Г. Работы разных лет. – Т. 2 / Г. Гегель. – М., 1971. – С. 38.

ше пролетария времен социалистической революции, хотя при этом его идеал отстоял необозримо дальше от действительности, нежели в период борьбы за реализацию коммунистических идей. Как показала реальная историческая практика развития общественного бытия: «Вместо цепей крепостных люди придумали много иных» (Н. А. Некрасов).

Таким образом, появившееся позитивное право взамен отрицаемой им естественной свободы и обычных прав, характерных для первобытных отношений, предлагает право волеизъявленное, а свободу правоустановленную: делать дозволяется лишь то, что не запрещено государственной волей, выраженной в форме закона. Свобода, которая, по словам Ф. Шеллинга, не должна быть милостью или благом, которым можно пользоваться как запретным плодом, с установлением господства права становится милостью, исходящей от законодателя, благом, дарованным свыше¹¹². Здесь кроме всего складывается интересное противоречие, которое можно проиллюстрировать на следующем примере: демократические буржуазные конституции провозглашают как права и так называемые демократические свободы: слова, печати, собраний, вероисповедания и т. п. А нуждаются ли эти свободы в их установлении как права со стороны государства? Кто может отобрать у человека право молиться Богу? Кто может отменить право человека высказываться, общаться и т. п.? Можно наказывать за это, можно запретить делать это, но запретить что-либо отнюдь не означает отменить право на свободу воли к этому или право на осуществление этого. Никакое право на свободу у человека нельзя ни отобрать, ни отменить. Поэтому законодатель не может ни даровать, ни вернуть человеку право на свободу: он может лишь в норме права обговорить *условия* о том, каким способом ему пользоваться этой свободой, т. е. установить границы проявления или реализации права на эту свободу, которая ему принадлежит уже потому, что он живой, мыслящий человек.

И еще одно звено в цепи предложенных рассуждений: если законодатель считает, что он может по своей воле какие-либо свободы провозгласить, даровать, то он может их и отменить, за-

претить, отобрать, исходя из соображений некой государственной целесообразности. С точки зрения Ж. Ж. Руссо, это означает, что человека «силой заставляют быть свободным», так как сама идея общественного договора в том и состоит, что, предоставляя каждого гражданина в распоряжение общества, государство гарантирует его права от всякой личной зависимости (что, однако, в условиях частнособственнических отношений абсолютно нереально), устанавливая открытую зависимость – государственную. Великому французскому открыто противоречит И. Кант, уверяя нас, что «ни один не может принудить меня быть счастливым (а значит, и свободным. – П. Ю.) так, как он этого хочет»¹¹³, то есть на его собственный государев вкус. Увенчать же все сказанное можно словами Г. Гегеля: «...отдельная личность есть... нечто подчиненное... Поэтому если государство требует жизни индивида, он должен отдать ее»¹¹⁴.

Несовместимость любой провозглашаемой свободы со свободой «подлинной» заключается уже в том, что законодатель присвоил себе право провозглашать эти свободы. Установленная правом свобода – это не свобода, а право, дозволение какого-либо вида деятельности, поведения, или проще – свобода, установленная законом, – это не свобода, а разрешительная норма права. Государство с его законодательной деятельностью и правовыми институтами люди создавали вовсе не для того, чтобы оно даровало или отменяло свободы или несвободы, а для того, чтобы свобода одного индивида не мешала свободе другого. Государство – это объективно необходимая и тем не менее искусственно создаваемая людьми, регулирующая общественные отношения (общественный порядок) система. Создав государство с его неотъемлемым атрибутом – правом, человечество лишилось своей естественной патриархальной свободы: сама сущность государства, позитивного права несовместимы с проявлениями свободы как независимости от государства и его правовых установлений, провозглашая права, государство тут же превращает их в обязанности, вытекающие из прав, как только последние вступают в стадию реализации, т. е. в их противоположность – в несвободу.

¹¹² См.: Шеллинг, Ф. Соч. – Т. 1 / Ф. Шеллинг. – М., 1987. – С. 410–412.

¹¹³ Кант, И. Соч. – Т. 4(2) / И. Кант. – М., 1965. – С. 79.

¹¹⁴ Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель. – М., 1990. – С. 130.

Разговор о понятии свободы и о месте этой категории в философии права будет не закончен, если не обратиться еще к одной форме проявления этого феномена. Речь пойдет о так называемой свободе воли, о значимости которой очень конкретно выразился Вольтер: «...свобода состоит в его (человека) возможности действовать, а не в химерической возможности хотеть чего-нибудь захотеть»¹¹⁵. Очень многие мыслители стремились ограничить проявления человеческой свободы свободой воли. Человек «отличен от всех других творений (тем), что ему дана возможность самоопределять себя к чему-либо, дана воля на выбор. Эта возможность самоопределения есть свобода человека»¹¹⁶ (Г. Ф. Пухта). В начале двадцатого столетия эта идея стала основополагающей во французском экзистенциализме. Но эта возможность, в сущности, иллюзорна, так как чисто субъективна, поскольку сам себя человек может определять кем угодно, в полном соответствии со своими желаниями (волей), но если другие люди с его самоопределением не согласны, то эта воля, эта свобода превращается в чистую кажимость, в иллюзию, лишь в воображаемое нечто как в школьной задачке по логике: она была лидером в своем классе, но никто из класса этого не признавал. Сама же проблема воли, желаний, потребностей не имеет к праву никакого отношения, так как проявление воли как желания или потребности, сознательного или произвольного выбора – это субъективные проявления психики человека, в функционирование которой ни право, ни вообще что-либо внешнее вмешаться не может, если не изменить психику субъекта либо гипнотически, либо фармакологически, либо еще как-нибудь иначе. Это сугубо субъективно-индивидуальные проявления, которые порождаются в психике человека, как в идеальном нечто, во всех его составляющих: в чувственно-эмоциональной, вегетативно-физиологической, рационально-деятельной сферах. Применительно к проявлениям психической деятельности вообще нельзя говорить о свободе или несвободе этих проявлений. Можно человека заставить что-либо делать вопреки его собственной воле, но самого желания (воли) или нежелания ни навязать, ни отменить нельзя.

¹¹⁵ Жюлия, Д. *Философский словарь* / Д. Жюлия. – М., 2000. – С. 395.

¹¹⁶ *История философии права*. – СПб., 1998. – С. 325–327.

Можно отметить, что сама проблема свободы воли имеет еще один аспект, который связан с понятием ответственности человека. Корнями эта проблема уходит еще в период становления христианства и даже к более ранним временам. У последователей учения И. Христа эта идея нашла широкую поддержку, так как она давала возможность объяснить происхождение первородной греховности человека перед создателем: если человек – творение божье, ни один волос которого с его головы без воли всевышнего не упадет, то во всех без исключения поступках человека эта воля не только присутствует, но и определяет их, откуда человек не может быть ответственным за свои как добрые, так и греховные дела и мысли. Он выступает в роли марионетки, которую творец направляет куда и к чему-либо исключительно по собственному усмотрению. Такой подход сразу же приводит к противоречию в понимании самой сути идеи первородного греха: Адам и Ева вкусили от запретного плода в полном соответствии с волей творца, и Бог не имел никакого права обвинить их в этом и тем более наказывать изгнанием из Эдема.

Эта проблема установления виновности и ответственности, вытекающая из определяющей роли свободной воли, нашла отражение и в позитивном праве. Правоведа свобода индивида интересует сугубо с этой стороны: если человек сам сознательно выбрал противоправный способ достижения своих целей, он должен нести всю полноту ответственности за причиненное зло, во всех же остальных аспектах понятие свободы – это неправовая категория, хотя на основании правовых решений о степени виновности и общественной опасности человек претерпевает действие санкций со стороны государственных органов правопорядка вплоть до лишения свободы. При этом необходимо обратить внимание еще на одну сущностную сторону этого явления: за что мы наказываем грешника, как религиозного, так и правового? За волю и выбор или за сам поступок, последовавший за этим актом воли? Священная инквизиция, феодальная и тоталитарная юстиция наказывали человека за сами желания, идеи независимо от наличия деяния, а значит, и наступивших или не наступивших последствий¹¹⁷. Сам умысел наказуем, ибо он уже грехо-

¹¹⁷ В наше время политические заговоры, террористические угрозы и т. п. тоже наказуемы сами по себе.

вен. Таким образом, свободу воли, сам процесс мышления ставили под контроль и пытались регулировать запретами и разрешениями. И очень мало было тех, кто задумывался над справедливостью подобных запретов: сам И. Христос сказал, что смотрящий на женщину с вожделением уже прелюбодействует с нею в сердце своем. Поэтому все диктаторы хотели бы видеть вокруг себя проявление только верноподданнических чувств, идей, порывов.

В наше время научно-психологическая и правоведческая мысли пришли к достаточно однозначному выводу: заставить человека «волить», мыслить, выбирать и т. п., подчиняясь беспрекословно воле другого, нельзя, не превратив этого первого в марионетку или идиота, лишённого мыслительной самостоятельности при помощи психотропных или иных каких-либо искусственных средств. Поэтому, действительно, свобода воли, желаний как мыслительной или иной психической деятельности близка к абсолюту, хотя и обусловлена множеством как внешних, так и внутренних сторон жизнедеятельности субъекта. Сама мысль, само желание чего бы то ни было не имеют и не могут иметь каких-либо практических последствий (хотя некоторые представители экстрасенсорики, эзотеризма и т. п. явно с этим не согласятся), если не перешли на стадию воплощения через реальные действия, а это значит, что за один только, даже и самый наипреступнейший умысел, нельзя привлекать к ответственности: умысел как мечта может так и остаться нереализованной идеей и никому не причинит реального зла, за исключением, может быть, самого субъекта этого умысла. Однако умысел как функционирующая воля чаще всего не ограничивается местопребыванием в голове субъекта. Он, пройдя через стадию выбора средств, способов его реализации, толкнет субъекта к действиям, которые могут принести зло или добро, разрушение или созидание. Как зло это деяние уже наказуемо само по себе, но этого мало, наличие предварительного замысла сознательного причинения вреда или иного зла превращает поступок из возможно неосторожного и т. п. в умышленный, и наличие умысла отягощает вину правонарушителя. Свобода воли как «подлинная» свобода действительно является во многом определяющим моментом *сейчас* по отношению к тому, что может последовать *затем*...

С другой стороны, можно ли свободу воли субъекта приравнять к свободе самого субъекта? Вопрос, наверное, лишен всякого смысла, так как между потребностью, желанием, возможностями

и фактом их реализации может лежать пропасть. Желать можно многого, практически неограниченно многого, и при всем при этом такого Манилова, который находит в своих мечтаниях истинное удовольствие, мы назовем мечтателем, идеалистом и т. п., чудачком или как-либо хуже, но он по своему прав: «Свобода – это право субъекта находить удовлетворение в поступке»¹¹⁸, а если человек находит это самое удовлетворение на стадии самого желания, то это его неотъемлемое право. Удовлетворение или удовлетворенность – это психологическая категория, отражающая определенное состояние психики субъекта, когда его внутренние претензии, потребности реализованы или в форме деятельности как процесса, или в форме результатов его деятельности. Человек чувствует себя свободным, когда ему никто не мешает, не понуждает к тому, что противно его воле. «Свобода – это когда никто не может заставить меня делать то, чего я не хочу»¹¹⁹.

Из вышеизложенного следует: если я хочу того же, чего хотят и другие, т. е. мои цели, независимо от других людей, совпадают с их целями и волеизъявлениями; если, работая вроде бы на самого себя, я тем не менее работаю и для других, удовлетворяя еще чьи-то потребности, притом независимо от того, знаю ли я об этом или нет; если я не чувствую, что моя деятельность осуществляется вопреки моим желаниям, моей воле; если я не испытываю ни с чьей-либо стороны никакого давления, зависимости, т. е. несвободы; если все это не противоречит моему «Я» – то все это и есть определение и оправдание сущности моей свободы как «живого и внутреннего чувства» (Р. Декарт). Таким образом, состояние переживания ощущения свободы, ее понимание приходит от противного, т. е. там и тогда, где и когда что-либо воспринимается мной как помеха, насилие или покушение на мою волю, на мое «Я», т. е. от несвободы. Тогда у меня возникает потребность и желание освободиться от этой зависимости, т. е. обрести свободу. Историческая борьба за свободу классов, народов, эмансипацию женщин и т. п. была на самом деле не борьбой за

¹¹⁸ Гегель, Г. *Философия права* / Г. Гегель. – М., 1990. – С. 165.

¹¹⁹ Алексеев, П. В. *Философия* / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М., 1996. – С. 424. Авторы приписывают эти слова Екатерине II.

свободу, а борьбой против в тех или иных формах существующего подчинения, угнетения, насилия. История постоянно подтверждает всем известный факт: освобождаясь от одной формы или уровня несвободы, человек попадает в другую, но в своей эйфории якобы сиюминутно обретенной свободы он замечает это намного позднее.

Понятие свободы в чем-то аналогично понятию счастья, ибо оба эти понятия имеют в себе чувственное, психическое начало, хотя в восприятии свободы и несвободы наличествует достаточная доля рациональности, а не только эмоций. Как и радость счастья, радость свободы имеет величайшую притягательность в сознании человека, оставаясь по существу понятием, по объему стремящимся к нулевому. «Понятие свободы – это чистое понятие разума, – писал И. Кант, – т. е. ему не может соответствовать ни один пример из возможного опыта»¹²⁰. Состояние свободы – это кажимость, это психическое состояние (ощущение, сознание, идея) субъекта, которое существует в субъекте до тех пор, пока его желания, претензии, воля, деятельность совпадают со средствами и способами их реализации, с внешней объективностью.

Цели деятельности нашего субъекта совпадают с целями других субъектов, это значит, что его субъективность совпадает с объективностью в такой степени, что вместе они составляют такое взаимодействие диалектических противоположностей, где единство явно превосходит над борьбой. Субъект не ощущает себя несвободным, даже действуя исключительно в кругу исполнения обязанностей, если последние совпадают по содержанию и форме деятельности с его собственными потребностями, желаниями и волей, иными словами, он не испытывает какой-либо степени неудобства, принуждения и т. п. со стороны кого или чего бы то ни было. Как говорил царь Дадон у А. С. Пушкина: волю каждую твою я исполню как свою.

Таким образом, свобода – это нравственно-психологическая категория, отражающая степень, уровень совпадения субъективного с объективным, или иначе, это понятие, отражающее внутреннее, психическое состояние субъекта, при котором послед-

ний не чувствует, не осознает, не ощущает своей зависимости от чего или кого-либо ни в форме психического давления, ни в форме прямого физического принуждения. Это психическое состояние, когда субъект полностью уверен, что, действуя тем или иным образом, он вершит только свою волю и не задумывается, или ему это безразлично: совпадает ли воля его «Я» с волею других, таких же ему подобных: «Они», «не-Я» или других «Я».

¹²⁰ См.: Кант, И. Соч. – Т. 4(2) / И. Кант. – М., 1965. – С. 128.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Я НЕ ПОНИМАЮ»

Насколько убедительно и доказательно написана представленная читателю работа, судить самому читателю. В одном только можно быть полностью уверенным: идеи, представленные автором на суд читателя, вызовут противоречивые мнения. Что же касается читателей-юристов, то последние по всей вероятности обвинят автора в юридической безграмотности, некомпетентности, а то и в прямых заблуждениях. Автор, вполне понимая это, всегда и в любой форме готов выслушать и принять все возражения со стороны правоведов. Он вполне удовлетворится даже только тем, что его работа вызовет некоторое брожение в умах теоретиков права. В свое время, обращаясь к автору данной работы, одна из коллег-преподавателей теории права, когда обсуждались те или иные правовые проблемы, говаривала в его адрес: «Ты – философ, молчи, ибо ничего не понимаешь в правовых проблемах, ибо – не юрист...» Я вовсе не претендую на то, чтобы сравнить себя с И. Кантом или В. Гегелем, которые тоже не были юристами, но очень много своего внимания уделили обсуждению правовых проблем. Да, я не юрист по образованию, но явно не поэтому я до сих пор многого *не понимаю*, с одной стороны, являясь непосредственным «героем нашего времени», с другой – на протяжении многих лет знакомясь со специальной научной литературой по теоретико-правовым вопросам.

Я не понимаю, как можно говорить и даже проповедовать какое-то специальное правовое, формальное юридическое равенство перед законом, когда внутри закона, правовой системы мы признаем и творим совершенно обратное. Как можно говорить о равноправии, когда государственное и местное чиновничество само себе определяет материальное содержание, представляет себе разные льготы и исключения из общих правил. Или это – следствие нашей *необуржуазной* демократии?

Я «не понимаю», зачем ставшими ренегатами «коммунякам» понадобилось вводить институт частной собственности и разделить народ на «хозяев» и пролетариев? Этим самым позволить нуворишам на базе классовой эксплуатации трудящихся безнаказанно грабить страну, а основной массе народа прозябать и нищенствовать под господством этих слоев новой буржуазии.

Я не понимаю, о какой свободе или свободах для человека может позаботиться система права, когда почти каждая норма *de facto* говорит о том, что запрещено, чего нельзя, или строго указывает не только на то, что можно, но и как это надо делать: а по-иному – нельзя. Любая норма указывает на достаточно жесткие границы и условия поведенческой свободы субъекта.

Я не понимаю, как можно говорить о праве как носителе справедливости, «по определению» В. С. Нерсисянца, когда применяемые к осужденным меры наказания абсолютно несоразмерны (в пользу виновника) совершенному деянию, а точнее, причиненному злу. Наши же «акционеры» и банковские воротилы открыто благоденствуют на беспардонном ростовщичестве.

Я не понимаю некоторых сторон процессуального права, в соответствии с которым можно не признать доказательной даже истинную информацию, если она получена с так называемыми нарушениями процессуального права. Как можно истину признавать по закону, если она объективна. Это равносильно тому, как если бы нам прислали письмо, написанное с грамматическими и иными ошибками (ибо тоже нарушены правила), а мы на основании этого сочли бы его недействительным и выбросили.

Я не понимаю, на каком основании члены местной администрации называют себя министрами? Я не понимаю, какие такие законы (а закон – это форма высшей всеобщности) могут принимать и вводить наши местные органы власти. Законность в своем источнике может быть только едино-всеобще-российской и никак иначе.

Я не понимаю, каким образом может не хватать денег в областном или городском бюджете на уборку улиц и обеспечение иных необходимых общественных нужд, когда чиновничий аппарат раскатывает в дорогих зарубежных автомобилях.

Я не понимаю, почему управленческие системы в своей практике отказались от принципа демократического централизма, заменив его принципом – «Я – начальник!..»

Конечно, список такого «непонимаемого» в нашей правовой системе можно продолжить, ибо практика и законодательство, теоретический уровень правосознания и обыденный существенно не совпадают. Но может быть, нам согласиться с тем, что право и справедливость суть несовместимы; что право лишает человека многих возможностей в проявлении его свободы; что право разделяет людей в их неравенстве, делая одних

власть имущими, других подданными; что принятые законодательными органами законы на самом деле не являются законами, а всего лишь правилами, из которых бывает достаточное количество исключений для лиц, приближенных к... И тогда все названные и неназванные «Я-непонимайки» окажутся объяснимыми и понятными, так как закономерно вытекают из довольно основательного и вполне осознанного несовершенства правовой системы нашей страны. Все встанет на свои места, и противоречия «разрешатся» сами собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеенкова, М. П. Право на физическую свободу / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 2005. – № 3.
2. Азаркин, Н. Н. История политических учений / Н. Н. Азаркин, В. Н. Левченко, О. В. Мартышкин. – М.: Юрист, 1994.
3. Актуальные теоретические проблемы правовой системы общества // Государство и право. – 2004. – № 7.
4. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб., 1999.
5. Алексеев, С. В. Социология права: базовые подходы / С. В. Алексеев // Философия права. – 2006. – № 3.
6. Алексеев, С. С. Философия права / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 1998.
7. Алексеев, С. С. Право. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999.
8. Алиев, Т. Т. Презумпция истинности судебного решения в гражданском процессе / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов // Государство и право. – 2004. – № 8.
9. Андреева, О. А. Проблема взаимодействия права и морали в условиях изменяющейся России / О. А. Андреева // Философия права. – 2009. – № 3.
10. Андриановская, И. И. Справедливость в современной правовой действительности в России / И. И. Андриановская. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009.
11. Антонов, М. В. Обзор круглого стола «Философия права в России: история и современность. Москва, 2–3 октября 2008 г. / М. В. Антонов и др. // История государства и права. – 2009. – № 7.
12. Архипов, С. И. Субъект права в центре правовой системы / С. И. Архипов // Государство и право. – 2005. – № 7.
13. Ашин, Г. К. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий / Г. К. Ашин, С. А. Кравченко, Э. Д. Лозаннский. – М.: Экзамен, 2001.
14. Бабенко, Ю. И. Закон в отечественной правовой мысли / Ю. И. Бабенко // Философия права. – 2007. – № 4.
15. Баинин, В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья / В. А. Баинин // Государство и право. – 2001. – № 5.
16. Беспалова, Т. В. Религиозный патриотизм в христианской

- парадигме // *Философия права* / Т. В. Беспалова. – 2009. – № 5.
17. Бонашак, М. Человек и власть / М. Бонашак, Й. Форхольцер; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1973.
18. Бородин, С. В. О судебной власти в России / С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев // *Государство и право*. – 2001. – № 10.
19. Борщ, И. Философия права Н. Н. Алексеева / И. Борщ // *Государство и право*. – 2006. – № 1.
20. Брянкин, Е. В. Морально-этические основы ограничения прав человека / Е. В. Брянкин // *Философия права*. – 2009. – № 2.
21. Величко, А. М. Философия русской государственности / А. М. Величко. – СПб.: Юридический институт, 2001.
22. Волков, А. В. Цель и средства при злоупотреблении правом: философско-правовой подход / А. В. Волков // *Философия права*. – 2009. – № 4.
23. Воронкова, О. В. Социокультурные и психологические особенности приверженцев нетрадиционных религиозных верований / О. В. Воронкова // *Философия права*. – 2009. – № 5.
24. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990.
25. Гранкин, С. М. Справедливость как основная, аксиологическая категория в социально-правовых воззрениях Н. Н. Алексеева / С. М. Гранкин // *Философия права*. – 2007. – № 1.
26. Гребеньков, Г. В. Право как предмет философского и научного познания: принципы и методология демаркации / Г. В. Гребеньков // *Философия права*. – 2010. – № 1.
27. Гребеньков, Г. В. Культурно-антропологические истоки права / Г. В. Гребеньков // *Философия права*. – 2006. – № 4.
28. Григорьян, Г. М. К вопросу о соотношении правовых систем / Г. М. Григорьян // *Философия права*. – 2007. – № 5.
29. Демидов, А. И. Учение о политике: философские основания / А. И. Демидов. – М.: Норма, 2001.
30. Денисенко, С. В. О необходимости законодательной дефиниции религиозного образования: концептуально-правовые аспекты / С. В. Денисенко // *Философия права*. – 2009. – № 3.
31. Диденко, И. И. Право и свобода / И. И. Диденко, В. Н. Селиванов // *Правоведение*. – 2001. – № 3.
32. Дубинина, Е. Н. Сущность процесса юридизации отношений современного общества / Е. Н. Дубинина // *История государства и права*. – 2008. – № 10.
33. Душина, Т. В. Объективное и субъективное в религиозно-

общественной жизни / Т. В. Душина, А. А. Лагунов // *Философия права*. – 2009. – № 5.

34. Ерыгин, А. Н. Историческая диалектика в философии права: Чичерин и Гегель / А. Н. Ерыгин // *Философия права*. – 2007. – № 2.

35. Жуков, В. Н. Возрожденное естественное право в России конца 19 – начала 20 вв.: общественно-политическая функция и онтологическая основа / В. Н. Жуков // *Государство и право*. – 2001. – № 4.

36. Жуков, В. Н. Философия права (теоретико-методологический аспект) / В. Н. Жуков // *Государство и право*. – 2009. – № 3.

37. Жуков, В. Н. Философское познание государства и права / В. Н. Жуков // *Государство и право*. – 2010. – № 6.

38. Ивашевский, С. Л. Проблема сущности права в истории отечественной философско-правовой мысли / С. Л. Ивашевский // *Государство и право*. – 2007. – № 12.

39. Ивонин, Ю. П. Соотношение формального и материального источников права в философско-правовой концепции П. И. Новгородцева / Ю. П. Ивонин // *Философия права*. – 2009. – № 3.

40. Иконникова, Г. И. Философия права / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – М.: Высшая школа, 2007.

41. Ильин, И. А. Общее учение о праве и государстве / И. А. Ильин // *Собр. соч.* – Т. 4. – М.: Русская книга, 1994.

42. Исаев, И. А. Господство / И. А. Исаев. – М.: Норма, 2008.

43. Исаева, Л. Н. Сознание и правопонимание / Л. Н. Исаева // *Государство и право*. – 2004. – № 8.

44. История политических и правовых учений. – М.: Юрид. лит., 1988.

45. История философии права. – СПб., 1998.

46. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант // *Собр. соч.* – Т. 4. – Ч. 2 – М.: Мысль, 1965.

47. Кальной, И. И. Философия права: учебник / И. И. Кальной. – СПб., 2006.

48. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права / Т. В. Кашанина. – М.: Высшая школа, 2004.

49. Кац, Г. М. Логико-методологический аспект анализа социальных явлений / Г. М. Кац. – Кишинев: Штеница, 1985.

50. Керимов, Д. А. Социология и правоведение / Д. А. Керимов // *Государство и право*. – 1999. – № 8.

51. Керимов, Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М., 2008.

52. Косарев, А. И. Право и... смысл жизни / А. И. Косарев // Российский юридический журнал. – 2010. – № 2.
53. Косовская, И. И. Трансформация российских элит в федеральном и региональном политико-правовых пространствах / И. И. Косовская // Философия права. – 2009. – № 3.
54. Костин, Ю. В. Идеи соотношения права и справедливости в истории политико-правовой мысли Древней Руси / Ю. В. Костин // История государства права. – 2010. – № 18.
55. Кочетков, В. В. Справедливость как сущность социального человека / В. В. Кочетков // Философия права. – 2009. – № 5.
56. Кузнецов, Э. В. Философия права в России / Э. В. Кузнецов. – М.: Юрид. лит., 1989.
57. Куликов, В. В. Право и социальные системы / В. В. Куликов // История государства и права. – 2001. – № 2.
58. Куницын, А. С. Возрождение естественного права в России на рубеже 19–20 вв. / А. С. Куницын // История государства и права. – 2008. – № 17.
59. Левченков, А. И. Новое – это хорошо забытое старое, или Снова о революции / А. И. Левченков // Философия права. – 2007. – № 4.
60. Лейст, О. Э. Сущность права / О. Э. Лейст. – М.: МГУ, 2002.
61. Леони, Бруно. Свобода и закон / Бруно Леони; пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, 2008.
62. Лизикова, И. И. Концептуальные подходы к определению права в юридической науке / И. И. Лизикова // История государства и права. – 2010. – № 13.
63. Лихачев, Г. Д. Концептуальная структура философии права / Г. Д. Лихачев // История государства и права. – 2007. – № 14.
64. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М., 1998.
65. Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М.: Академический проект, 2002.
66. Малько, А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А. В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 4.
67. Малько, А. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» / А. В. Малько, В. В. Трофимов // Государство и право. – 2010. – № 7.
68. Малый, А. Ф. Государственная власть как правовая категория / А. Ф. Малый // Государство и право. – 2001. – № 3.
69. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. – Соч. – Т. 1 / К. Маркс. – М., 1955.
70. Мартышин, О. В. Нужна ли философия права как самосто-

ятельная юридическая дисциплина / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2009. – № 11.

71. Мартышин, О. В. Общетеоретические юридические науки и их соотношение / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 7.

72. Мартышин, О. В. Проблема ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 10.

73. Мартышин, О. В. Нравственные основы теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2005. – № 7.

74. Марченко, М. Н. Закон в системе источников современного российского права / М. Н. Марченко // Ученые-юристы МГУ о современном праве; под ред. д-ра юрид. наук М. К. Треушников. – М., 2005.

75. Марченко, М. Н. Философия права и общая теория права: взаимосвязь и взаимодействие / М. Н. Марченко // Правоведение. – 2009. – № 3.

76. Марченко, М. Н. Источники права: учебное пособие / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2006.

77. Медушевская, Н. Ф. Российское право как выражение неправового насилия / Н. Ф. Медушевская // История государства и права. – 2008. – № 23.

78. Моисеев, С. Философия права: курс лекций / С. Моисеев. – Новосибирск, 2004.

79. Муравский, В. А. Актуально-правовой аспект правопонимания / В. А. Муравский // Государство и право. – 2005. – № 2.

80. Муравский, В. А. Право формальное и право реальное / В. А. Муравский // Российский юридический журнал. – 2009. – № 2.

81. Муромцев, Г. И. Обычное право в культурно-историческом контексте / Г. И. Муромцев // История государства и права. – 2010. – № 13.

82. Навальный, С. В. Преемственность в развитии политико-правовой мысли / С. В. Навальный, Е. А. Романенко // Философия права. – 2009. – № 5.

83. Небрятенко, Г. Г. Концептуализация правовой таксономии общества / Г. Г. Небрятенко // Философия права. – 2010. – № 1.

84. Нерсесянц, В. С. Философия права Гегеля / В. С. Нерсесянц. – М.: Юрист, 1998.

85. Нерсесянц, В. С. Философия права: учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма, 1997.

86. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2000.

87. Нерсисянц, В. С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции / В. С. Нерсисянц // Государство и право. – 2001. – № 6.

88. Нравственные основы теории государства и права (международная научная конференция) // Государство и право. – 2005. – № 8.

89. Низовцев, В. В. Политическое отчуждение в контексте правовой транзиции / В. В. Низовцев // Философия права. – 2009. – № 3.

90. Никеров, Г. И. Судебная власть в правовом государстве (опыт сравнительного исследования) / Г. И. Никеров // Государство и право. – 2001. – № 3.

91. Новгородцев, П. И. Введение в философию права / П. И. Новгородцев. – СПб., 2000.

92. Палозян, А. С. Характеристика функций права в системе категорий диалектики / А. С. Палозян // История государства и права. – 2009. – № 6.

93. Петрухин, И. Л. Человек как социально-правовая ценность / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1999. – № 10.

94. Петюкова, О. Н. Правовое содержание религиозной свободы в России: опыт, проблемы, тенденции / О. Н. Петюкова // Государство и право. – 2009. – № 4.

95. Плахов, В. Д. Социальные нормы. Философия основания общей теории / В. Д. Плахов. – М.: Мысль, 1985.

96. Поленина, С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России / С. В. Поленина // Государство и право. – 1999. – № 9.

97. Поликарпова, Е. В. Современные технологии обработки сознания и права человека / Е. В. Поликарпова // Философия права. – 2007. – № 4.

98. Право и политика современной России. – М.: Былина, 1996.

99. Рассолов, М. М. Актуальные проблемы теории государства и права / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов. – М.: Юнити, 2011.

100. Раянов, Ф. М. От правоведения к юриспруденции / Ф. М. Раянов // Государство и право. – 2003. – № 9.

101. Редько, Т. Н. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права в России / Т. Н. Редько, Н. Т. Медведева // Государство и право. – 2005. – № 3.

102. Родбрух, Г. Философия права / Г. Родбрух; пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2004.

103. Ромашов, Р. А. Закон, правило, норма, долженствование / Р. А. Ромашов // Правоведение – 2001. – № 6.

104. Рябченко, В. В. Иерархический статус гражданского общества в системе отношений власти и бизнеса / В. В. Рябченко // Философия права. – 2009. – № 2.

105. Селиванов, А. И. Введение в российскую философию государства и права / А. И. Селиванов // История государства и права. – 2010. – № 17.

106. Сигалов, К. Е. Генезис российской среды права / К. Е. Сигалов // История государства и права. – 2008. – № 12.

107. Сорокина, Ю. В. Введение в философию права / Ю. В. Сорокина. – М.: Норма, 2008.

108. Старченко, А. Философия права и принципы правосудия в США / А. Старченко. – М.: Высшая школа, 1969.

109. Стельмашук, Г. В. Философия права: учебное пособие / Г. В. Стельмашук. – СПб., 2005.

110. Супатаев, М. А. Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект) / М. А. Супатаев // Государство и право. – 2010. – № 4.

111. Сырых, В. М. О праве социализма на собственное право (по версии академика В. С. Нерсисянца) / В. М. Сырых // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 4.

112. Тарасенко, В. Г. Постулаты права / В. Г. Тарасенко. – М.: Городец, 2009.

113. Терехин, А. А. Самостоятельность судебной власти и независимость судей как гарантия прав граждан / А. А. Терехин // Государство и право. – 2004. – № 8.

114. Титова, А. В. Понятие правосудности и справедливости приговора по российскому праву / А. В. Титова // Философия права. – 2009. – № 5.

115. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М.: Айрис-пресс, 2006.

116. Тихонравов, Ю. В. Основы философии права / Ю. В. Тихонравов. – М.: Вестник, 1997.

117. Толстик, В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права / В. А. Толстик // Государство и право. – 2004. – № 9.

118. Толпыкин, В. Е. Философия права в контексте междисциплинарной интеграции образовательного пространства / В. Е. Толпыкин // Философия права. – 2010. – № 3.

119. Толпыкин, В. Е. Правовая культура общества и личности как комплексная системообразующая проблема философии права / В. Е. Толпыкин // Философия права. – 2009. – № 4.

120. Усанов, В. Е. Разделение властей как основа конституцион-

- ного строя и его роль в формировании парламентаризма в современной России / В. Е. Усанов // Государство и право. – 2005. – № 12.
121. Филимонов, В. Д. Справедливость как принцип права / В. Д. Филимонов // Государство и право. – 2009. – № 9.
122. Филиппов, Г. Г. Социальная организация и политическая власть / Г. Г. Филиппов. – М.: Мысль, 1985.
123. Философия права / Под ред. О. Г. Данильяна. – М.: ЭКС-МО, 2005.
124. Философия права Гегеля и современность. – М.: Наука, 1977.
125. Фролов, С. С. Основы социологии / С. С. Фролов. – М.: Юрист, 1997.
126. Хайруллин, В. И. Что такое «коммунитарная справедливость» / В. И. Хайруллин // Государство и право. – 2007. – № 9.
127. Честнов, И. А. Субъект права: от классической к постклассической парадигме / И. А. Честнов // Правоведение. – 2009. – № 3.
128. Чечулин, В. Л. О гносеолого-психологических основаниях философии права / В. Л. Чечулин // Философия права. – 2010. – № 1.
129. Чукин, С. Г. Проблема обоснования справедливости в современной философии права / С. Г. Чукин // История государства и права. – 2004. – № 5.
130. Чукин, С. Г. Философия права / С. Г. Чукин, В. П. Сальников, В. В. Балахонский. – М., 2002.
131. Шевцов, В. С. Политическая власть в системе политической организации советского общества / В. С. Шевцов // Международные отношения, политика и личность. – М.: Наука, 1976.
132. Шпак, А. В. Проблемы силы права в русской философии права / А. В. Шпак // Философия права. – 2006. – № 2.
133. Щелоков, К. С. Бюрократизация права / К. С. Щелоков // История государства и права. – 2010. – № 13.
134. Шугуров, М. В. К вопросу о содержании понятия «философия международного права» / М. В. Шугуров // Философия права. – 2010. – № 3.
135. Юридическое образование – важное условие формирования гражданского общества в России // Государство и право. – 2001. – № 3.
136. Явич, Л. С. Сущность права / Л. С. Явич. – Л.: ЛГУ, 1985.
137. Яковлев, В. Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право / В. Ф. Яковлев. – 2004. – № 11.
138. Яценко, А. С. Философия права Владимира Соловьева / А. С. Яценко. – СПб.: Алетейя, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Философия и теория права	5
В защиту теории отражения	12
Право как отражение в сфере общественного бытия	25
Право и власть	57
Закон или правило?	82
Право и общественные отношения	100
Право и политика	101
Право и религия	108
Право и экономика	116
Право и семья	122
Нравственность и право	129
Право и справедливость	133
Право и свобода	151
ПОСЛЕСЛОВИЕ	176
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	179

Научное издание

ЮСОВ Павел Александрович

СОДЕРЖАНИЕ И СМЫСЛ ПРАВА

Монография

Верстка О. А. Надточий

Корректор М. Ф. Шатохина

Подписано в печать 15.12.2011. Бумага «Ballet»
Гарнитура «Times New Roman PS MT». Формат 60x84¹/₁₆
Тираж 500 экз. Объем 11,75 усл. п. л. Заказ № 916-11

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32
Тел. (4242) 45-23-16, факс (4242) 45-23-17
E-mail: polygraph@sakhgu.sakhalin.ru